

Глава первая

Шиворот – навыворот

Надежды – не одежды, меняются, конечно,
Но в целом все, как прежде: обмен не бесконечный.
Все шиворот – навыворот,
А жизнь порой так вывернет,
Что станет не до выбора, хоть, выбрать и могли...
/ А. Навский /

2000 год.

Аристарх Ламбровский несколько раз порывался изменить свою жизнь кардинальным образом, но каждый раз возвращался к музыке. Ему до смерти надоело быть шестьдесят второй, образно выражаясь, скрипкой в оркестре местного музыкального театра. Он чувствовал себя человеком второго сорта, которого засунули на задворки. Задворками Аристарх называл самое дальнее место от дирижера, закрепленное за ним на веки вечные. Он испытывал неловкость, когда садился дальше всех смычковых струнных инструментов. Одно время молодой человек находил в этом преимущество: можно водить смычком по струнам для вида, а на самом деле размышлять о смысле жизни.

Все изменения в жизни Ламбровского происходили на исходе очередного десятилетия. Например, в десять лет он взбунтовался и решительно отказался посещать музыкальную школу. Родитель имел с ним долгий разговор, закончившийся рукоприкладством. Тогда десятилетний Арик понял, что жизнь не удалась и придется покориться судьбе.

В двадцать лет молодой человек решил стать поэтом. С таким сочетанием имени и фамилии ему прямая дорога в клан сочинителей. Он с вызовом объявил предкам, что будет писать стихи. При этом свысока посмотрел на отца, в самом прямом смысле, так как тот едва доставал ему до плеча. Родитель вздохнул и посмотрел на мать, призывая ее к решительным действиям. Женщина пустила слезу, заявила, что желала видеть сына великим скрипачом, но Аристарх вежливо перебил.

- Славы Антонио Вивальди, Давида Ойстраха и Николо Паганини мне не достичь.

- Но ты можешь стать первой скрипкой в оркестре, - вмешался отец, присаживаясь на краешек стула. Рядом с сыном – великаном он чувствовал себя неудобно.

- Арик, я прошу тебя не предавать музыку! - с пафосом в голосе заявила «несчастливая» мать.

Сын внял ее мольбам и остался верен и музыке, и скрипке, и оркестру, куда его пригласили совсем недавно.

Но от задумки стать поэтом не отказался, написанием стихов он занимался по ночам, тайно от всех. Когда первый сочинительский труд был закончен, Ламбровский встал посередине своей небольшой комнаты и... шепотом продекламировал сочинение в шестнадцать строк. Прочесть во всю мощь своих легких он не решился: время близилось к утру и окружающие крепко почивали в своих постелях. Аристарху понравилось и стихотворение, и сам процесс сочинительства, он был уверен в успехе и собственноручно отнес свой опус в редакцию местной газеты «Пламя», где по средам печатали труды начинающих авторов, как поэзии, так и прозы. Отнес и затаился в ожидании. Время шло, а сочинение Ламбровского на страницах местной печати не появлялось.

- Хорошо, - грозным голосом заявил сам себе «поэт» и принялся за новый шедевр. – Не мытьем, так катаньем. Забросаю их стихами...

Творения вылетали из-под пера автора. Он ежедневно посещал редакцию и приносил стихи. Не выяснял их будущее, просто оставлял и с гордым видом удалялся. Мол, вы еще пожалеете, что не признали во мне гения!

Очередной выпуск по средам он ждал с нетерпением, открывал дрожащими руками и пробегал глазами ровные столбцы стихов неизвестных авторов. Его фамилия не значилась...

В другие издания Арик свои творения не носил, решить взять измором именно эту газету. Его упорство было вполне объяснимым: родители выписывали «Пламя» много лет, и отец каждую среду читал матери вслух напечатанные стихи и рассказы. Она готовила ужин, а он сидел за столом и читал. Этакая семейная традиция. Аристарху очень хотелось, чтобы однажды отец перевернул газету на четвертую страницу и удивленно заявил.

- Смотри, мать, стихи нашего сына! - потом он прочел бы их с выражением и с восхищенно заметил. - Ну, талант, наш мальчик, ну, талант! – И вытер скупую мужскую слезу.

Мать попросила бы прочесть еще раз, села рядом с отцом, подставив руку под щеку, и слушала, забыв о скворчащих на сковороде котлетах. Без сожаления выбросила бы сгоревший ужин в мусорное ведро и снова принялась слушать до тех пор, пока не выучила бы наизусть. Затем схватила газету и бросилась в подъезд. Ходила бы от квартиры в квартиру и показывала уважаемый печатный орган, напечатавший стихи ее сына.

Слава о гениальном поэте-самородке прокатилась бы по всему микрорайону, где жили Ламбровские. Да, что там микрорайону – по всему городу, а потом и области, и растеклась по всей России. Его стали бы приглашать на радио и телевидение, брать интервью известные издания. Книги стихов расхватывались молниеносно! Портреты развесили бы по классам школ рядом с Пушкиным и Маяковским...

Как он хотел «висеть» рядом с любимым поэтом – Владимиром Маяковским! Он даже стихи ему сочинял, подражая его стилю...

Но их почему-то не печатали...

Время шло, а гения никак не желали признавать. Иногда, от отчаяния Аристарх рвал тетради со стихами на мелкие кусочки и пытался забыть о хобби, которое не хотело стать основным занятием. Он продолжать по утрам ходить на репетиции, по вечерам сидеть в оркестровой яме и водить смычком по четырем струнам ненавистой скрипки. Ламбровский уставал от однообразия и снова начинал сочинять стихи...

Недавно в редакции газеты «Пламя» в отделе писем появилась новая журналистка Олеся Бондарь. Ей поручили принимать «макулатуру», как называла плоды трудов начинающих авторов ее предшественница Мария. Олеся понравилась Аристарху. Это была миловидная коротко стриженная молодая девушка, походившая на подростка, которая всегда обнадеживающе улыбалась начинающему поэту и своим поведением и добрым словом вселяла уверенность в том, что совсем скоро шедевральное творение появиться на четвертой странице газеты.

С ее приходом Ламбровский повеселел, стал свободно общаться с девушкой, оказывал знаки внимания, не свойственные ему: приносил одинокую розу с колючими шипами или коробку конфет. Олеся приглашала его присесть и поила чаем. Свои подношения Аристарх не считал взятками, ему нравилась журналистка, нравилось разговаривать с ней. Раньше он не замечал за собой такой свободы в общении с противоположным полом, Ламбровский боялся женщин, в их присутствии становился косноязычным, заторможенным, иногда начинал заикаться – это было наивысшей степенью испуга. Эта степень находилась в прямой зависимости от привлекательности девушки. Дама «клевала» на симпатичного мужчину, но мгновенно остывала, когда он открывал рот и пытался произнести комплимент или просто поделиться впечатлениями и погодой. С Олесей все было иначе. Может потому, что она сама робела под его взглядом, а Аристарх почувствовал это и стал этаким ее покровителем. Покровитель не отличался наблюдательностью и не замечал, что Бондарь влюблена в него. Дальше посиделок с чаепитием дело не шло, хотя, Олеся ждала, что в очередное посещение редакции

Ламбровский пригласит ее в кино или в кафе. Или просто прогуляться... Но он ограничивался небольшими презентами, вел непринужденную беседу, с интересом слушал ее рассказы о занятиях альпинизмом. И видел перед собой не симпатичную девушку, а худенького подростка с выпирающими ключицами, с ручками веточками, выглядывающими из футболки, и ножками палочками, засунутыми в обтягивающие джинсы.

Однажды Ламбровский принес в редакцию очередное поэтическое произведение.

- Вас просил зайти главный редактор. - без эмоций произнесла Олеся.

- Не знаете, зачем? – затравленно спросил Аристарх.

Девушка лишь пожала плечами, но улыбка говорила об обратном.

Она знает причину и меня ждет приятный сюрприз! - мысленно возликовал он, поинтересовался, где найти кабинет редактора, и вышел. Бондарь вздохнула и продолжила разгребать завалы на своем столе.

На блестящей табличке, прикрепленной в двери, черными буквами было написано: «Главный редактор газеты «Пламя» Синявский Максим Юльевич». Ламбровский ощутил свою значимость, приосанился, гордо поднял подбородок и без стука открыл дверь. За огромным столом сидел плюгавенький мужчинка лет сорока с редкой растительностью на голове, остатки которой колосились на ветру. Потоки воздуха врывались через открытое настежь окно, заигрывали с немногочисленной шевелюрой хозяина, играли с разложенными на столе бумагами, и ударили по лицу непрошеного гостя. Гость поежился, не так от приема, как от температуры воздуха в кабинете, которая больше подходила холодильной камере, но редактор не обращал внимания на бодрящий климат, он даже снял пиджак и повесил на спинку вертящегося кресла. Мужчина внимательно изучал текст на бумаге, делая в нем пометки ручкой. Ламбровский поздоровался, представился и замер в ожидании. В ожидании оваций и преклонений... Редактор затаился сигаретой, нагло выпустил струю дыма в сторону «гения» и без предисловий предложил ему заняться чем-то иным, оставив стихоплетство. Так и сказал, скривив узкие губы: стихоплетство! Будто плюнул в лицо. У Арика зачесались кулаки, но он не пустил их в ход, не потому, что испугался последствий, просто берег руки. Он вспомнил про свою основную профессию! Он скрипач! Впервые почувствовав гордость... Пока не итальянец Джузеппе Тартини, но... стремится им стать. Да, стремится! И стал бы, если не увлечение сочинительством, растянувшееся на десять лет. Погнался за двумя зайцами, будь добр, получи дальнейшее место от дирижера и... кучу неопубликованной макулатуры.

- Что вы предлагаете? – вдруг ляпнул Ламбровский, вытягиваясь во весь почти двухметровый рост.

- Баскетболом не занимались? – поинтересовался редактор, по достоинству оценивая «каланчовый» рост посетителя, и поднялся со своего места, не боясь неуважительных сравнений.

- Нет, - отрезал молодой человек и с достоинством заметил, - я скрипач! – Причем произнес это так доверительно тихо, словно был широко известен в мировых кругах и случайно заглянул в заштатный городишко, где его узнал прохожий, который уловил сходство с известной личностью, но не понял, с какой...

- Вы... кто? - удивленно-пренебрежительно спросил редактор, скривив губы и поморщив низкий лоб, от чего остатки шевелюры пришли в движение и наклонились в сторону бровей.

- Я – скрипач, - снова повторил музыкант и по – шалыпински покачал головой. Со значением. Даже не добавляя слово «известный». Все и так должны знать заезжую знаменитость...

Редактор открыл рот от удивления, покопался в памяти, отыскивая в ней имя скрипача, потом, видно, не нашел, усмехнулся и сказал.

- Вот и занимайтесь музыкой! - при этом лоб разгладился, а редкие волосы расстались с бровями.

Приговор Ламбровскому не понравился. Он хотел перейти к трогательному рассказу о своей нелегкой судьбе, закончив доверительными словами: «Мне эта музыка!..» И провел бы ребром ладони по шее, намекнув на то, что профессия скоро станет для него удавкой.

Арик уже открыл рот, но редактор, повидавший немало на своем веку и наслушавшийся огромное количество душещипательных историй, опередил его.

- Может, Вам лучше писать короткие рассказы? – при этом он почему-то снова смерил его взглядом, словно рост и фигура в деле написания рассказом имели немаловажное значение.

- Рассказы– ы- ы, - протянул парень и почесал затылок. – Какие рассказы? – Ухватился он за «спасательный» от музыки круг.

- Например, детективные... - после паузы, брякнул мужчина.

Аристарх не удивился предложению и быстро выказал дипломатические способности.

- Вы их напечатаете?

- Ну-у-у, - задумался редактор. – Вы принесите мне лично, я посмотрю, а там видно будет.

- Договорились, - с радостной улыбкой сказал Ламбровский, пожал протянутую руку и поспешил удалиться.

Теперь он был уверен в успехе. Не в том, что рассказ получится, в этом он не сомневался, главное теперь его напечатают. И тогда... отец в среду откроет газету на четвертой странице, а там... Желаемое воплотиться в жизнь, начиная с горящих котлет! Тем более не за горами новый жизненный рубеж для крутого поворота – тридцать лет. Может, эта дата изменит его жизнь?

Аристарх заглянул к Олесе, коротко пересказал разговор с Синявским, и сделал это с таким задумчиво – огорошенным видом, словно никак не мог решиться - принять предложение главного редактора и перейти из стана поэтов, где он достиг заоблачных высот, в стан писателей? Бондарь была рада такому исходу: их встречи с чаепитием будут продолжаться, несмотря на то, что ее, как передаточное звено, исключили из цепочки. Она предложила свою помощь по редактированию рассказов, Арик с удовольствием ее принял и окрыленный покинул редакцию газеты «Пламя».

Сочинительство было перенесено с ночи на вечер. Вечер спектакля в музыкальном театре. Арик пытался совместить игру на скрипке с литературными придумками, потом понял, что от совместительства страдает сочинительство и махнул рукой на... игру. Он во всю «филонил»: делал вид, что усердно водит смычком по четырем струнам нелюбимого инструмента, а сам разрабатывал схему жестокого убийства... виолончелистки...

Девчонки из оркестра, пиликающие на фигуристых виолончелях, с интересом поглядывали на молодого скрипача, строили глазки, иногда незлобно подтрунивали над ним, когда его игнорирование чрезмерно их задевало. Он возненавидел приставал-виолончелисток всеми фибрами своей ранимой души. Особенно их заводилу – Ольгу Кашкину. Мелкую вертлявую девицу двадцати пяти лет, поставившую перед собой цель завоевать сердце неподдающегося ее чарам чудака Ламбровского, выглядевшего нелепо со скрипкой в огромных лапах.

Маломерка, как про себя окрестил ее Аристарх, достала его своим заигрыванием и кокетством! Она поджидала его после концерта и предлагала обсудить ее игру, его игру, игру Матвей Семеныча, Иван Петровича... И, вообще, обсудить дальнейшую жизнь, которую она видела в ярких тонах, потому как рядом с ней всегда будет ОН, пусть не очень талантливый, но положительный во всех отношениях, Аристарх Ламбровский! Арику не было дела до нее самой, тем более до игры на музыкальных инструментах... Он заявлял с загадочной улыбкой, что его ждут дома, намекая на существование в стенах этого дома неземного существа женского пола. Недомолвки разжигали интерес

Кашкиной. Девушка решила бороться за скрипача до победного конца. Тем более, что она, Ольга, более подходящая кандидатура, чем та, что сидит взаперти в четырех стенах. Наложница Аристарха ей виделась в облике Царевны – лягушки, разместившейся в какой-нибудь пластмассовой посудине, плавающей по наполненной водой ванной. Она обязана держать в руках, то есть в лапах, прилетевшую стрелу. Как стрела преодолела запертую дверь, наглухо закрытые окна и попала в ванну, где ее дожидалась Царевна-лягушка это важно. По сюжету лягушка превратилась в красивую девушку, но это по чужому сюжету. По мнению Кашкиной земноводное существо должно превратиться в девушку... с большим ртом, выпученными глазами, кожа которой отливает нездоровой зеленцой, намекающей на неполадки с печенью. Девица некрасивой наружности обязана изъясняться на странном наречии, сочетающем русские слова и лягушиное кваканье. Допустим, приходит ее суженый домой, заходит в ванную и застает ее в заколдованном виде, сидящей в пластиковой таре. Он просит быстренько принять человеческий облик, она исполняет его желание, и от такой красоты парень немеет и падает оземь. Вскоре сознание возвращается.

- Здравствуй...ква, милый мой...ква! - громко заявляет Царевна-лягушка с поклоном в пояс.

- З...здрасти, - заикаясь, еле-еле выговаривает он, и, будучи человеком добрым, оставляет у себя экс-земноводное, не растерявшее генетических данных...

Кашкина сочувствовала Ламбровскому и приняла важное решение - помочь скрипачу в праведном деле избавления от девицы. Она с удвоенной энергией взялась за освобождение. Ольга провожала его до дома, надеясь, что он пригласит ее в квартиру, где она встретится с соперницей лицом к лицу. Но тот «врастал в землю» у подъезда, словно был деревом, которое только посадили и которое творит чудеса приживания к новому месту. Затем она решила давить на жалость. Кашкина по дороге рассказывала о своей нелегкой судьбе, норовя остановиться и прихватить собеседника за лацкан пиджака, при этом она утыкалась головой ему в грудь, что считала наивысшей стадией доверия. Другой на месте Аристарха воспользовался этой доверчивостью и... прижал к себе девушку. Это для начала... Потом все развивалось бы, как в мелодрамах со счастливым концом. Но молодой человек осторожно высвобождался, не желая быть участником мелодрамы, тем более постельных сцен. К своим тридцати с хвостиком годам Ламбровский был... девственником. Он не стыдился этого факта, но и не заявлял об этом открыто. Снов, будораживших его сознание, он не видел, желаниями не пылал по причине чрезмерной занятости, а главное ввиду отсутствия любви. Олесю Бондарь он считал подругой и не более, а Кашкину - обычной прилипалой, которая следует за ним повсюду. Он свыкся с мыслью, что она рядом, тупо терпел ее саму и ее жизненные истории.

Аристарх слыл человеком воспитанным, поэтому... отправить даму-прилипалу по разным адресам с нелитературными названиями не мог. Он делал вид, что внимательно слушает монолог о несчастном детстве с извергом отчимом, а сам выстраивал в голове очередной детективный сюжет. Сюжет не желал закручиваться в спираль, чтобы в конце быстро раскрутиться и стукнуть тяжелым концом по преступнику. Он видел себя в роли умного и проникательного следователя. Но дальше представления себя в кожаном потертом пиджаке и широкополой черной шляпе, скрывающей пронзительный взгляд, Ламбровский не шел. Ему казалось, что он разгадал хитрость редактора Синявского. Аристарх, руководствуясь его указаниями, перейдет из отряда поэтов в клан писателей и забуксует. Тупиковой ситуации порадуются вся редакция местной газеты: надоедливый автор исчезнет с их горизонта. Все, кроме доброжелательной Олеси...

Не выйдет, - мысленно возмутился Ламбровский поведению хитреца редактора. - Дайте срок, и все получится!

Но сроки шли, бежали, но не стояли. Стоял в задумчивости будущий автор детективных творений и... слушал девичий бред.

Идея! - однажды подумал Арик и стал более внимательно слушать сбивчивый рассказ Ольги, включаясь в ее жизненные передраги. В результате он пришел к выводу: литературно обработанный монолог девушки может превратиться в неплохой детективный рассказ!

...Приемная дочь затаила обиду на отчима, который издевался над ней с двухлетнего возраста. Падчерица выросла, и... убила его, провернув все так, чтобы подозрение пало на мать. Раз та вышла замуж за жестокого человека, который измывался над ее дочерью, пусть теперь «платит по счетам». Девушка не забыла, что на первом месте у матери всегда был пропойца – муж, а не единственное чадо. Ладно бы мужик был хороший, а то так, пьянчужка, перебивающийся случайными заработками. А что руки у него золотые, так про это давно нужно забыть, он в руках, кроме стакана, последние лет десять ничего не держал.

Дочь выросла и решила одним ударом расправиться с двумя ненавистными ей людьми! - продолжал сочинять следующим вечером Ламбровский, с увлечением водя по струнам скрипки. – Отчим уже год, как «завязал» с выпивкой и изменил отношение к падчерице, но обида в душе девушки живет и крепнет. Она ждет своего часа, лелеет свою ненависть, строит планы избавления от приемного родителя и мамыши. Каждый раз, переступая порог дома, она видит спину мужчины, склонившуюся над столом. Мужчина в последнее время приобрел хобби - увлекся резьбой по дереву. Хобби начало приносить неплохой заработок. Он даже купил приемной дочери шубу, пытаясь загладить свою вину. Та подарок приняла, но решение избавиться от отчима не изменила, еще больше рассвирепела от подачки и ускорила развязку.

Вот она открывает ключом дверь, осторожно переступает порог, видит... сторбленную мужскую спину, подкрадывается и... наносит удар кухонным ножом. Прodelывает все это, естественно, в перчатках, не оставляя собственных отпечатков. И так же тихо уходит. Живет она рядом с театром, откуда незаметно выскользнула в перерыве между репетициями, никто из оркестрантов не заметил ее исчезновения. Алиби обеспечено. Убийство было тщательно продумано. Ольга хорошо знала свою мать и предугадала ее поведение.

Мать приходит с работы, видит окровавленный труп мужа, хватается за нож, попытается вытащить, и у нее это получается. Она стоит над телом супруга и воет... с ножом в руках. Когда вызванная соседями опергруппа врывается в квартиру, то застаёт женщину с орудием убийства в руках. Она заявляет, что невиновна. Следствие стоит на распутье: вроде и отпечатки на ноже ее, но обезумевший вид несчастной убеждает в обратном. Наступает заключительная часть - разоблачительная. К следователю приходит дочь подозреваемой и заявляет, что накануне убийства мать грозилась убить отчима. В последнее время они постоянно скандалили. Если следователь поинтересуется причиной, то девушка ответит: «Мстила за дочь, которую с малолетнего возраста избивал второй супруг». Снова вопрос: «Почему ждала столько лет?» Не в том смысле, почему не убила раньше, а почему не остановила его, не выставила из дома десять или больше лет назад? Тогда любила, а сейчас возненавидела! В один момент! От любви до ненависти... Ну, вы знаете... Следователь: «Вы уверены, что Ваша мать ненавидела отчима и расправилась с ним?» Ответ: «Уверена!» И пусть мамуля доказывает, что она не убивала мужа...

Стоп, - прервал мыслительный процесс Ламбровский, даже перестал водить смычком, за что получил возмущенный взгляд дирижера. – Если Ольга свалит вину на мать, то выйдет победительницей... и... продолжит навязываться мне в спутницы жизни. – В голове скрипача все перепуталось: и придуманный детективный сюжет, и реальность. Но тут пришло озарение – лучше избавиться от Ольги...

Следующий сюжет...

Отчим «не завязал» и пытается любыми способами избавиться от падчерицы, к которой он несколько раз грязно приставал. Девушка осадилa мужчину и пообещала пожаловаться матери. На этот лепет ему наплевать и размазать, но позже падчерица заявила, что

напишет заявление в полицию! А это уже статья за попытку изнасилования... Отчим задумался: отступить или добиться своего, а там будь, что будет... Уж, больно девка хороша собой... - Аристарх покосился на виолончелистку и не согласился с женщиной. Выход из тупиковой ситуации нашелся быстро. Отчим увидел по телевизору фильм – страшилку о маньяке, который несколько лет подряд безнаказанно убивал и насиловал женщин в городском парке. Наглядное пособие пришлось кстати...

Поздним вечером Ольга возвращалась из театра по безлюдному парку. Тишину нарушал глухой крик совы, предупреждающий об опасности. Девушка была не из пугливых и резво семенила по тротуару, укрытому желтой листвой. До дома оставалось совсем немного. Сейчас дорога сделает резкий поворот у большой сосны поворот направо, и Кашкина с облегчением увидит между голых стволов деревьев веселые огни родного дома. Ольга замедлила шаг. Когда же у нее будет собственный дом, где всегда чисто и уютно, где ее ждет любимый муж? Когда? Она даже не поняла, что произнесла фразу вслух. Догадалась лишь, когда услышала хлесткий ответ–удар: «Никогда!» Голос шел от ели. Складывалось впечатление, что мохнатое старое дерево, много повидавшее на своем веку, взяло на себя смелость резать правду–матку. Но здравомыслящая Ольга Кашкина догадалась: лесная красавица прячет под своими раскидистыми лапами человека, который комментирует ее мысли вслух... Даже не комментирует, а играет роль судьи, выносящего приговор...

- Кто здесь? – испугалась она и замерла. Нет бы, припустить, чтоб «пятки засверкали», а она стоит столбом и пытается рассмотреть судью – вершителя своей судьбы.

- Это я, - спокойно заявил мужчина, выныривая из объятий пушистого дерева.

- Ты-ы-ты! - задохнулась она, завидев отчима.

- Угу, - подсказала сова, примостившись на дереве неподалеку и ожидая развития событий.

- Я, – согласился с птицей мужчина. – Хотел... проводить тебя до дома и поговорить...

- О чем? – насупилась Ольга.

- О... твоём поведении, - пьяно усмехнулся он.

- Нам не о чем с тобой разговаривать! - заявила девушка, делая паузы после каждого слова, надеясь, что такое внятное заявление быстрее дойдет до заспиртованного ума.

Она хотела продолжить путь, но отчим схватил ее за руку.

- Олечка, девочка моя, - заискивающим тоном пропел он и попытался прижать ее к себе.

- Я не твоя... девочка! И никогда ею не буду! – поморщилась она, упираясь обеими руками в грудь мужчины. – Оставь меня в покое!

- Но я люблю тебя... Давно люблю... Поэтому и женился на твоей матери.

- Мне тогда было два года, - напомнила девушка.

- Два года, - согласился отчим, - но ты уже тогда была красавицей, - с чувством заметил он.

- Поэтому ты бил меня чем попало?

- Бьет, значит, любит, - философски заметил отчим, скаля зубы.

У Ольги появилось огромное желание вехать кулаком в эти гнилые зубы, да так, чтобы рот залило кровью, а осколки зубов застучали по тротуару, как градинки.

Она уже приготовилась совершить желаемое, но отчим перехватил ее руки, виртуозно завел их за спину, еще крепче прижимая девушку к себе. Ольга оказалась в тисках, совсем рядом было лицо отчима с глумливой улыбкой. Он потянулся своими слюнявыми губами, сложенными трубочкой к ее губам. Сначала она хотела укусить его за нос, но затем передумала: даже при таком неласковом прикосновении к нему мог сработать рвотный рефлекс. Девушка закусила губы, словно это могло воспрепятствовать поцелую. Кашкина предприняла попытку освободиться, покрутилась ужом на сковородке, но на железную хватку это извивание не повлияло. Надо признать, при беспробудном пьянстве отчим сумел сохранить недюжинную силу. А может, эта сила удваивалась благодаря бешеному желанию обладания ею? Девушка почувствовала, что задыхается, открыла

рот, чтобы вдохнуть холодный осенний воздух, наполнить передавленные тисками легкие, мужчина воспользовался моментом и впился в ее губы. От отвращения она потеряла сознание...

Ранним утром пенсионер прогуливался с собакой по парку и обнаружил под елью труп изнасилованной и задушенной девушки...

Так, завязка есть, - обрадовался интересному сюжету Ламбровский, складывая в футляр скрипку. – Осталось придумать кульминацию и развязку!..

Когда через месяц Аристарх пришел к главному редактору Синявскому, тот обреченно опустил на стул.

- Принесли? – испуганно поинтересовался он.

«Писатель» кивнул и с гордым видом протянул рукопись...

Через неделю рассказ был напечатан в очередном номере местной газеты.

- Вы можете приступить к написанию следующего детектива. – уже более расслабленным тоном предложил редактор, когда Арик пришел поблагодарить его и выслушать похвалу в свой адрес.

Полчаса они расшаркивались друг перед другом. Потом еще минут пять пожимали руки и, наконец, расстались вполне довольные и счастливые.

Ламбровский был окрылен достигнутым успехом. Чувства переполняли его настолько, что он забыл о той, которая в трудную минуту подбадривала его и вселяла надежду. Он забыл об Олесе. А девушка так ждала, что молодой человек заглянет в ее маленький кабинет, разделит с ней радость, и они будут пить чай долго – долго, несмотря на занятость. Бондарь готова задержаться после работы и доделать все отложенные дела. Она так хотела быть в курсе его планов, первой узнавать о замыслах, но, увы, надобность в ней пропала. Аристарх перешагнул через нее, как через поломанную ступеньку. Девушка не обиделась и не удивилась такому повороту...

«Писатель» вышел из дверей редакции и с радостью вдохнул запах цветущих каштанов. «Светильники» цвета топленого молока гордо взгромоздились на ветках среди пятипалых листьев. Весна, - мысленно заключил он. Ему захотелось потянуться, расставить руки в стороны, «обнять» невидимую глазом весну – девицу, которую можно оценить только по чудесам, творящимися вокруг.

- Есть в жизни счастье! – доложил он невидимке. С гордостью обозрел площадь перед редакцией, словно перед ним стояла гудящая толпа поклонниц с красными транспарантами, где четкими белыми буквами было написано: «Да здравствует известный мастер художественного слова Аристарх Ламбровский!» или «Пусть живет и крепнет его талант!»... Яркие растяжки с призывами были разбавлены портретами писателя...

Закрытие сезона в театре прошло с большим аншлагом, на концерте присутствовал мэр и другие уважаемые люди города. Все музыканты были возбуждены и находились в радостном ожидании предстоящих гастролей по городам и весям. Только города эти, увы, не обозначены на карте России... Но это не печалило музыкантов. Главное – смена обстановки, другой зритель, другие впечатления...

Ольга поглядывала на Аристарха с надеждой, рассчитывая, что без поддержки Царевны - лягушки крепость Ламбровский падет сама собой. Арик тоже поглядывал на девушку с загадочной улыбкой предсказателя, будто один знал, что ее ждет в будущем...

Но если ожидания Ольги так и не оправдались за три летних месяца, а затем и два осенних, то написанный сценарий Ламбровского разыграли, как по нотам, в ноябре, когда поздним осенним вечером девушка возвращалась домой после концерта.

Она уверенно шла по безлюдному парку...

Тело Ольги нашел пенсионер-собачник...

Все, как в рассказе... Даже время года совпало. Придуманый в мае сюжет не сразу претворился в жизнь, а дожидался осени...

Аристарх Ламбровский посчитал своим долгом явиться к следователю, ведущему дело об убийстве Ольги Кашиной, и заявить, что в ее смерти виновен отчим.

- Откуда такие сведения? – усталым голосом поинтересовался тот, с трудом разглядывая сквозь сигаретный дым, окутавший весь кабинет, высокого молодого человека с лохматой шевелюрой каштановых волос.

- Мне Ольга рассказывала об их взаимоотношениях, - обтекаемо высказался Арик.

- Но ее отчим умер несколько лет назад, - недоуменно пожал плечами следователь.

- Умер? – удивился парень с футляром от скрипки в руках. У хозяина кабинета даже сложилось мнение, что футляр пуст, а его обладатель ходит с ним для «понта». Он не знал, почему вынес такой вердикт: может, для высокого мужчины больше подошел футляр для виолончели, на которой играла погибшая девушка, или футляр казался пустым из-за несоответствия его размера и роста человека.

– Но этого не может быть! – не поверил Ламбровский, закатывая глаза, и тем самым прерывая размышления следователя о размерной связи одушевленного и неодушевленного предметов. Скрипач воззрился на пятнистый в разводах потолок кабинета, предавшись глубокой задумчивости. Хозяин кабинета терпеливо ждал следующей реплики странного субъекта и дождался. – А... больше у нее отчимов не было? – Просительным тоном поинтересовался тот, надеясь, что мужчина смилостивится и скажет, что был. Был еще один отчим! Причем, отъявленный бандит, который основную часть жизни провел в местах не столь отдаленных. Выходя на волю, он сразу принимался на издевательство над падчерицей, и в итоге... Ну, вы знаете...

- Только один! – убил ответом следователь. – У Вас есть еще... предположения, версии?

– С иронией спросил он. Арик отчаянно покачал головой из стороны в сторону и совершенно расстроенный покинул кабинет, а затем и здание, причем без оваций и радостных воплей всего отдела полиции, эмоционально высказывающего благодарность в адрес талантливого молодого человека, ловко распутавшего преступление...

- Что же это получается? – задался вопросом Ламбровский, вышагивая по тротуару в сторону дома, - первая часть рассказа сбылась, а вторая... - Он не на шутку расстроился: вот, если бы рассказ совпал тютелька в тютельку...

Арик не сожалел, что погибла молодая девушка, нет, он не радовался ее смерти и избавлению от приставаний. Он был безучастен. И удручен несовпадением. А раз не было полного совпадения, значит, не было убийства, и Ольга жива. Просто перевелась в другой оркестр, более известный и престижный.

Такую установку-самообман давал себе Ламбровский, нервно приглаживая рукой непослушные каштановые кудри.

Но все же внутри сидела странная заноза необъяснимости происходящего. Ламбровскому был нужен совет компетентного человека. Необязательно, совет отца, прослужившего в органах правопорядка много лет и недавно отправленного на пенсию. Аристарху хотелось высказаться и получить заверения в его невиновности. От отца он таких заверений не получит.

Образ советчика сразу всплыл перед глазами, а ноги сами повернули в нужном направлении – в сторону, где проживал успокоитель и заверитель в одном лице. Выбор на третью скрипку в оркестре пал неслучайно: во – первых, Евлампий Бобик был единственным другом на протяжении десяти лет, а во – вторых, умело выполнял роль Ариадновского клубка. Аристарх приходил к нему каждый раз, когда жизнь казалась тупиковой, и Евлампий всегда выводил приятеля из запутанного лабиринта.

- Это кощунство, прописывать сценарий будущего убийства ни в чем не повинной молодой талантливой девушки! Жизнь - это не пасьянс: сошелся – отлично, не сошелся – легкое разочарование... Здесь горе! Горе матери, потерявшей единственную дочь! – возмутилась третья скрипка, выслушав сбивчивый рассказ приятеля.

- Ты не понял, - попытался успокоить его Арик, - я сравнил свой рассказ с пасьянсом, но не смерть девушки.

- Почему тебя не удивила ее СМЕРТЬ по твоему сценарию? – продолжал выражать друг недовольство, меряя шагами комнату.

- Не знаю, - после минутного молчания сказал он. – Может все случайно совпало... Если бы все пошло на намеченному плану: и убийство, и расследование, то меня бы это насторожило и заставило задуматься, но... раз ее убил не отчим, значит, моя неприязнь к ней, принудившая меня к написанию рассказа, и само повествование с описанием убийства не послужили причиной ее смерти...

- Какую ты преследовал цель, когда писал свой детектив? – Евламп, как его называл приятель, устало опустился на диван.

- Хотел прославиться, - пробубнил под нос Аристарх. - Хотел доказать родителям, что у меня есть литературный талант, что я нашел себя на другом поприще, что Я оказался прав, а не предки, которые заставляли меня двадцать пять лет пикировать на скрипке. – терпеливо перечислили он причины.

- Доказал?

- В некотором роде... Родители были счастливы, когда увидели мою фамилию под напечатанным отрывком.

Ламбровский не стал рассказывать, что котлеты не подгорели, что мать не пустилась сообщать соседям о таланте собственного сына, что на следующий день народные массы не стояли у его подъезда в надежде получить автограф. Тогда он попытался успокоить сам себя, заявив: первый блин всегда комом... Наверное, рассказ получился посредственным, но вот следующий...

- Что же мне теперь делать? – склонив голову, спросил он у друга, будто каялся перед ним в преступлении и не знал, идти с повинной или сбежать от правосудия.

- Попробуй написать мелодраматическую историю двух людей: встретились, полюбили друг друга, родили детей, дожили до ста и умерли в один день. Причем своей смертью, - сделал ударение на последней фразе Бобик.

- И что здесь... необычного? И как я проверю, что мой рассказ - предсказание сбылся, до ста лет я не доживу?

- Ты не бери конкретную пару! – разумно предложил Евлампий, потом встрепенулся, - не надо предсказаний! Не думай об этом, крапай свои рассказы и получай удовольствие от процесса и от похвал окружающих.

- Ты... думаешь, это правильно? – обиженно поинтересовался Аристарх, по – детски надув губы, посчитав такое предложение неразумным. Раз его наградили таким даром, то его нужно использовать на полную катушку. – Я должен писать о конкретных людях, представлять лица главных героев.

- Вот и представляй! Или ты считаешь, каждый писатель излагает события, происходящие со своими знакомыми. Тогда бы у известных авторов – детективщиков перевелись все друзья – приятели.

- Нет, я должен знать их лично. Мне так легче. – настаивал на своем Ламбровский.

- Не ищи в литературе легких путей, - беспардонно призвал друга Евламп, покачивая левой ногой в тапочке, перекинутой коромыслом на правой. – Вообрази себя главным героем, который по счастливой случайности нашел свою вторую половину. Таким нехитрым способом ты запрограммируешь себя на женитьбу и дальнейшую долгую жизнь с любимым человеком. Не знаю, как ты, а я чувствую себя сухарем – холостяком. У меня слово холостяк ассоциируется с засохшим куском хлеба. Он никому не нужен, лежит и плесневеет, пока совсем не испортиться. Тогда ему одна дорога...

- На кладбище, - подсказал Ламбровский, радуясь своей сообразительности.

- Что за черный юмор!? - скривился Евлампий.

- А кому такой рассказ будет интересен? – Ламбровский попытался загладить вину, требуя от друга очередного пояснения. – И редактор подвязал меня на написание детективов, а не

мыла. Вон, по телику идут одни сериалы! Одно и тоже на протяжении триста с лишним серий: он любит ее, она любит другого, тот еще кого – то, но в конце пазл складывается – две половинки соединяются.

- А у тебя будет короткая счастливая история любви, - заверил в обратном Бобик. Хотя, сам в этом сомневался, но отступить от первоначального предложения не желал.

- Похожа на передовицу советской газеты: депутат Иванов Иван Иванович всю жизнь прожил с Авдотьей Никитичной в любви и согласии! Молодежь, берите пример с Иванова Ивана Ивановича! – Невесело усмехнулся Арик.

- Тогда у меня есть еще... кое что, - с загадочным видом высказался Евлампий после некоторого раздумья. – Раз тебе нравится писать детективы, то, пожалуйста, пиши, - милостиво разрешил он, - но ограничься... покушением на убийство! – Молодой человек сложил на груди руки колечком и, ожидая вопросов и радостных воплей приятеля, поменял ноги: теперь правая стала коромыслом, а левая опорой.

- Где здесь фишка? – не понял Аристарх.

- Главное, чтобы жертва осталась жива.

- Ага, - задумчиво тряхнул головой Ламбровский. – Били и не добились...

- Фи, как вы выражаетесь, - с легким мягким акцентом «возмутилась» третья скрипка противным женским голосом. Потом своим тенором пропел: Слава русским врачам, спасшим девушку, в скобках мужчину, от страшного ранения, полученного... и так далее. Придумывать сюжет не моя прерогатива.

- Лучше, пусть будет мужчина, - подсказал Арик, «окунаясь» в сочинительство.

Предложение приятеля пока не заинтересовало его в полной мере, но протестовать он не решился. Новый рассказ больше походил на заказную статью от людей в белых халатах.

- Хорошо, - воодушевился полусогласием Евлампий. – Но как ты будешь выбирать жертву? Вдруг ты случайно наречешь ее Сигизмундом Дармидонтовичем, а в нашем городе живет такой человек, причем с зашкаливающим возрастом... Будет неудобно.. подставить его убийце... Пусть это будет достойная кандидатура!

- В каком смысле достойная? Выбрать на роль жертвы здоровущего мужика, который сможет дать отпор маньяку?

- Почему сразу маньяку? - покачал головой Бобик, смакуя последнее слова, в его устах оно стало созвучным крепкого напитка этак в пять звездочек. – Я, конечно, не сильно подкован в написании детективов, как некоторые, - он бросил уважительный взгляд в сторону Ламбровского, - но мне кажется, маньяки набрасываются на более слабых: женщин или детей.

- Только не надо трогать детей! - не на шутку испугался Аристарх.

- Не буду, - легко согласился он и дотронулся указательным пальцем до глубокой залысины, врезавшейся в русые волосы молодого человека, будто там начал работу хлебоуборочный комбайн, но, слава богу, взял долгосрочный отпуск.

Это движение вошло в привычку, словно обладатель залысин каждую минуту испуганно проверял, не вернулась ли на поле – голову уборочная техника. В этот раз проверка успокоила Евлампия, потому что за ней последовал облегченный вздох. Он всегда с завистью косился на шевелюру приятеля, который к своим волосам относился наплевательски. Но в этом был весь Ламбровский, охарактеризовать его облик можно было одной фразой: безразличное отношение к собственной внешности. Аристарх не утруждался и давал оценку другу всего одним словом – педант. Иногда, заменял на щеголь. Когда Бобик появлялся в оркестровой яме перед концертом и с гордым видом садился на свое место, он замечал восхищенные взгляды женщин всех возрастов и с упоением ловил прижатые к черепу ушами еще одно слово–характеристику - фронт. Он сразу переносился во времена Александра Сергеевича Пушкина и шел по Мойке с тросточкой в руках, услужливо приподнимая цилиндр перед привлекательной дамой...

Как он мечтал перенестись в то время!

Вдруг его голову посетила гениальная мысль.

- Слушай, Аристарх! - взревел он, если при его теноре можно взречь, - может, ты напишешь детективную историю, которая произошла в начале девятнадцатого века? Я согласен стать жертвой. Ну, не жертвой, а человеком, на жизнь которого покушается... революционер – разночинец. – Он не помнил, кто такие разночинцы, но хотел повысить свой рейтинг интеллектуала в глазах Ламбровского.

- Тогда не было революционеров, - отмахнулся от предложения Ламбровский без умного слова – добавки.

- Как не было? – испугался падению рейтинга Бобик.

- Декабристы разбудили Герцена, тот развил революционную агитацию, и пошло, поехало... Историю надо было в школе учить.

- Ну, и ладно! – повеселел Бобик, будто только что спасся от руки убийцы.

- Я не могу писать про прошлое! Как я проверю в этом случае, сбылось предсказание или нет?

- Эка ты хватил, - покачал головой Евлампий. – Уже в предсказатели записался!

Но Ламбровский не ответил на его выпад, он задумался о предложении друга. Если и правда, сделать его главным героем? Он, конечно, не удалец – молодец, при росте метр семьдесят шесть весит всего шестьдесят восемь килограммов, но я могу его подстраховать. Или «нарисовать» рядом с ним телохранителя. Допустим, Евлампий банкир, сотрудники его банка выставляют на улицу семью, которая не смогла вовремя погасить кредит. Хозяин берет в руки охотничье ружье и идет мстить банкиру... Нет, не пойдет! Никакой интриги, одна вендетта!

- Слушай, друг, а у тебя есть враги? – спросил Арик, доверительно положив руку на плечо приятеля. Того перекосило под тяжестью конечности Ламбровского, он попытался скинуть ее, но не тут –то было, она словно приклеилась.

- Не... знаю, - недовольным тоном заявил он, косясь на руку крепыша Аристарха.

- У большинства людей есть, если не враги, то недоброжелатели, - попытался внушить тот, освобождая друга от своей конечности.

- Согласен, - поразился «освобождению» Бобик. И начал перебирать всех знакомых, разводя по разные стороны баррикад: друзья и недруги. Он вспомнил всех ребят, живущих в его доме и постоянно подтрунивающих над скрипачом – задохликом. Они весь день гоняли во дворе мяч и норовили им попасть в Евлампия. Неизвестно, что больше их умиляло: четкое попадание по лбу или сочетание имени и фамилии соседа, бывшего белой вороной в доме.

- Евлампий Бобик, - с удовольствием распивали они на разные голоса. – Скрипач, ты молодец, что не заставляешь нас работать мозгами и придумывать тебе прозвище. До нас твои родители постарались.

Обиженный мальчуган пересекал порог дома, и сразу начинал требовать объяснения от отца и матери.

- Ну, почему, почему у меня такое имя? – возмущался он, размазывая кулачком слезы.

Сначала родители просто жалели его, а когда он подрос, объяснили.

- Еще в первом веке жил святой мученик Евлампий, он вместе с сестрой пострадал за веру Христову.

- А я здесь причем? Почему я должен страдать от... насмешек своих сверстников? К такой фамилии еще и имечко подобрали... - печально вздыхал он.

До шестнадцати лет, он жил с твердым намерением изменить имя и фамилию при получении паспорта. Но в восьмидесятых годах для этого была нужна веская причина. Евлампий подумал - подумал, да и решил, оставить все, как есть...

Сейчас в его памяти всплыла детская обида и последовавшее за этим горьким воспоминанием лицо самого главного хулигана двора – Вовки Кривошеева. Со временем Бобик узнал, что Владимир Ильич Кривошеев заделался депутатом местного Совета. Только до этого он начинал свою «деятельность» в одной бандитской группировке, потом остепенился, стал хозяином автомастерской, потом владельцем сети

автомастерских, пока не приобрел «уважение и любовь» граждан города, выдвинувших народного любимца кандидатом в депутаты.

- Так что ты говорил о врагах... - поторопил Ламбровский, с надеждой поглядывая на приятеля.

-... Только не затягивай, - кровожадно улыбнулся Евлампий, подведя черту под слезным повествованием о нелегком детстве маленького скрипача. – Сейчас у нас осень, - задумчиво сказал он, прикидывая в уме, сколько нужно времени для обдумывания сюжета, изложения на экране компьютера и непосредственного претворения в жизнь. – Пусть это будет новогодняя сказка! – Ехидно захихикал он, предвкушая близкую месть...

Аристарх просил приятеля не удивляться, если тот заметит его тяжелый взгляд во время спектакля...

- Я мысленно прорабатываю сюжет, а твое лицо будет вдохновлять меня.

- Почему тогда взгляд будет тяжелым? – хмуро поинтересовался Бобик.

- Я буду мысленно представлять рядом с тобой противную физиономию твоего обидчика...

- А... убийцей тоже буду я? – испугался Евламп.

- Скорее всего, нет, - задумчиво сказал «писатель». – Боюсь, что полицейские, следуя моей подсказке, с удовольствием запрячут тебя в кутузку. Убийство депутата, это дело серьезное. А нашим правоохранительным органам лишь бы дело поскорее закрыть, - выдал он с видом знатока, будто труп Кривошеева уже лежал в морге, а его приятель сидел в камере предварительного заключения...

Для начала Ламбровский прогулялся по улице, где возвышался дом Владимира Ильича Кривошеева. Трехэтажный домишко слуги народа поражал своей безвкусной архитектурой и высоким каменным забором. Депутат явно кого-то боялся и пытался обезопасить себя крепостью. Неумелое соединение средневековья с действительностью возмущало писателя. Для полноты не хватало перекидного моста через ров. Про ров Кривошеев очевидно забыл.

Аристарх медленно прогуливался под зонтом мимо таких же немаленьких дворцов, но внешне более привлекательных, и обдумывал предстоящее убийство Кривошеева, словно он не начинающий писатель детективных рассказов, а киллер, нанятый неким лицом, поимевшим на депутата зуб.

Если, действительно, «нанять» убийцу для устранения обидчика Евлампия? – подумал Аристарх, но быстро отбросил эту мысль, как ординарную. Тем временем из ворот выплыл, шурша шинами, «Мерседес». Ламбровский успел разглядеть бульдожье лицо депутата с выкатившимися из орбит красными глазами.

Злоупотребление крепкими напитками на лицо, нет, на лице, - сделал вывод «писатель», еще раз бросил взгляд на верхушки дома, натяканные, как колпачки конусы по крыше, и поспешил на репетицию...

- Ну, как продвигаются дела? – поинтересовался Бобик, наблюдая за манипуляциями друга с верхней одеждой.

- Если ты еще раз задашь, хоть, один вопрос, я откажусь... от дела! – возмутился Аристарх, чувствуя свою власть над приятелем, и пошел на свое место.

Мимо проществовал Евлампий и еле слышно обронил:

- Извини.

Ламбровский благосклонно наклонил голову, показывая тем самым, что прощает приятеля и договоренность остается в силе.

Время шло. Бобик не задавал вопросов, лишь вопрошающе поглядывал на Арика, сдвинув брови. Насупленное лицо «писателя» не радовало. На собранном в горизонтальные складки лбу отражалась работы мысли. Причем мысль, явно работала в холостую.

Недели через две Евлампий заметил, что чело друга разгладилось, будто по нему прошли утюгом. Глаза перезрелой вишни заискрились, желание поделиться лезло через край, как дрожжевое тесто из кастрюли.

- Есть! - порадовал автор друга и себя заодно. Идея детективного рассказа родилась накануне, и Ламбровский не мог сдержаться.

- Ура, ура, ура! – троекратное восклицание не осталось незамеченным у окружения, хотя, и было произнесено сдавленным шепотом.

Первая и вторая скрипка с неудовольствием покосились на третью, не удостоив внимания последнюю. Третья скрипка сделала вид, что не заметила и всю репетицию делала nepозволительные ошибки. Пришел черед возмущаться дирижеру, он постучал палочкой по пюпитру и пронзил третью скрипку убийственным взглядом.

- Сегодня, - он ткнул в грудь дирижерской палочкой в грудь Евлампия, - Вы играете левую скрипку.

Это заявление считалось обидным и означало халатное отношение к своим обязанностям.

Ничего, придет и твоя очередь, - мысленно произнес Евлампий, обращаясь к дирижеру.

Репетиция, как назло затянулась. Молодые люди успели перекинуться парой фраз за обедом, но говорили недомолвками, за их столик подсели подруги Кашкиной и начали причитать.

- Ну, и время, ну и время, страшно по улицам ходить.

- Убийство случилось поздней ночью в парке. – оборвал их стенания Аристарх. – Делайте выводы, девушки: не ходите поздними вечерами одни, тем более по темным аллеям парка.

Обращение вызвало горячий отклик.

- Мы не будем возражать, если вы нас проводите после спектакля, - с милой улыбкой заявили они, переводя взгляд с Бобика на Ламбровского.

Но вы помните, что Аристарх был воспитанный молодой человек и не мог отказать дамам...

Когда девушки были доставлены по местам проживания и приятели, наконец, остались одни, Евламп завел разговор о новой детективной истории.

-Ну, у тебя получилось?

- Главное, чтобы ее напечатали в газете. – осадил его Ламбровский. – Мне кажется, что постановка спектакля по моему сценарию напрямую зависит от публикации.

- Ты думаешь, что убийцей Ольги был любитель местной прессы? - подобрался Евлампий.

- А почему бы нет? Мною разработан четкий план действий, голову ломать не надо. За свою бурную молодость и последовавшее за ней депутатство Кривошеев нажил себе немало врагов, кто-нибудь возьмет на вооружение мой рассказ, и твой обидчик получит по заслугам.

- Но ты не можешь назвать главного героя Владимиром Ильичом Кривошеевым, к тому же депутатом. Слишком много совпадений.

- Почему, нет? – удивился Аристарх. – Перед рассказом я вставлю эпитафию: Все герои вымышлены, в совпадениях я не виноват!

- Кто не спрятался, я не виноват, - задумчиво перефразировал Бобик. – Ты считаешь, тебе сойдет с рук? – Он произнес последнюю фразу тоном, который сочетал и удивление, и сожаление, и восхищение, будто приятель сам готовился к злодеянию.

- Естественно! Что общего между заурядным скрипачом из оркестра музыкальной комедии и депутатом? Где он, - Ламбровский вскинул голову к небу, - а где я, - взгляд переметнулся на скованную морозом землю.

- Надеюсь, ты ничем не рискуешь, - пожал плечами Евлампий. – Может, тебе взять псевдоним? А редакция газеты сохранит твое настоящее имя в тайне.

- Я хочу прославиться, как Аристарх Васильевич Ламбровский, а не как Арик Ламб. – заметив недоуменный взгляд Евлампия, он пояснил, - это я привел пример, так сказать, производная... от меня.

- Похоже на ламбрекен, - капнув глубоко в смысл, заявил Бобик.

- Вот видишь, у тебя сразу необъяснимая ассоциация с элементом оформления окна, - убедился в своей правоте писатель.

- Что в этом плохого? Представляешь, прикрепят тебя к отрешине, ты закроешь своим горизонтально лежащим телом верхний край штор и будешь украшением гостиной. – захихикал приятель.

Ламбровский представил себя растянутым по окну. Идея Евлампия ему не понравилась. Он насупился и проделал несколько метров пути в абсолютном молчании. Бобик понял, что перегнул палку и попытался загладить вину, вернувшись к основной теме беседы.

- Слушай, Арик, ты можешь мне пересказать сюжет рассказа? Или я, как все должен прочесть его в газете?

- Ты не собираешься... покончить с депутатом? – Ламбровский напрягся, ожидая ответа. Ему очень хотелось рассказать другу о своей придумке. Но вдруг его так захватит сюжет, что он, не дождавшись публикации, кинется мстить Кривошееву за нанесенные в детстве обиды, желая опередить всех желающих.

- Не-е-ет, - испуганно замотал головой Евлампий и почему – то посмотрел на свои ладони, покрутив их вокруг запястья, как на шарнире, обозревая кисти целиком. Кисти третьей скрипки были изящными, как у женщины, а длинным пальцам могла позавидовать любая из них.

Аристарх понял, что этими руками можно только подсыпать яд в бокал врага, и то, если склянка с ядом будет весить не больше скрипки с футляром. Согласно придуманному плану убийства, Кривошеев должен скончаться по другой причине...

Прогулки мимо неудачного архитектурного строения, коим являлся громадный дом депутат, принесли плоды. В один из дней через распахнутые ворота Ламбровский успел увидеть на пороге самого хозяина и его супругу Аду Леопольдовну. Фотографии четы Аристарх видел в журнале. Ада, на фото и в жизни, была необыкновенно хороша собой, но огромные глаза напоминали коровьи, слишком мало интеллекта блистало в них, одна алчность и тупость. Так коровы смотрят на свежее сено после сытного обеда: вроде наелась, но отказаться нельзя. Невысокий квадратный Кривошеев все время смотрел исподлобья, как бык на преграду, готовый в любую минуту отшвырнуть ее рогами. То, что у мужчины были рога, притом огромные и ветвистые, больше напоминающие олени, Ламбровский не сомневался. Даже сейчас, в минуту расставания, жена Ада прикладывалась к щеке мужа и косила глазом на его телохранителя, замершего по стойке смирно у раскрытой двери авто со скованными в замок руками. Аристарху казалось, что охранник тела такого человека должен вращать глазами по сторонам, готовясь к отражению многочисленных врагов хозяина, а не пялиться на его жену. «Коровка» и телохранитель перекинулись многозначительными взглядами, которые на лету поймал автор детективов и ... сюжет родился!..

...Банкет по случаю грядущего Нового года депутатский корпус отмечал вяло. Столы ломились от яств и всевозможной выпивки, но депутаты ограничивались символическим бокалом шампанского, при этом кося одним глазом в сторону более крепких напитков, а другим – на своих собратьев, с нетерпением ожидая от одного из них неблагоприятного поступка, выражающегося в залихватском опрокидывании в себя рюмашки с водочкой или коньячком. Тогда общая масса загудит и заклемит позором отщепенца, внутренне радуясь своей выдержке. Косоглазие приводило к непониманию обсуждения кулуарной темы, человек выступал невпопад и перемещался к следующей группе товарищей – депутатов, где он еще не засветился ляпами. Когда своеобразный круг почета был завершен, депутат считал возможным откланяться, пожелать коллегам хороших

праздников и плодотворной работы в новом году. Каждый из них мечтал о доме, но не как о тихой гавани, а о месте, где можно избавиться от косоглазия и оторваться на полную катушку.

Кривошеев решил нарушить установленный регламентный обход: на половине кругового пути он сослался на плохое самочувствие и отправился домой.

Телохранитель Андрей распахнул дверь «Мерседеса», Владимир Ильич бросил тело на мягкое сиденье, отметив про себя, что сегодня четное число раз выпала смена этого парня. Завтра, тридцать первого декабря, заступит на дежурство по охране его персоны Константин. Кривошеев обращался к прислуге по именам и считал неззорным поинтересоваться здоровьем жены и успехами детей – школьников. И журил Адочку, которая с презрением относилась к обслуживающему персоналу.

- Я депутат, слуга народа, поэтому не имею права неуважительно тыкать этому народу, - втолковывал он непонятливой жене. – И тебя, моя дорогая, прошу запомнить имена... людей, обеспечивающих наш комфорт. – Он запнулся в одном месте, затем уверенно вылавировал, не желая унижать недостойным словом прислуга. И не потому, что считал их близкими родственниками, просто привык скрывать истинные чувства. Он желал прослыть среди челяди лояльным помещиком. Весть о его демократизме разлетится по всему городу и окажет неоценимую помощь на следующих выборах. А там, глядишь, и Москва заинтересуется депутатом Кривошеевым и призовет к себе. Переезд в столицу был главой мечтой Владимира Ильича.

Он так зразмечтался о будущем, что позабыл, по какой причине так рано покинул торжество. Кривошеев пожалел о своем поступке, даже появилось желание вернуться и завершить круг, но не знал, как расценят это депутаты, и передумал.

- Домой, домой к Адочке, - прошептал он с глумливой улыбкой, представив, что сделает с нею после ужина...

Дом встретил его темными пятнами окон. Только в спальне виднелся размытый свет ночника.

Владимир вспомнил, что жена уговорила отпустить на вечер прислугу.

- Ты вернешься после приема, я сама накрою стол, мы сядем рядышком и будем наслаждаться обществом друг друга, - томно протянула она с загадочной улыбкой и провела языком по губам. Как кошка после съеденной миски сметаны. Но кошка быстро собралась и деловым тоном спросила. – Когда тебя ждать?

- Часов в одиннадцать, не раньше, - сказал Кривошеев, просчитав время официальной части и скорость кругового движения по группам депутатов.

Сейчас часы на руке показывали начало десятого. Неужели Адка заснула, -недовольно скривился супруг.

Он осторожно передвигался по собственной гостиной, словно был грабителем. Путь лежал к заветному бару, где стройными рядами выстроились бутылки с красочными наклейками. Не снимая верхней одежды, он до краев наполнил бокал и с жадностью осушил его. Живительная влага побежала по организму, и оказала успокоительное действие на мужчин. Кривошеев скинул пальто на соседний стул, снова наполнил бокал и развалился в кресле. Теперь он может наслаждаться напитком, отпивая маленькими глоточками. Тишину дома нарушил еле различимый вскрик. Сначала он решил, что ему показалось, но звук повторился. Владимир Ильич пошел на звук. Он поднялся на второй этаж, приблизился к собственной спальне и замер у двери. Здесь отчетливо была слышна возня, стоны Ады и мужское рычание, напоминающее тигриное. Кривошеев не стал предаваться осмыслениям услышанного, ткнул кулаком дверь, и картина разврата предстала во всей красе. Депутат и приличный гражданин в одном лице моментально забыл про свой новый статус и вернулся в боевое прошлое, когда любая проблема решалась легко и однообразно: был человек – барьер или человек – обидчик на твоём пути и нет его! Парочка на кровати так увлеклась играми, находясь на самом пике, что не услышала, как хозяин открыл дверь, подошел к прикроватной тумбочке, где лежал

надежный и верный помощник, не раз выручавший его во времена бурной молодости, взвел курок и выстрелил два раза.

Вбежавший телохранитель Андрей, застал депутата с оружием в руках, безразлично вззирающим на тела жены и Константина...

Суд над бывшим депутатом вышел показательным. На смягчение приговора не повлияли обстоятельства, на которые указывал известный адвокат, повторивший несколько раз, что его подзащитный находился в состоянии аффекта. Свидетели, они же бывшие соратники по местному Законодательному собранию, как один, заявили: депутат должен всегда контролировать свои поступки и эмоции! Подкинула дровишек в огонь и прислуга, доложившая суду о влюбчивом характере бывшей хозяйки. Все домашние знали, что она «наставляла ему рога» с кем попало, один он не замечал или... делал вид, а может, выбирал удобный момент, чтобы расправиться с любовниками. Недаром ушел с банкета раньше положенного по этикету срока... Не остались позабыты и грехи молодости...

Кривошеева осудили на пятнадцать лет...

- Странно, - пробормотал Евлампий, дослушав историю до конца. – Зачем нам две ненужные смерти – его жены и охранника, если я дал заказ на одного Кривошеева?!

- Недальновидный ты человек, господин Бобик, - пожурил приятеля автор.

- Ты... предполагаешь, Кривошеев умрет по дороге в тюрьму? – с надеждой в голосе поинтересовался он, - или через пару лет... от сердечного приступа?

- Нет, - покачал головой Аристарх, напуская туману.

Бобик от долгого пребывания на декабрьской стуже, притоптывая на месте, но Ламбровскому показалось, что от нетерпения. Он смилостивился над ним: не все же могут догадаться о скрытом смысле, о котором сам автор додумался в последний момент, когда рассказ был почти дописан. Он хотел приоткрыть завесу тайны, но Евламп опередил его.

- И где здесь детектив? Где завязка? Где разоблачение преступника? Обычная бытовуха!

- Я... я не подумал, - попытался оправдаться Арик, увлекшийся шиворотом – навыворотом, как он прозвал свое произведение, которое в жизни повторяло преступление с точностью наоборот. – Я рассуждал так: если я напишу, что Кривошеева убил, к примеру, охранник, то так тому НЕ быть! Произойдет рокировка: жертва и убийца поменяются местами. – Он говорил несколько запутанно и сам это понимал, но надеялся на сообразительность друга.

«Заказчик убийства депутата» забыл о заочневших конечностях и с открытым ртом, из которого вылил пар, смотрел на Аристарха. Со стороны они представляли собой странную пару: дылда с обиженным лицом ребенка и низкорослый змей Горыныч с открытой пастью, из которой валил дым–пар, причем Горыныч едва доставал до плеча обиженного. Пар ударялся дылде в грудь и оставлял на его куртке влажное пятно. Змей закрыл рот и перекрыл выход пару.

Евлампий посопел носом, призывая себя успокоиться.

- Допустим, в своем рассказе ты исходишь от противного, - натянуто– миролюбиво заявил он. – Но детектива все равно нет... - Он развел руки в стороны ладонями вверх, придерживая футляр со скрипкой под мышкой, желая согреть инструмент остатками тепла в тщедушном теле.

Ламбровский с интересом оценил перчатки на кистях друга, будто в них скрывалась тайна детективного сюжета. Их кожаная чернота его не порадовала.

- Я не хотел... нанимать киллера. Это так банально... - с отчаянием в голосе сказал Арик, не сводя завороченного взгляда с конечностей Бобика.

Тот решил отвлечь автора, прижал к себе футляр, обхватив его двумя руками, как любимую девушку, а кисти спрятал под мышками.

- Банально, - согласился он, переходя на ходьбу на месте, - думаю.... тебе нужно еще поработать над сюжетом.

- Что нужно изменить? – подобрался Аристарх.

- Все!

- Ты хочешь, чтобы я написал... новый рассказ? – с явным испугом спросил Ламбровский, надеясь, что заказчик смилостивится и отменит решение. Тот согласно кивнул головой, странно постукивая зубами, будто запугивал автора: мол не перепишешь, покусая. Быть покусанным единственным другом, Аристарх не желал, поэтому быстро согласился придумать более закрученный сюжет.

На том они и расстались. Закоченевший Бобик потрусил к дому. Арик подождал, пока он скроется в подъезде, постоял еще немного, обозревая звездное небо, и медленно побрел к дому.

- Столько работы, и все коту под хвост, - бурчал он себе под нос.

Перед глазами стояла удаляющаяся хрупкая фигура приятеля. Желание воплести нечто подобное в детективный сюжет было так сильно, что, переступив порог собственного дома, он сразу сел за компьютер, пальцы забегали по клавиатуре...

Морозной декабрьской ночью маленькая фигура в темной трико легко скользила по отвесной стене дома, перемещаясь от одного еле различимого в темноте выступа к другому. Эти несуразные задумки неталантливого архитектора, увлекшегося готическим стилем, служили ему опорами. Со стороны могло показаться, что человек всаживает когти в каменную стену, как кот лезет по дереву, спасаясь от врагов. Здесь врагом был он. Врагом известного в городе человека. Человек не догадывался, что смерть его близка. Он спокойно спит на широкой супружеской кровати, оглашая окрестности молодецким храпом, который успокаивал фигуру в трико и заверял, что предстоящей расправе ничего не помешает. Он наслаждался своей властью над спящим человеком и был уверен, что в самый ответственный момент тот не проснется. При такой лошадиной дозе снотворного можно бить в барабан и не бояться быть услышанным. Битье по представителю ударных инструментов в его планы не входило. Он так долго ждал этой минуты, что торопить события считал неприличным. Его подельник, живущий в доме, не только накормил хозяина снотворным, но и оставил приоткрытым окно.

Черная фигура легко перемахнула через подоконник и с удовлетворенной улыбкой уставилась на спящего. Человек лежал на боку, по – детски подсунув обе руки под щеку.

Ночной гость сел в кресло, предварительно освободив его от халата хозяина, перекочевавшего на пол. Если бы не искры в глазах, заметные в темноте, пришелец напомнил бы известную всем сцену, когда один из родителей с умилением смотрит на спящего сына. Только улыбка походила на оскал людоеда. Не хватало в руках парочки ножей, которые гость с удовольствием бы натачивал друг о друга в предвкушении резни. Но режущих инструментов у него с собой не было, только одно колющее. Острый стилет появился в его правой руке так незаметно, словно вырос в ней за короткое время, пока он находился в спальне. Гость усмехнулся.

- Я пришел поздравить тебя с наступающим Новым годом и пожелать скорейшего переселения души в другой мир, - обратился он в жертве, - знал бы ты, что твой подарок мне пригодится через восемь лет! Помнишь, как возмущалась мать, когда ты подарил мне, десятилетнему мальчишке, этот стилет. Она сразу отобрала его и спрятала. Можно подумать, я не догадался, куда. Когда она уходила на работу, я доставал его и играл в разбойников. Мне доставляло огромное удовольствие обладать таким утонченным холодным оружием, но я не мог похвалиться им перед друзьями, я дал слово матери, что не вынесу его из дома, пока не стану совершеннолетним. В отличие от тебя, я не нарушаю обещаний.

Пришелец дотронулся указательным пальцем до кончика стилета. На пальце выступила капелька крови. Он с интересом изучил ее.

- Это ужасно, что в моих жилах течет твоя кровь. – безучастно сказал он. В его речи не было, как раньше, возмущения и неудовольствия. Он просто констатировал факт, о котором уже можно забыть. Он так устал от давления этого человека, одно то, что он где – то живет, что – то делает, что он просто ходит по одной с ним земле, доводило его до иступления. Однажды он искромсал диванную подушку этим стилетом, представляя, что перед ним ОН.

Гость поднялся, склонился над спящим и по слогам произнес.

- Не – на – ви – жу! Жаль, что ты спишь, мне бы очень хотелось увидеть твои испуганные глаза. Бесстрашный депутат Кривошеев испугался собственного... - на последнем слове он споткнулся. Произнести его он не мог даже мысленно.

Он завалил мужчину на спину, храп усилился, но ненадолго: звук захлебнулся, когда в сердце мягко вошел острый стилет...

На следующий день Аристарх Ламбровский отнес в редакцию газеты «Пламя» новый рассказ. Синявский приветливо поздоровался с ним, предложил кофе, но автор отказался. Он хотел услышать заверение, что произведение скоро напечатают, срок, установленный «Заказчиком», хотя, и был обтекаемым, но ограничивался кануном Нового года. Уже наступило восемнадцатое декабря...

Редактор не стал тянуть время и быстро пробежал глазами рассказ.

Не иначе окончил курсы скорочтения, - подумал Аристарх.

- Мне нравится, что Вы даете право нашему читателю поразмышлять, поиграть в следователя. Я думаю, надо создать новую рубрику в газете и назвать ее «Детективный клуб», где любой сможет высказать свои предположения и закончить ваш детектив по своему усмотрению. Это более интересно, чем просто быть читателем.

- Поступайте так, как считаете нужным, - по – барски разрешил Ламбровский. – Надеюсь, мой рассказ будет опубликован в этом году?

- Конечно, он выйдет в ближайшую среду, - Максим Юльевич заглянул в перекидной календарь и назвал число.

Аристарх предупредил о подстраховке.

- Не забудьте написать, что все совпадения с реальными людьми случайны.

- Я не знаю поименно все депутатов нашего Законодательного собрания, но думаю, это будет нелишним, - поддержал редактор предложение автора...

Покидая кабинет, Аристарх подумал: «Было бы неплохо, если Синявский, кроме курсов скорочтения, окончил еще курсы суперпамяти, чтобы не забывал о своих обещаниях». Ламбровский не хотел подвести друга.

Через два дня наступила среда. Аристарх достал из почтового ящика газету и развернул ее на последней странице. Сначала он заметил свою фамилию, набранную мелким шрифтом, а затем и сам рассказ.

Сын с гордым видом протянул печатный орган отцу.

- Ясный пень, - сказал тот после прочтения, - убийца его внебрачный сын! Или сын, рожденный в предыдущем браке. Скорее всего, отец бросил их с матерью, когда мальчишка был совсем мал.

- Я не сомневался, что ты догадаешься, недаром много лет прослужил в органах! – похвалил Арик отца за догадливость. Пусть думает, что весь смысл рассказа в угадывке.

Редактор не обманул. В конце была приписка: Все желающие могут высказаться. Пишите в редакцию с пометкой для «Детективного клуба»...

Евламий Бобик был раздосадован и обижен: почему друг–приятель поставил его перед фактом. Не посоветовался, не ознакомил заранее с текстом. Надо признать, что в душе он ликовал. Рассказ вышел классным.

Депутату приблизительно лет тридцать восемь, - мысленно прикинул Бобик, прибавляя к своим тридцати двум, еще шесть лет. - За свою жизнь он мог совершить демографический взрыв на территории нашего города и за его пределами. Где вероятность, что один из представителей многочисленного потомства не затаил обиду на родителя до такой степени, что спит и видит, как совершить самосуд над ним?.. Однако, возникают опасения, что все пойдет шиворот – навыворот, как с Кашкиной. Вдруг поделщик убийцы не решится дать чай со снотворным своему хозяину? Пришелец, как нарек его Арик, проникнет через окно без опасений быть услышанным, громко стукнет оконной рамой, Кривошеев проснется, выхватит пистолет и застрелит его. Что тогда? Снова суд над убийцей-депутатом? И все закончится сердечным приступом?..

Друзья- приятели затаились. Ламбровский ждал от Бобика похвалы, а тот делал вид, что совершенно не в курсе, что рассказ опубликован в газете. Через несколько дней начались новогодние балы для взрослых и дневные представления для детей, круговерть праздника закутила всех артистов и музыкантов. Пока не грянул гром...

Через неделю после публикации рассказа в газете «Пламя» был убит... садовник депутата Кривошеева. Сам Владимир Ильич спокойно нежился вместе с супругой на пляже одной из жарких стран....

Семья Ламбровских завтракала и одновременно слушала местное радио. После новостей, последовали криминальные новости. Так они узнали о странном стечении обстоятельств, последовавших за публикацией рассказа Аристарха. Автор замер с наколотой на вилку оладьей и перепачканным в сметане лицом.

- Вот так, сынок, - вздохнул глава семьи Василий Федорович, - видишь, к чему приводит увлечение не тем, чем надо!

- А... чем надо? Музыкой? – при этом Арик так скривился, словно вместе с оладьей проглотил лист с нотами, в который эти оладьи были завернуты.

- Я говорил тебе, убеждал тебя - не отвлекайся на ерунду, а ты... - он отмахнулся рукой от сына, будто отрекался от него, считая того конченным человеком, способным стать идейным вдохновителем и организатором убийства садовника депутата Кривошеева.

- Дай слово, что бросишь свою писанину, - запрочитала Варвара Федоровна.

Сын насупился и молчал. Только одна фраза билась в голове и не могла вылететь наружу, как мотылек у закрытого окна: он убийца уже двух человек!

- Почему ты молчишь? – взвился отец. Потом последовали еще вопросы, но младший Ламбровский отключился. Перекрестный допрос ни к чему не привел. Когда родители отчаялись достучаться до сына, он вдруг заговорил.

- Что вы предлагаете? Чтобы я пошел в полицию сдаваться?

- Дурень, ты! – в сердцах заявил Василий Федорович, - мы тебе не об этом толкуем! Возьмись за ум, перестань прыгать с одного на другое. То стишками увлекся, не спал по ночам, все ходил по комнате, как маятник, и талдычил свои рифмы: полюбила-разлюбила, встретила-ответила...

- Вы и об этом знаете!?! – простонал сын.

- Ты думал, мы слепые? – хмыкнула мать. – Если мы... далеко не молоды, это не значит, что мы ничего не видим и ничего не замечаем!

- Я тридцать пять лет в милиции прослужил, - перебил жену Василий, решив сменить тактику: от кнута перейти к прянику. - Ты не переживай, сынок, никто тебя не винит в убийстве садовника, но с рассказами пора завязывать. А я, со своей стороны, обещаю, сходит к ребятам и разузнать, что произошло в доме Кривошеева...

Только Аристарх покинул свое галерное место в оркестре, как кто – то вцепился ему в руку чуть выше локтя. Он обернулся, сначала никого не заметил, потом опустил глаза и увидел красного, как рак Евлампия. Клешня малорослого рака впилась в конечность Ламбровского и потянула за собой. Он не стал сопротивляться и последовал за

приятелем, лицо которого не сулило ничего хорошего. Бобик затянул его в каморку уборщицы под лестницей, которая вела на сцену.

- Ты меня убил! – сразу накинулся он на Аристарха.

В каморке было почти темно: свет пробивался сквозь небольшую щель неплотно прикрытой двери. Арик видел одни глаза на серо – зеленом лице друга. Серо-зеленым оно было по той причине, что внутренние стены каморки покрывал слой краски оттенка грязного болота, причем покрытие это было нанесено лет двадцать назад, судя по состоянию, а сил уборщице хватало лишь для наведения порядка в оркестровой яме и на сцене, до своего помещения руки не доходили. К тому же тетя Зина, как величали мастера чистоты, любила провести время в обществе зеленого змия и осветителя Павла, поэтому спешила справиться поскорее с делами, чтобы затем перейти к общению с упомянутыми существами.

- Ты выпил? – удивился Ламбровский, потянув носом воздух. Евламп ошалело уставился на него: он ожидал заверений в невинности, а тот порет чужь.

- Я... не пью, - голосом Петрухи из «Белого солнца пустыни» автоматически заявил он. Затем втянул несколько раз носом воздух. – Спиртным пропиталось помещение, - быстро объяснил он непонятливому приятелю, желая быстрее вернуться к теме разговора. – Аристарх, что ты натворил! – Взвыл он. – По твоей милости погиб невинный человек!

- Я не понял: кого я убил на самом деле: тебя или человека?

- А я, по твоему не человек?

Ламбровский постарался по возможности оценить Бобика. В сумерках каморки тот напоминал подростка-вурдалака, но докладывать о собственном сравнении он не решился.

- Ты тоже... человек, - успокоил Евлампия Арик.

Разговор застопорился. Третья скрипка с интересом рассматривала лицо последней скрипки. Судя по закусыванию губы и настороженному взгляду, Аристарх представлял собой не лучшее зрелище, чем его визави. Бобик даже попытался, но «просторы» каморки не позволили удалиться на значительное расстояние. Вдруг ему в спину впился острый предмет.

- Ой! – вскрикнул он.

- Что случилось! - испугался Ламбровский.

- Мне в спину кто-то воткнул острый меч, - трагическим шепотом пожаловался Бобик.

Аристарх быстро сообразил, что приятелю надо оказать первую помощь. Он собрался сбросить свитер и порвать на полосы рубашку, чтобы перевязать раненого товарища, но для начала решил уточнить место проникновения меча. Проверка выразилась в следующем: он вплотную приблизился к Евлампии, привлек его к себе и начал водить руками по его спине. В этот момент дверь открылась и перед вошедшими, которыми были хозяйка помещения и ее приятель Павел, предстала двусмысленная картина: двое молодых музыкантов уединились в каморке, один из них прижимает другого к себе и в пылу страсти совершает круговые движения двумя руками по его спине. Надо сказать, перед тем, как увидеть нелицеприятную картину, тетя Зина услышала громкий «ой», который и привел ее в родные пенаты.

- Батюшки святы! – пробормотала она, приложив руки к груди.

Парочка не желала отрываться друг от друга и моргала глазами на поток света, обрушившийся на них со стороны открытой двери. Лица людей они не видели, но догадались, кто это может быть.

- Тетя Зина... Вы не подумайте, что мы... - Евлампий долго подбирал подходящее слово, пока ему не пришел на помощь Аристарх.

- Мы просто... друзья, - пролепетал он. – Вот, зашли к Вам, чтобы поболтать немного. – Ламбровский, наконец, выпустил приятеля из крепких объятий.

- А за пределами моих владений нельзя разговаривать? – недовольным тоном спросила уборщица.

- У нас конфиденциальный разговор! – расплылся в радостной улыбке Евламп, словно тетя Зина была заводилой в этом разговоре.

- Теперь это называется конфиденциальным разговором, - скривился Павел и покачал головой.

Прятели не стали пререкаться, покосились на обломанный конец швабры, который сыграл роль меча, и поспешили убраться восвояси. Последнее, что они услышали, был осуждающий вздох мастера чистоты и многозначительное покашливание ее собутыльника.

- По твоей милости по театру поползут слухи, что мы... что между нами... - Бобик был таким же воспитанным молодым человеком, как и его приятель, и старался не употреблять в своей речи уличных выражений, а назвать их отношения «любовью» у него язык не повернулся.

- Давай, обвиняй меня во всех грехах, - милостиво разрешил Аристарх, вышагивая рядом с приятелем.

Когда взгляды тети Зины и Павла перестали буравить их спины, друзья замедлили шаг и осмотрелись: в коридоре никого не было. Они затерялись в закулисных лабиринтах. Промежуток между представлениями каждый заполнял, как мог, но все старались покинуть здание театра. Аристарх тоже решил последовать их примеру, но его остановил возмущенный голос друга.

- Мы не договорили, - пресек его желание Евлампий.

Ламбровский догадывался, какая тема волнует Бобика, и предвидел, каким призывом закончится разговор. Аристарх был уверен, что Евламп полностью солидарен с его родителями. Но он ошибся. После стенаний и проклятий в его адрес, приятель великосветским тоном спросил.

- И как ты намерен исправить свою ошибку? – он сложил колечком руки на груди и постукивал выставленной вперед правой ногой, показывая, что ответ должен последовать незамедлительно.

- В смысле? – не понял Ламбровский и излишне энергично потряс головой, словно изгонял из нее вырвавшуюся из уст приятеля фразу. Со стороны походило, будто его головой управляет неведомая сила, желающая таким способом выбить признания.

Евлампию показалось, что он присутствует на представлении в кукольном театре и за спиной друга притаился кукловод, который руководит действиями друга по собственному желанию. Бобик приподнялся на цыпочках и попытался заглянуть за спину Аристарха. Но роста не хватило, поэтому он отклонился в сторону и попытался узреть манипулятора другим способом. За спиной Ламбровского никого не было, но вдаль он успел заметить две знакомые фигуры, мигом скрывшиеся за углом. Это были уборщица тетя Зина и осветитель Павел.

- Не поворачивайся, за нами следят, - сквозь зубы проговорил Евлампий, обращаясь к Арику, который стоял без движений и с интересом наблюдал за его танцующими упражнениями.

Между тем преследователи не оставили затеи понаблюдать за скрипачами. Несколько раз они показали из – за угла свои опухшие от возлияний физиономии, затем догадались, что их инкогнито раскрыто и, нехотя, удалились.

- Кажется, ушли, - облегченно вздохнул Бобик. – Наверное, решили принять лекарство для восстановления нервной системы после зрительных потрясений.

- Подумаешь, - неестественно взмахнул руками Ламбровский. Теперь кукловод занялся руками подопечной ему куклы, он резко дергал за них посредством невидимых нитей.

Бобик не мог успокоиться и возвел очи долу. Над ними никто не кружил и нитями не опутывал. Он облегченно вздохнул. Аристарх хотел друга о чем-то спросить, но тот набросился на него.

- С тобой сегодня невозможно разговаривать! Ты... какой – то дерганый.
- Я дерганый!? - удивился он. Изучил потолок над головой, как это делал Евлампий, потом проверил, не стоит ли кто-то за спиной.
- У тебя мания преследования! – вынес неутешительный вердикт Бобик.
- Еще бы?! – не стал спорить Ламбровский. – По моей вине погибли два человека, одного из них я близко знал.
- Близко... знал?! - уцепился за вырвавшееся слово Бобик, будто приготовился устроить сцену ревности.
- Ты вошел в образ... моего любовника? - усмехнулся Арик.
- Евлампий скривился, будто стал третьим участником в компании Зины и Павла и одним махом опустошил стакан водки.
- Что ты несешь! – возмутился он и проверил работу комбайна на своей голове. Комбайн, слава богу, взял очередной выходной. Бобик повеселел. – Ладно, проехали, вернемся к нашим баранам... - Он осмотрелся, проверяя слежку: коридор по – прежнему радовал пустотой. – Аристарх, ты обязан довести дело до победного конца! – Демоническим шепотом призвал он.
- Ты сошел с ума! – поставил собственный диагноз Ламбровский. – Я не буду больше заниматься сочинительством! Я слово дал!
- Ты можешь взять тайм – аут, - предложил Бобик, словно не слышал страстной речи приятеля. – Кривошеев все равно в отъезде.
- Евламп, ты понял, что я сказал?
- Понял, - согласно кивнул Бобик. – Поэтому предлагаю тебе временную передышку перед серьезным делом.
- К... каким делом? – забеспокоился Аристарх.
- Тебе не нравится заниматься музыкой, - издали начал Евлампий. – Поэтому... предлагаю открыть фирму по устранению неприятностей.
- К... каких неприятностей? – не сообразил перепуганный приятель, не переставая заикаться.
- Жизненных неприятностей!
- Будем слесарями – сантехниками?
- Почему сантехниками? – удивился Бобик.
- Например, у кого – то прорвало трубу, мы приходим на помощь и устраняем течь! – обрадовался догадливый Ламбровский.
- Причем здесь течь? – передернул худенькими плечиками друг. - Хотя, твоя голова давно нуждается в ремонте. - задумчиво произнес он и многозначительно добавил, - у тебя крыша давно течет...
- Сам ты... сбрендил! Придурок! – зло высказался Аристарх, развернулся и с гордым видом удалился.

После праздников Василий Федорович наведился к бывшим сослуживцам и выяснил, что убитый садовник Иван Загускин проработал у Кривошеева пять лет. Его работа не ограничивалась уходом за цветами, он был мастер на все руки, поэтому проводил в хозяйском доме больше времени, чем на улице, где следил за цветами, или во флигеле, стоящем в дальнем углу двора, где сам проживал.

Ивану было пятьдесят с хвостиком лет, но выглядел он лет на десять моложе. Пользовался успехом у местных женщин – кухарки и горничной, которые находились в постоянной борьбе за внимание достойного мужчины. Загускин отличался добрым нравом и не любил отказывать женщинам, как в работе, так и в ночных развлечениях. В общем, вел себя, как петух в немногочисленном курятнике.

В присутствии Кривошеева старался быть незаметным, но в его отсутствие чувствовал себя хозяином, перебирался в дом и не покидал его даже ночью. В хозяйскую спальню

женщин не водил, наносил визиты в их маленькие комнатухи, а затем возвращался к себе.

В ту ночь он отказался от утех, сославшись на простуду. Кухарка предложила ему полечиться народными средствами, но он лишь покачал головой и не пошел во флигель, а поднялся в спальню, чтобы быть ближе к заботливым женщинам. Минут через пятнадцать кухарка принесла ему чай с мятой и малиной, посидела возле него, желая удостовериться, что мужчина выпьет лечебный отвар. Позже она призналась, что добавила в чай немного коньяку, чтобы Загускин выпался.

Когда в одиннадцать часов в спальню прошмыгнула горничная, Иван уже похрапывал. Она выключила ночник у изголовья и удалилась. Больше в живых его никто не видел. Тело обнаружила кухарка, которая зашла в спальню в восемь часов утра с завтраком на подносе. Кто проник в дом, и в котором часу был убит Загускин, женщины не знают? Их спальни находятся на первом этаже в другом крыле здания, поэтому они ничего не слышали.

- Вот дает мужик! – удивился Василий Ламбровский. – Хорошо пристроился: вроде две жены, а вроде и ни одной!

- Сидел бы тихо, не мнил бы себя хозяином-барином, и остался жив. - заметил один из бывших сослуживцев, на погонах которого красовались четыре маленькие звездочки.

- Амбиции до добра не доводят, - глубокомысленно заметил другой, у которого было на одну звезду меньше.

- Когда, как, - парировал первый.

- Вы думаете, что на самом деле покушались на депутата? – прервал философские рассуждения Василий Федорович.

- Как пить дать, на него родимого. Кому нужен садовник, - отмахнулся капитан.

- А его... любовницы не замужем?

- Нет, так что версия о ревнивом супруге отпадает.

- Значит, Загускина убил человек, который принял его за хозяина. Скорее всего, убийство не заказное, в этом случае злоумышленник более тщательно подготовился к преступлению и заранее убедился, где находится будущая жертва. - задумчиво пробормотал Ламбровский-старший и добавил, - похоже, убийца – человек неискушенный в подобных делах. Дилетант.

- О расположении расположение комнат в большом доме депутата он знал, не шарил по всему дому, а целенаправленно направился в спальню. В противном случае его передвижения были услышаны женщинами. Это раз. Входная дверь в дом и окно в спальне хозяина, где изволил почивать садовник, были закрыты. Приоткрыта лишь форточка, но через нее кот еле пролезет, не то, что человек. Следов взлома на двери нет, оконная рама из качественного дуба, с наружной стороны ее не вскроешь. Это два. А самое главное - в комнате была крошечная тьма. И это три! Не будет же незваный гость зажигать ночник, чтобы убедиться: на ложе Кривошеев или садовник. – доложил полицейский. – Все это приводит к следующему выводу: или убийца бывал в доме, или он является приятелем одной из женщин. В первом случае у него каким-то образом в руках оказался дубликат ключей от всех дверей, и целью был Кривошеев. Во втором случае соучастницей преступления была одна из женщин, и целью был садовник.

- А собаки во дворе нет? – поинтересовался Василий Федорович.

- Собаки нет, а забор, несмотря на трехметровую высоту, можно легко преодолеть, не будучи альпинистом. Я клоню к тому, что можно обзавестись только ключами от дома. Это имеет отношение к версии, когда убийца не имел сообщника в доме.

- Допустим, он изучил расположение комнат в доме, обзавелся фотографиями депутата в фас и профиль или видел его изображение в газете, хотя, снимки в газетах такого качества, что мама родная не узнает, раздобыл неизвестным образом ключи и легко проник в дом. Возникает резонный вопрос: почему его не смутил тот факт, что рядом с хозяином находится его супруга, которая может поднять крик? Или он был уверен, что

Кривошеев в спальне один? Тогда откуда такая осведомленность? – глаза Василия Ламбровского загорелись, как у борзой, которая на охоте взяла след.

- У тебя на этот счет есть предположения? – заискивающим тоном поинтересовался капитан.

- Думаю, за несколько дней до убийства кто-то приходил в дом Кривошеева под видом сантехника, рекламного агента, пожарника... Кого угодно... Этот человек провел в доме некоторое время. Незаметно сделал слепок с ключей и выслушал болтливых женщин, готовых выложить все о хозяине.

- Куда не иди, а придешь к горничной и кухарке. – вздохнул старший лейтенант. – Надо снова ехать в дом депутата и допрашивать женщин.

- Вот, вот, - ткнул ему в грудь указательным пальцем Василий Федорович. – Вы потрясите женщин, скорее всего они не все рассказали... по забывчивости или же намеренно скрыли некоторые факты.

- Спасибо, Федорович, за подсказку!

Ламбровский уже открыл дверь, но вспомнил, что не задал еще один вопрос.

- А стилет нашли?

- Какой стилет? – не понял собеседник.

- Стиллет, которым убили Загускина. – ответил он и сразу сообразил, что с определением орудия преступления явно поторопился.

- Не было на месте преступления никакого стилета, садовнику в грудь всадили обычный кухонный нож по самую рукоятку...

Злость на друга дала неожиданные результаты. Ламбровский так вдохновенно извлекал смычком звуки из своей скрипки, что заслужил похвалу дирижера. Аристарх с вызовом посмотрел на Бобика, который поджал губы, скользнул взглядом по довольному лицу Ламбровского и поспешил удалиться. Первый раз за многие годы пути приятелей разошлись.

Теперь я потерял и друга, - окончательно расстроился Арик, забыв про похвалу в свой адрес. – Но я не могу сделать первый шаг к примирению, Евлампий решит, что я одумался и принимаю его предложение.

Арик вернулся домой, надеясь застать родителей спящими. Он желал предаться уединенному унынию на кухне с чашкой чая и бутербродом, но все снова пошло шиворот – навыворот, только в меньших масштабах. На кухне сидел отец в трусах и майке и курил. Сын поздоровался и опустился на соседний стул.

- Я сегодня ходил на разведку, - с загадочным видом произнес Василий Федорович, будто только что вернулся из вражеской страны и принес важные секретные сведения.

Когда изложение сведений было закончено, Аристарх протянул:

- Ну, дела... Может, я здесь не причем?

Он с надеждой посмотрел на «разведчика», желая услышать подтверждение своих слов.

- Причем! – резко отрезал отец, не отвечая на мольбы сына.

- Ты так говоришь, будто я пишу не детективные рассказы, а инструкции по устранению жителей нашего города, - обиделся тот.

- Это не инструкция, а параноидальный бред! Тем более не детективный рассказ!

Занимайся делом, сколько раз тебе говорить! Музыка – вот твоё признание!

- Как мне надоели эти лозунги! – вскипел Арик. – Всю жизнь меня призывали отлично учиться, заниматься музыкой, слушать родителей! Обрыдло!

- Что – о – о! – устрашающе взвыл отец. – Сидишь на нашей шее и еще смеешь возмущаться! Ты на свою зарплату должен на хлебе и воде сидеть, тогда появится желание продвинуться в оркестре. У человека должно быть самолюбие, он не может сидеть всю жизнь на задворках.

- Я не хочу сидеть на задворках! И отдаю себе отчет, что уже уперся рогами в забор, и дальше пути нет! Я должен свернуть в сторону и найти другой жизненный путь. Сам

найти, без чужой подсказки! Я хочу заниматься тем, чем мне нравится заниматься. Конечно, за рассказы я получаю сущие гроши, но это пока...

- Потом ты станешь настоящим писателем, твои труды выстроятся на полках в виде собраний сочинений, - с сарказмом сказал Василий Федорович. – Неужели ты думаешь, что это так легко: сел за компьютер и стучи по клавишам клавиатуры. Тут нужен талант и умение!

- Но я чувствую призвание к литературе, - уже спокойнее произнес Аристарх, устав от объяснений.

- Пока ты живешь на нашем содержании, ты будешь играть в оркестре!

- Не буду! – твердо заявил сын и взглянул на отца исподлобья, напомнив быка, стоящего перед воротами.

- Раз так... прощу на выход! - с ехидной улыбкой предложил родитель и указал рукой на дверь.

Арик сначала не понял, всерьез говорит отец или в шутку, но потом увидел колючие глаза и подрагивающие уголки губ, медленно поднялся и также медленно двинулся к выходу. Вот сейчас тот рассмеется, скажет, что пошутил, прижмет к себе высоченную фигуру сына, похлопает по спине, они сядут за стол и будут пить чай. Но этого не случилось. Замедленная съемка продолжалась, Аристарх, словно видел драму со своим участием со стороны. Он автоматически взял футляр со скрипкой, открыл входную дверь, постоял несколько секунд в ожидании, хотя, надежда, что его вернут, почти испарилась. Затем с трудом преодолел порог и осторожно прикрыл дверь...

Ноги сами привели Ламбровского к Евлампии Бобику, который при виде приятеля, молча, посторонился и пропустил в теплое нутро квартиры.

- Пострадал за литературу, - догадался он, обозрев насупившееся лицо Арика. Тот кивнул, подпер дверь спиной и потупил глаза. – Не расстраивайся, мы что-нибудь придумаем, - попытался успокоить его Евламп.

- Ты уже придумал, - не выдержал Ламбровский. – Ты извини, что я завалился к тебе... вот так, без приглашения, но мне больше не к кому пойти. Мы же друзья? – С надеждой спросил он.

- Конечно, друзья, - поспешно заверил его Бобик и начал стягивать с Арика куртку. Прodelывал он это с такой заботой и нежностью, в точности повторяя действия матери в глубоком детстве, когда он возвращался зимой продрогший. Она расстегивала пуговицы, затем тянула за один рукав, а потом за другой. Сам Евламп эти манипуляции проделать не мог, заочневшие на морозе руки не слушались его. Иногда он симулировал, ему нравилось, что с ним возятся, как с маленьким. Теперь он взял шефство над приятелем. Сняв с него верхнюю одежду, хозяин дома наклонился, желая перейти к освобождению от обуви, но удивленный и обрадованный неожиданной заботой гость отодвинул приятеля и самостоятельно переобулся в предложенные тапки. Он всегда их обувал, когда приходил к Бобику.

Евлампий провел его в кухню, напоил горячим чаем и уложил на свой диван.

- Спасибо тебе, - засыпая, прошептал Аристарх.

Заботливый друг присел рядом, прислушиваясь в ровному дыханию Ламбровского. Потом достал с антресолей старенький матрас, разложил его на полу, проделал привычную процедуру с постельными принадлежностями, но ложиться не стал. Евлампий снова вернулся в кухню и сел за стол. Он должен придумать, как помочь другу...

Аристарха разбудил звонок мобильного телефона. Он специально не отключил его на ночь в надежде, что обеспокоенный родитель одумается и вернет сына в родные пенаты. Молодой человек обрадовано схватил трубку...

- Доброе утро, Аристарх Васильевич, - поприветствовал его Максим Синявский.

- Здравсти, - выдохнул разочарованный Ламбровский.

- Что-то Вы про нас совсем забыли, не заходите, не приносите новые рассказы, а люди ждут...

- Какие люди? – не понял Арик.

- Члены «Детективного клуба».

- Я... - Ламбровский хотел заявить, что больше не будет писать рассказы для газеты и не только для газеты, вообще, не напишет ни строчки, но заметил странные знаки, которые проделывал руками разбуженный разговором Евлампий. Гость вопросительно взглянул на хозяина и еле слышно спросил, отодвигая от себя трубку, - что?

- Надо поговорить, - также шепотом ответил приятель.

- Я Вам позже перезвоню, - заявил Аристарх редактору и отключился. Еще недавно он не позволил себе так невежливо обращаться с властным Синявским, но теперь почувствовал заинтересованность в себе и мог вести себя так, как считал нужным.

- Прежде чем отказываться от работы в газете, ты должен хорошо все взвесить, - предупредил его Бобик.

- Я... все взвесил, - без уверенности сказал Ламбровский.

Евламп уловил нотки сомнения в его голосе и пошел в наступление. Он почувствовал себя Остапом Бендером, «великим комбинатором и идейным борцом за денежные знаки», который произносил пламенную речь в деревни Васюки. Сделав упор на призвание и дарование, он перешел к материальной заинтересованности, обрисовал в радужных красках возможные баснословные прибыли. Аристарх сидел в одних трусах на разобранном диване и с открытым ртом слушал приятеля. Пламенная речь его захватила, мысль о возвращении на недавно покинутое литературное поприще прочно засела в голове, одно пугало молодого человека – непредсказуемые последствия после очередной публикации в газете «Пламя».

Терпеливо выслушав до конца, он поинтересовался.

- Ты снова предлагаешь организовать общество по ликвидации?

- По устранению неприятностей, - поправил Бобик.

- Один черт, - отмахнулся Ламбровский и пересказал вчерашний рассказ отца.

- Все смешалось в доме Кривошеева, - проникся рассказом Евлампий, и быстро нашел нужные аргументы. – Но ты сам утверждал, что дело не в самом детективе! Толчком к преступлению служит опубликование в газете, поэтому предлагаю следующее – ты пишешь детектив и идешь с ним в другую редакцию, например, в журнал «Маруся»...

- В женский журнал? - удивился Арик.

- Процент женщин, читающих детективы, гораздо выше, чем мужчин, - со знающим видом заверил Бобик.

Ламбровский не стал уточнять, откуда тот почерпал данные сведения, его занимало другое.

- А какая разница, где печататься, главное – рассказ появится на страницах печатного издания. И не важно, журнал это или газета. Или вестник коммунистов...

- Можно провести эксперимент, - предложил Евлампий.

- И пострадает еще один человек, - потухшим голосом произнес Арик.

- У меня есть один знакомый, - осторожно начал хозяин, - вернее, он наш общий знакомый... - Ламбровский уже хотел прервать подозрительное вступление, но Бобик его остановил, - Успокойся, он не хочет избавляться от неприятного ему человека, просто у него возникла необходимость разъехаться с этим человеком по разным микрорайонам города. Чем дальше, тем лучше.

- Что за чушь! – возмутился Арик, - я теперь должен выступать в роли риэлтора? Этот... наш общий знакомый не может сам разменять свою жилплощадь?

- Я не буду тебе объяснять все тонкости этого пикантного дела, - «напустил тумана» Евлампий, - я назначил ему встречу в театре за час до начала репетиции, пусть он сам все тебе расскажет...

В вестибюле театра маячила одинокая фигура Виталия Аленкина, который в оркестре театра музыкальной комедии играл на трубе. Ламбровский вопросительно взглянул на друга, тот кивнул, подтверждая догадку.

Виталию было лет тридцать – сорок, неопределенность возраста была вызвана чрезмерной упитанностью трубача и отсутствием растительности на голове. Может, он брился наголо, следуя моде, а может, таким нехитрым способом хотел спрятать раннее облысение. В оркестре все относились к Аленкину с симпатией, был он человеком приветливым, незлобным и камня за пазухой не держал. Щекастое лицо трубача с постоянным румянцем, вздернутый нос и удивленно смотрящие на мир глаза убавляли ему возраст. Виталик постоянно жевал, подтрунивания коллег – музыкантов не вызывали отклика. Своим весом он гордился, не забывая напоминать оркестрантам, что трубачу таким и положено быть и при этом надувал и без того выступающие щеки.

Сегодня Аленкин выглядел растерянным и встревоженным, даже щеки обвисли, а взгляду добавилась мольба о помощи. Арик тотчас проникся желанием помочь приятному во всех отношениях человеку без возраста.

После приветствий они сразу перешли к делу, пристроившись у подоконника.

- Аристарх, у меня к тебе большая просьба... Может, я сгущаю краски, но мне кажется...

- Виталик, не мямли! Давай, соберись! – призвал его деловитый Бобик.

Аленкин утвердительно кивнул и продолжил.

- В общем так, у меня есть теща Елена Федоровна. Из-за нее моя семейная жизнь висит на волоске. Она настраивает мою жену, свою дочь, против меня, но Лиза меня любит... любила...

- Так любит или любила? – поинтересовался Ламбровский, считая это немаловажным.

- Раньше любила, а сейчас... не знаю. В нее вселилась теща.

- Как это? – хором спросили приятели.

- Не в прямом смысле, а в иносказательном, - расплывчато пояснил Виталий. – Лиза стала думать, как мать, говорить, как мать. В общем, отражала нападki мамыши, устала и сдалась - превратилась в сварливую бабу, как теща. Я давно понял, что надо разменять квартиру и предложил вариант выхода из сложной ситуации жене. Она поняла, что зашла слишком далеко. Про любовь ко мне не сказала, но желание сохранить наш брак у нее есть. Тем более, у нас растет сын... Вася. – При воспоминании о сыне скорбная мина сползла с лица Аленкина. – Я не желаю, чтобы он рос без отца.

В голосе расстроенного отца были отчетливо слышны просительные нотки, будто от Аристарха зависело, станет Василий безотцовщиной или будет расти и развиваться в полноценной семье.

- Мне все ясно, - деловым тоном произнес Ламбровский, напоминая терапевта, установившего диагноз недомогания больного, выслушав его жалобы. – Так, так, так... Значит, теща отказывается от размена квартиры. – с явной угрозой в голосе добавил он. Потом подумал и не к месту добавил, - все Федоровичи одинаковы... - Заметив непонимающие взгляды, собрался и вернулся к разговору. – А без ее участия этот вопрос можно решить?

- Нет, - покачал головой Виталий. – Это квартира ее родителей, она в ней выросла, привыкла жить в хоробах при потолках в три с лишним метра и при толщине стен около метра. Тем более эта «сталинская постройка» находится в центре города и довольно прилично сохранилась. В прошлом году в доме сделали капитальный ремонт. Елена Федоровна никогда не переедет в захолустье без уважительной причины.

- Неплохие бабки можно срубить за эту хату, – задумчиво сказал расчетливый Бобик. – Можно спокойно разменять ее на две приличные двухкомнатные квартиры в спальном районе.

- В двух разных спальнях районах, - подсказал Аристарх, проникшись ситуацией.

- И я про это! – воодушевился Аленкин. – Но Елена Федоровна не желает терять власть над дочерью и контроль над всеми нами.

- Успокойся, Виталик, Арик тебе обязательно поможет, - заверил его Евлампий.

Ламбровский не удивился такому заявлению: он не мог отказать ни Бобику, приютившему его, ни печальному Аленкину, который находился на грани развода с женой Лизой и расставания с любимым сыном Васей...

На протяжении всей репетиции Аристарх бросал взгляды на Виталия, посчитав его источником вдохновения к написанию рассказа. Автор создавал в уме образы тещи и жены Аленкина. По непонятной причине женщины являлись ему в виде персонажей из сказки «Двенадцать месяцев»: толстой противной мачехи и доброй заботливой падчерицы. Ламбровский с точностью восстановил в памяти сказку, поддавшись необъяснимому порыву. Только конец получился несколько иной, мачеха переехала на житье–бытье в лес, где сердобольные братья–месяцы приютили ее, выстроив волшебным способом добротную лачужку. Под волшебным способом Аристарх подразумевал ледяной посох, исполняющий любое желание. Стукнул посохом оземь, прочел заклинание и твое желание исполнилось...

Нет, вариант переезда в лес отпадает – жалко братьев-месяцев, злая и скупая мачеха их достанет своими требованиями. То, скажет, хочу лето, когда на дворе январская стужа, то весну, когда на улице полетели желтые листья. Надо что – то придумать необычное, - мысленно рассуждал Ламбровский, - мачеху– тещу надо отправить подальше, но предварительно применить к ней меры перевоспитания. Дорогу в дом зятя пусть не забывает, но ведет себя в гостях достойно, без нравоучений и подзуживаний.

Арик не заметил, как пролетела репетиция. После к нему подлетел Евлампий и потащил в кафе обедать. Он заметил, что приятель «ушел в себя», следовательно продумывает будущий рассказ. Он заботливо ухаживал за писателем, подсовывая ему одно за другим блюда, а тот молча, поглощал пищу. Когда подруги покойной Кашкиной хотели присоединиться к ним, Евламп с удивленно посмотрел на них и поинтересовался.

- А вы что, ничего не знаете?

- Что мы должны знать? – напряглись виолончелистки.

- Ламбровский подхватил страшный вирус, ученые еще не знают его происхождения, не говоря о методах лечения. – поделился он придушенным голосом, переводя взгляд с группы опешивших девушек на прожорливого «больного». Ясно было одно – неизученный вирус не влияет на аппетит, но притупляет понимание окружающей действительности.

Виолончелистки с опаской покосились на Аристарха, который пребывал на своей планете, и попятились. Они посчитали своим долгом оповестить всех присутствующих о смертельном недуге скрипача. По мере их продвижения от столика к столику кафе пустело. Бобик наслаждался тишиной, а Ламбровскому было все равно, он и так пребывал в одиночестве. Минут через пятнадцать после ухода последнего посетителя дверь кафе приоткрылась и появилась голова дирижера. Он с опаской окинул взглядом помещение и поманил к себе расслабленного Евлампия.

- Он опасен... для окружающих? – с тревогой спросил дирижер и кивнул в сторону скрипача своего оркестра, который неспешно пил какао.

- Врач сказал, пару дней Аристарх должен побыть в изоляции, - доложил сообразительный Бобик.

- Почему, Евлампий, вы мне раньше не сказали о болезни Ламбровского!?! – рассердился дирижер. – Все музыканты моего оркестра подвергались опасности всю репетицию!

- О болезни мы узнали только что, врач перезвонил Аристарху на мобильный телефон и рассказал о неутешительных результатах анализов. - трагическим голосом пояснил Евлампий, продолжая врать напраполю.

- Что же нам теперь делать? – задался серьезным вопросом всклокоченный мужчина. - Закрывать театр на карантин?

Дирижер не сводил оценивающего взгляда с безучастного Ламбровского, будто ожидал увидеть немедленных проявлений коварного недуга.

- Чтобы заразиться, нужно находиться в непосредственном контакте с больным. – с явным намеком на собственную персону, подвергающуюся опасному риску, доверительно сообщил Бобик и постучал себя по груди кулаком, чтобы намек был более доходчивым.

Неизвестно, какие выводы сделал дирижер, но на третью скрипку он покосился с неодобрением. Возможно, об их уединении в каморке тети Зины уже начали распространяться слухи по театру.

- Думаю, будет лучше, если вы ОБА отправитесь домой, - сквозь зубы произнес он, будто боялся дышать полной грудью рядом с больными людьми, и отодвинулся на почтительное расстояние от Евлампия.

- Не знаю, сможем ли мы подчиниться Вашему распоряжению, - помедлив, хмуро сказал Евлампий и сделал шаг навстречу руководителю.

Тот мгновенно среагировал и сделал шаг назад. Бобик повторил наступательные шаги, дирижер опять отступил. Со стороны это напоминало странный танец без контакта.

-Н... но я вам п...приказываю идти домой! – сбиваясь с дыхания, пробормотал испуганный мужчина.

- Боюсь, нам не дадут больничный лист, ведь диагноз болезни пока неизвестен, - выдал Евламп и продвинулся еще на один шаг.

Дирижер не выдержал, развернулся и быстрым шагом потрусил в свой кабинет, подальше от Бобика. Преодолев метров десять, он почувствовал себя защищенным, развернулся и прокричал.

- Я предоставляю вам обоим оплачиваемый отпуск на два дня, надеюсь, за это время врач определится с диагнозом и успокоит окружающих, которые контактировали с больным!

- Может, лучше дней на пять? – совсем обнаглел Бобик, задумчиво потирая подбородок. Для устрашения и быстрой сговорчивости руководителя он сделал еще пару маленьких шажочков.

- Хорошо, - быстро согласился дирижер, перейдя на визгливые нотки, - но через пять дней вы должны представить мне справки, что вы совершенно здоровы. Иначе...

- Иначе мы останемся без работы, - согласно кивнул парень и опечалился. Он не ожидал, что шутка потянет за собой шлейф неприятностей. Хотя, о получение справок о состоянии здоровья он не волновался, они с Аристархом пойдут в поликлинику и получат необходимый документ.

- А почему я решил, что отпуск на пять дней – это неприятности? - внезапно «воскрес» Евлампий. – Это пять дней свободы и абсолютного ничегонеделанья. Буду валяться на диване с книгой в руках, а Ламбровский сядет за мой комп и будет строчить свой детектив!

Бобик вернулся к приятелю, хлопнул его по плечу и заявил.

- Собирайся, мы идем домой.

- Отменили спектакль? – поинтересовался удивленно – радостный Аристарх, словно ему только что доложили: не будет урока географии, к которому он не подготовился.

- Мы заболели! – со скорбным видом сообщил Евламп и тяжело вздохнул при этом.

- Мы... что? – Ламбровский приложил ладонь к животу, будто оттуда шло зарождение болезни. Затем оценил взглядом гору пустой посуды на столе и поставил диагноз, - мы объелись, и теперь у нас будет заворот кишок... Или мы отравились столовской пищей?

Бобик с трудом сглотнул слюну и прислушался к своему внутреннему состоянию.

- Ты ощущаешь... признаки отравления? – испуганно спросил он.

- Пока нет, но ты сам сказал...

- Что я сказал? Я сказал, что мы отравились в местной столовке?

- Нет, но...

- Без но, - отрезал он, - ты знаешь, я человек мнительный и подвержен влиянию домыслов.
- Влиянию чего?
- Довольно дискутировать! – призвал Евлампий. – Дирижер предоставил нам отпуск на пять дней...
- Без содержания?
- С содержанием!
- Откуда такая щедрость?
- Он сказал, что у нас нездоровый вид и нам просто необходимо отлежаться. После чего мы сходим в поликлинику и возьмем справки, где участковый терапевт заверит нас и, в первую очередь, руководство и окружающих, что мы совершенно здоровы. – нравоучительным тоном перечислил будущие действия Бобик.
- Но я и сейчас чувствую себя... нормально, - неуверенно сказал Аристарх.
- Видишь, в твоем голосе я услышал нотки сомнения! – восторжествовал Евлампий. – Зачем отказываться от отдыха, если тебе его навязывают? Все складывается вполне удачно: у тебя появиться время для написания нового рассказа. Надо, как можно скорее, помочь Аленкину! Семья трубача под угрозой распада!
- Надо бы взглянуть на эту злодейку–тещу, - загорелся желанием Аристарх, вняв призывам трибуна.
- Взглянем, - пообещал Бобик, увлекая его за собой, но их пригвоздил к месту насупленный взгляд тети Зины.

Сначала в дверном проеме показалась ее опухшая физиономия, а потом испитое лицо ее собутыльника Павла. Прищуренными взглядами они заклеями позором парочку музыкантов и в довершении осудительно покачали головами.

Друзья подумали, что на этом визуальный процесс всеобщего презрения закончится, но не тут-то было. Тетя Зина дернула головой в их сторону, едва не свалившись на пол, и громким шепотом доложила Павлу.

- Подобные извращения портят жизнь нормальным людям.
- Ужас! - поддержал ее Паша и запричитал, - и не только жизнь, они подрывают драгоценное здоровье, а денег на лекарства нет! - он выделил последнюю фразу и с ожиданием уставился на скрипачей.
- Да, Павлуша, погибнем мы с тобой зазря, - поддержала его тетя Зина и решила привести пример, – вот возьми, нас с тобой, - начала она, с трудом подбирая слова. Приятель тут же согласно кивнул, мысленно представляя себя и Зинаиду одним целым. - Мы ведем правильный образ жизни, общаемся только с противоположным полом, - указала на себя и осветителя, будто ей выпал черед «водить», - но почему– то должны страдать по вине...- женщина склонилась к уху приятеля и дала новое определение молодым людям нетрадиционной ориентации, произносить которое вслух в театре было неприличным.

Бобик тоже наклонился к другу и шепотом спросил.

- Может, им денег дать... на лекарства?
- Нельзя поддаваться шантажистам и попрошайкам. Им хочется найти нетрудовой источник дохода, пусть ищут его в другом месте. – парировал Аристарх.

Приятели с независимым видом проследовали мимо уборщицы и осветителя. У тех в глазах сначала засветилась надежда, а затем горькое разочарование. Тетя Зина поджала накрашенные яркой помадой губы, а Павел поскреб ногтями грудь, обтянутую футболкой с вытертым рисунком с изображением Дональда Дака...

Всю дорогу Ламбровский думал о родителях. Как не пытался избавиться от обиды, у него ничего не выходило. Он переключался на будущую работу над детективом, но вновь возвращался к думам о доме. Если я не такой, каким меня хотят видеть отец с матерью, - рассуждал Ламбровский, - значит, я плохой? Совсем им ненужный? Поэтому можно с легкостью дать пинка и выкинуть не только из квартиры, но и из своей жизни, как

нашкодившего пса?.. Она взяли собаку в дом, ожидали от него медалей на выставках, а он ПОСМЕЛ их разочаровать. Поэтому стал им не нужен...

Бобик вышагивал рядом и думал о скорости распространения сплетен. Ему даже захотелось вывести формулу, где передача информации напрямую зависит от сенсационности этой информации. Что является обратно пропорциональным, он не придумал, но скорее всего, неизвестность объекта обсуждения.

Если друг поделился со мной новостью о человеке из нашего круга, я могу не сдержаться и передать ее по инстанции первому встречному, при условии, что тот знаком и с источником информации, и с героем его рассказа. В противном случае я эту сплетню придержу. Кому интересно выслушивать новость о незнакомом человеке, пусть и сенсационную? - мыслил Евлампий. – Или сенсация – главное условие распространения информации?..

Когда молодые люди дошли до дома Бобика, Ламбровский предложил еще прогуляться.

- Тебе хорошо, - пробубнил тот, - ты никогда не мерзнешь! А у меня даже летом руки холодные... - Но заметив разочарование на лице друга, поспешил успокоить, - ладно, давай пройдемся.

- Знаешь, Евламп, я пришел к неожиданному выводу: Аленкину надо сменить фамилию. – Аристарх решил, что сейчас на него обрушится град вопросов или возмущений, но ошибся: его собеседник молчал, лишь глубже засунул руки в карманы теплой дубленки. – Я провел параллель... Наш трубач – Аленкин, его теща - Елена Федоровна... Я не знаю, как объяснить, но Виталик прирос к ней...

- Я не понимаю, - покачал головой Бобик.

- Допустим, у тебя в детстве спрашивали: Мальчик, ты чей? Что ты отвечал?

- Мамин... Или папин.. В зависимости от того, с кем находился рядом.

- Психолог, - усмехнулся Арик. – Теперь другой пример: перед тобой незнакомец, а тебе по какой – то причине нужно узнать его фамилию...

- Может, я переписчик населения, - с воодушевлением включился в игру Евлампий. Аристарх согласно кивнул.

- Ты спрашиваешь: Ваша фамилия? А он отвечает: Аленкин! Улавливаешь связь?

- Ты чей? Мамин. Твоя фамилия? Аленкин. - скороговоркой проговорил Бобик, потом задумался и выдал, - ты чей? Аленкин!

- Дошло?

- А кто такая Алена? - нахмутив брови, задал вопрос Евлампий, не улавливая мысль приятеля.

- Теща. Елена – Лена - Алена... Теперь понял?

- В общих чертах... Но мне кажется, трубачу лучше развестись и жениться заново, предварительно убедившись, что между его фамилией и именем будущей тещи нет связи.

- Но он не желает разводиться! Он любит Лизу! – напомнил Ламбровский.

- Да, сложная штука жизнь, - философски заметил Бобик, засовывая голову в нутро дубленки, как черепаха в панцирь. – Может, все же пойдем домой и там обсудим связь имени тещи и фамилия зятя, – заканючил он.

- Ладно, продолжим рассуждения в тепле... - милостиво согласился Аристарх...

Но в домашней обстановке разговора не получилось: Евлампий юркнул под мохнатый плед, согрелся и засопел. Ламбровский включил телевизор на минимальную громкость и стал бездумно переключать каналы. На одном канале показывали мультфильм «Кентервильское привидение», великолепно сделанный по произведению Оскара Уайльда. Арик переключил дальше, но затем вернулся. Мультфильм он видел много раз, поэтому вникать в сюжет не было необходимости, в голове автора рождалась идея...

По большой квартире тещи Виталия Аленкина разгуливает полупрозрачный косматый мужчина, гремя железными цепями. В своей спальне почивает Елена Федоровна, оглашая дом хозяйским храпом. Привидение морщится от неприятных звуков и решает

прервать сон женщины. Оно легко проходит сквозь стену, проникает в спальню и начинает истерически хохотать, аккомпанируя себе звоном цепей. Перепуганная дама открывает глаза и с ужасом видит перед собой привидение. Оно наклоняется над ней, хохот переходит в завывание, музыкальное сопровождение усиливается. Женщина падает без чувств. Проснувшиеся домочадцы вызывают неотложку. Врач приводит ее в сознание, женщина начинает нести бред о разгуливающем по дому привидении...

Освобождение от тещи Аленкину гарантировано. После таких заявлений она отправится в психушку и вряд ли оттуда выйдет – слишком велико потрясение, а трубач с семьей останется в старом доме сталинской постройки. И они будут жить-поживать и растить сына Васю...

Аристарх с воодушевлением потер ладони, будто дело было уже сделано. Остановка за малым: нужно найти актера, который согласится сыграть роль привидения!

Ламбровский не заметил, как сменил амплуа: из автора детективных рассказов он превратился в сценариста и режиссера. Раньше кто-то другой выступал в роли сценариста, переделывал рассказ на свой лад, а затем ставил пьесу без согласования с автором. Теперь Аристарх решил взять бразды правления в свои руки.

Но в задуманном сценарии есть один большой минус: теща может с перепуга «отдать концы». Это в случае ее повышенной впечатлительности. Или врезать привидению по уху, в случае ее неверия в мистику. Для начала надо последить за ней, понять, что она за человек, побывать в квартире, естественно, в ее отсутствие, изучить обстановку, и затем доработать сырой сценарий.

Аристарх еле дождался, когда его величество хозяин квартиры проснется, и сразу изложил ему суть. Бобик заартачился и сразу отменил предложение перейти от написания и издания рассказа в газете к спектаклю, объясняя это нежеланием вовлечения в их группу третьего лица. Ламбровский принялся его уговаривать, почувствовав в себе талант к режиссуре, но Евлампий продолжал стоять на своем. Он привел веский аргумент: все должно идти по проторенной дорожке. Тем более, в данном случае не стоит опасаться, что кто-то из действующих лиц будет убит. В самом рассказе о лишении человека жизни не будет ни слова.

Покладистый Аристарх в итоге согласился. Бобик взял на себя телефонные переговоры с Аленкиным. Перед трубачом была поставлена четкая задача – очистить квартиру от тещи на пару часов.

– Легко, - повеселел зять, - завтра она идет на день рождения своей единственной подруги. Этот день у нас идет в календаре красным: Елена Федоровна покидает нас на всю вторую половину дня. А бывают случаи, - перешел он на трагический шепот, - когда она остается у нее ночевать.

- Вы предаетесь разврату, мой дорогой друг? – не сдержался о колких замечаний Евлампий.

- Но... у нас же сын Вася, - сообщил Виталий, словно это было единственной преградой к безрассудствам.

Они договорились о встрече, и Бобик, не зная, куда деть боевой настрой, переключился на автора.

- Почему ты прозябаешь в лени?! Бегом за компьютер! - набросился он на него, будто был ее отцом, желавшим сделать из безалаберного сына отличника.

- Ты считаешь, что я должен бездумно стучать по клавиатуре?! – возмутился тот, с высока взглянув на приятеля. – Я не наборщик текста! Я писатель! Для начала я должен ухватиться за...

Повисла пауза.

- За что? – поторопил его Евлампий, внимательно изучая лицо друга. .

- Понимаешь, я должен что-то услышать или увидеть такое, что натолкнет меня на мысль. – при этом глаза автора детективов вылезли из орбит, словно он приготовился к встрече с существом, которое носит в кармане набор подсказок на все случаи жизни.

- Но у тебя есть уже мысли? - любопытно спросил приятель, изучая обстановку своей жилплощади, которая способна привести к озарению. – Арик, рассуждай вслух, мне будет интересно. Глядишь, и я поучаствую в творческом процессе.

- Ты уже поучаствовал, когда обрубил мои режиссерские начинания. – обиделся Ламбровский. – Пока других задумок в моей голове нет.

- Тогда предлагаю выпить сладкого чай для улучшения работы мозга, - предложил Бобик. Чаепитию помешал звонок настырного Синявского. Он поинтересовался, как идут дела, а Ламбровский заверил, что совсем скоро принесет в редакцию газеты новый рассказ. - Может это будет не совсем детектив, а скорее мистический рассказ. Я пока в процессе осмысления...

Редактор удивился, но переубеждать автора не стал.

- Приносите, а там посмотрим...

- Мне показалось, что он не горит желанием печатать мистику, - задумчиво сказал Аристарх. – Но в моей голове все время вертятся привидения, полтергейсты...

- Полтергейсты? – Евлампий проверил работу комбайна на своей голове. Туняец, сделал он приятное заключение и вернулся к разговору. – Ты подумал... об исполнителе? - ехидно спросил он.

- Ты имеешь в виду человека, который убил Олю Кашкину и садовника Загускина? – уточнил Аристарх. – Не понимаю, почему я должен «подстраиваться» под его возможности, упрощать ему жизнь?

- А как он будет... ставить спектакль по твоему мистическому сценарию, если под рукой у него нет специальных средств? Или он выберет самый простой путь? Спрячется в шкафу и станет выкидывать оттуда столовые предметы. Кого напугаешь таким детским выходками!?! Наблюдательная теща мигом вычислит, где находится источник полета тарелок и сдаст его в полицию.

- Экий ты, Евламп, приземленный человек, - посетовал Ламбровский. – если идти по пути наименьшего сопротивления, то можно, вообще, никого не задействовать. Самому выступить в роли журналиста и написать огромную статью... о минусах сталинских построек, в которых опасно жить в виду их изношенности. Срок амортизации давно истек.

- Это в современных постройках опасно жить, - накинулся Бобик, - а известно ли тебе, что дома, выстроенные в тридцатых – пятидесятых годах прошлого века, отработали свой ресурс на треть? Они нас с тобой переживут.

- Но Елена Федоровна может об этом и не знать.

- И этот человек обвиняет меня в приземленности! – схватился за голову Евлампий.

- Ну, успокойся, я пошутил, - пошел на попятную Ламбровский.

- Ты впадаешь в крайности, - незлобно пожурил его Бобик. – То собираешься устраивать в квартире тещи Аленкина полтергейст, то решил стать журналистом, критикующим старинную архитектуру...

- Я хочу... отделаться малой кровью.

- Мы решили обойтись без убийств! - задохнулся от возмущения Евлампий.

- Это я иносказательно...

- Может, ты к басням перейдешь? – с угрозой в голосе спросил он.

- Просто меня это дело... не вдохновляет. Обычная бытовая разборка. Лучше бы Аленкин взял кредит в банке и купил собственное жилье, а не зарился на квадратные метры тещи.

- Кто ему даст! За нашу зарплату ему не дадут кредит на стиральную машину, не то, что на квартиру. Он даже не может снять жилье на окраине города... - Бобик хотел привести еще несколько доводов, но Арик его перебил.

- Я все понял и постараюсь помочь...

Они договорилась спать на полу поочередно. Сегодня была очередь Ламбровского. Рост не позволял растянуться на матрасе, ступни ног сразу оказывались на холодном полу.

Ему пришлось свернуться калачиком, задача по упаковке себя любимого была успешно решена. Он сладко зевнул и окунулся в дрему – явь...

...Он ясно увидел Аркадия Райкина, а рядом себя. Они стояли перед квартирой Елены Федоровны, и известный артист эстрады давил на звонок. У обоих был непрезентабельный вид опустившихся людей. Где-то я это уже видел, - подумал Арик. – О! Вспомнил! Был старый фильм с участием Райкина. Он вызвался помочь своей учительнице, над которой издевались соседи по коммунальной квартире...

В голове писателя сразу возникло здравое опровержение - теща Аленкина не живет в коммуналке. Он стал доказывать это Аркадию Исааковичу, тот проникся и предложил спустить на этаж ниже. Позвонил и стал ждать.

Наконец, дверь распахнулась и появилась дама преотвратной наружности с папиросой во рту, во фланелевом халате, стоптанных тапках и со свитым гнездом на голове: волосы были уложены в немыслимую прическу с неряшливо закрученной на макушке дулей.

- Чо надо? – недовольно рявкнула она, перекатывая папироску из одного угла рта в другой.

- Слушай, дорогая, - пропел знакомым голосом известный артист, - мы хотим квартирку прикупить в вашем доме, как раз над тобой...

- Нам только пьяни не хватало, - вздохнула она, уперев руки в места, где когда-то находилась талия. Фигура дамы отличалась правильностью, в том смысле, что откладывала жир в нужных местах, следуя схеме ежедневных перееданий, благодаря чему превратилась в ровный квадрат. Как женщина добилась таких неожиданных результатов, оставалось загадкой.

- Ты не волнуйся, милая, мы люди тихие и отзывчивые. Ежели ты вякать начнешь, то мы враз откликнемся. – с милой улыбкой произнес Райкин.

Я поддержал его высказывание многозначительным кивком и коротким смешком. Он обратил на меня внимание и представил.

– Знакомься, брательник мой, - актер хлопнул меня по спине, - тока – тока вернулся... с Магадана... Пятнадцать лет был... в командировке. Хороший парень, но иногда несдержанный.

- А в чем это выражается? – дрожащим голосом поинтересовалась «квадратная» женщина, назвавшаяся Еленой Федоровной.

- Петь любит, - заговорщицки поведал Райкин, - а по мере увеличения потребления напитков, еще и танцует. А что самое интересное, порыв души возникает ночью, когда мирные граждане спят. Но он человек творческий, потому и творит... безобразия по ночам.

- А чем же занимается Ваш брат? – она обзрела Ламбровского с ног до головы и недовольно скривилась. Было заметно, что дама впечатлилась и замызганной тельняшкой, и потертым бушлатом, и кирзовыми сапогами с комьями грязи. В руках он мял невзрачную шапку-ушанку, находясь в крайней степени волнения из-за характеристики, данной «братом».

- Чем занимается? – блистательный актер вопросительно взглянул на Аристарха, призывая подключиться к диалогу.

- Я рассказы пишу... В свободное от основной работы время. – промямлил тот и скрестил по два пальца на каждой руке, изображая место, где находится его основная работа.

- Какие рассказы? – спросила она презрительным голосом учительницы литературы, которой ученик признался, что украдкой пишет матерные стихи. Причем неожиданный интерес был такой силы, что затушил папиросу.

- Детективы, - с чувством доложил Арик. – Сначала «пришью» кого-нибудь, а потом записываю... для памяти, чтобы не повторяться!

Райкин погладил парня по голове.

- Хороший мальчик, талантливый. – с чувством, смахивающим на восторг, заявил он. - Сколько преступлений совершил, а сидел всего лишь пару раз! - Потом обратился к

Елене Федоровне. – Так мы чо с брательником пришли? Хотим узнать, какие люди нас будут окружать, если мы переедем в квартиру над вами? – Он направил к потолку большой палец. – Нужные обществу? Или так, всякая шваль...

Женщина разволновалась, не зная, к какой категории себя отнести. Конечно, она не считала себя изгоем, но задумалась о последствиях. Хотя, чего раздумывать? Если эта парочка, действительно, переедет в их благополучный доселе дом, то наступит конец всему: спокойствию, тишине... Их вырвут из советского времени закрытости, в котором продолжали находиться все жители дома – бывшие обкомовские работники и их последующие поколения, и вернут в страшную действительность. Людей принудительно посадят в машину времени и переместят в двадцать первый век без их согласия. Единственно, что можно сделать, это поскорее продать квартиру, пока дурная слава о некогда благополучном доме не прокатилась по городу...

Аристарх с удивлением заметил, что деревянная дверь квартиры Елены Федоровны похожа на ту, что он видел во сне. Он пытался осмыслить невероятное совпадение и начал изучать ее визуально и методом периодического постукивания, Виталий с Евлампием непонимающе уставились на него. Бобик уже решил высказать соображения по поводу поведения друга, но умолчал: не хотел мешать творческому настрою. Затем началась экскурсия по дому, гидом выступал трубач Аленкин.

- Дом кирпичный, шесть этажей, перекрытия железобетонные, а не деревянные, как часто бывает, - издавдала начал он, будто уговаривал гостей приобрести весь дом целиком. – В основном здесь живут старожилы. Дом строили для работников Обкома на века. Кто ж захочет покидать этот рай, - удрученно повторился Аленкин.

Бобик насторожился.

- Ты... сам не хочешь съезжать отсюда? – догадался он. Тот кивнул. – Аристарх, мы должны помочь товарищу! – Голосом вождя мировой революции призвал он.

- Но мы и так... пытаемся помочь, - поморщился Ламбровский, понимая, куда клонит приятель. Он наклонился к нему и внушительным шепотом заявил, - на «мокрое дело» не пойду!

- Фи, что за жаргон, - скривился Евлампий. – Я не предлагаю тебе пойти на убийство, я, вообще, ничего не предлагаю.

- В таком случае, лучше помолчи!

Трубач прислушивался в их перепалке, но смысла уловить не мог.

- Может, продолжим осмотр? - перевел он внимание на себя.

Молодые люди прошли по четырем большим комнатам, заглянули в места общего пользования и переместились на кухню, где сели за стол пить чай с ватрушками.

- А где Лиза? – поинтересовался Бобик.

- Жена пошла за Васенькой в школу, они должны вот- вот прийти.

- Мне бы хотелось осмотреть спальню Елены Федоровны, - сказал Аристарх, пользуясь моментом, пока дочери хозяйки нет дома.

Комната тещи ничем особо не отличалась от обычных спален. Большая кровать, рядом тумбочка, шифоньер, трюмо – все выглядело пришельцами из советских времен. Как папа – обкомовский работник завез югославский спальный гарнитур, так он и стоит на своих местах. Но надо отдать должное качеству - мебель сохранилась в хорошем состоянии. На тумбочке лежала книга с закладкой. Арик осторожно взял ее в руки, словно она была из стекла, и открыл на странице с закладкой – открыткой, скользнув взглядом по нестройным детским буквам: Дорогая бабушка! Поздравляю с женским днем восьмое марта! И ниже приписано: Твой внук Василий. У Ламбровского заныло в груди. Он вспомнил, как подписывал своей матери подобные открытки, как она, не глядя, бросала их на замызганный кухонный стол, откуда они перекачывали в мусорное ведро. Если бы она относилась к его маленьким презентам подобным образом, то совершенно иначе сложилась бы жизнь сына. В этом броске на стол было и пренебрежение, и неуважение, и

наплеватьство. Им неинтересны были мысли сына, главное - чтобы он выучил уроки, а остальное время посвящал музыке. Родители никогда не разговаривали с ним по душам! Никогда! А зачем тратить время на него? Он домашний питомец и все. Но многие люди разговаривают с собаками, цветами, считая это немаловажным для их развития и роста. Говорят, что цветы любят, когда за ними не просто ухаживают, а восхищаются их красотой, любят ими, даже, если это обычные надутые колючки – кактусы. Аристархом никто не любовался, никто не хвалил его за успехи, его долбили, чтобы он был лучше всех, не объясняя причины. Почему он должен быть лучше Иванова, Петрова по всем школьным показателям? А если ему это не под силу, потому что у Иванова разряд по легкой атлетике, а Петров – гений в математике и победитель всех олимпиад. И почему он должен играть на скрипке, когда ему хочется просто лежать на диване и мечтать!? Может человек быть мечтателем? Если бы у него в детстве было свободное время, он смог осмыслить будущее, направил бы усилия на поиск занятия, в котором, действительно, преуспел, и в котором мог превзойти всех. Например, литература... В двадцать лет он безуспешно увлекся стихосложением, в тридцать переметнулся на прозу. Наконец, у него что-то стало получаться. Даже такая акула пера, как редактор, увлекся его произведениями. Он больше не хотел выслужиться перед родителями, чтобы получить сладкую конфетку. Аристарх понял, что его никогда не поймут, не поймут его метаний и поисков себя. К чему это, если за тебя уже все решили и указатели направление, по которому он должен двигаться. Любое отклонение от выбранного ими курса вызывает неприятие.

Вместе с жалостью к себе пришла зависть к маленькому мальчику Васе Аленкину, которого любит и ценит бабушка. На Ламбровского накатила волна апатии и равнодушия.

Кто я? – мысленно задался он вопросом, - и какое имею право распоряжаться чужой жизнью, про которую я ничего не знаю? - Арик покосился на Виталия, замершего у двери комнаты тещи. Трубоч оперся плечом на дверной проем, не желая пересекать границ ее царства. - Может, у Елены Федоровны есть причина ТАК относиться к зятю? - мелькнула мысль, и тут же последовал следующий вопрос: И что означает это ТАК? Что я знаю об их отношениях? Аленкин утверждает, что злая теща желает разрушить его семью. Вмешиваться в чужую семейную жизнь - это неправильно, если она находится за порогом. Здесь все иначе: Елена Федоровна пребывает на одной жилплощади с зятем, который вызывает у нее неприязнь своими поступками или отношением в ней, а может, к дочери и внуку. Скорее всего, к дочери и внуку... Женщина, положившая на алтарь семьи себя, в первую очередь думает о самой семье, собственное «Я» уходит на второй план. Жизнь Аленкиных постоянно у нее перед глазами. Женщина считает себя вправе высказывать свое мнение. Виталий не принимает нравучений тещи и как следствие, неприязнь к ней растет день ото дня. – Аристарх оторвался от книги и метнул взгляд в сторону Аленкина. – Почему я раньше не замечал поджатых губ, говорящих о постоянном недовольстве всеми, кроме самого себя? И почему взгляд из добродушно-приветливого превратился в презрительно-колючий? Чем вызвано такое перевоплощение? Местонахождением на территории врага или отношением лично ко мне, искусно скрываемым в виду временной заинтересованности?

Ламбровский не отличался наблюдательностью. Только в последнее время в нем проснулся писатель, который «срисовывает» лица, жесты, мимику с прохожих. Раньше Аристарх был сосредоточен на своих мыслях, «застегнут на все пуговицы», как с неудовольствием отмечала его мать. Теперь он расстегнулся, но верхней одежды не снял, словно пришел в гости к неприятным людям и находится в раздумьи: остаться и понаблюдать за ними или прислушаться к себе и удалиться? Для нелитературного периода жизни Ламбровского свойственно было последнее, теперь он желал досмотреть представление до конца и не только быть сторонним наблюдателем, но исподтишка

руководить процессом. Остановить его в любой момент, чтобы заново переработать по своему усмотрению... Остановить пока не получалось...

Заметив взгляд Аристарха, Аленкин вернул своему лицу обычное выражение приветливости с примесью обиженного жизнью человека.

- Виталий, ты можешь показать мне альбом с фотографиями? – неожиданно вырвалось у Ламбровского. Он не знал, зачем ему летопись в фотографических изображениях, но раз внутренний голос вмешался, то так тому и быть.

- Ты хочешь полюбоваться на мою тещу? – Сс неприкрытой иронией поинтересовался трубач. Писатель лишь кивнул в ответ, его покоробил тон.

Они прошли в гостиную, где в одном из отделений мебельной стенки того же года выпуска, что и спальный гарнитур, находился семейный альбом Елены Федоровны.

Аристарх напрягся, ожидая увидеть женщину из ночного видения. На самой первой странице в овальные прорези альбомного листа была вставлена фотография молодой четы с девочкой на руках.

- Это мой тесть, это теща, а это Лиза. Ей здесь пять лет.

- Мужчина в морской форме твой тесть? – удивился Евлампий. Он, наконец, оторвался от блюда с ватрушками и появился в гостиной с чашкой в руке.

- Да, он погиб, когда дочери было всего семь лет...

Они устали на молодого темноволосого мужчину с мужественным лицом и добрыми глазами. Он с улыбкой смотрел в объектив, прижимая к себе дочь, пристроившуюся на его коленях. Рядом с ним сидела красивая женщина с длинными до плеч русыми волосами, худенькая, из-под тонкого платья прорисовывались острые девичьи коленки. Огромные глаза были искусно подведены, следуя моде того времени. Ламбровский мысленно прикинул и решил, что фотография сделана в конце семидесятых годов. Он не удержался, вытащил ее из пазов и прочел на обороте надпись: август 1977года.

Почти угадал, - порадовался он. – А мне было уже семь лет...

Молодая женщина, в отличие от мужа, смотрела в объектив настороженно, будто предчувствовала развитие событий двухлетнего будущего...

Насупленная Лиза с огромным бантом на светло-русой голове выглядела недовольной. Не иначе ребенок не желал сидеть неподвижно и смотреть в одну точку.

В замочной скважине заскребли ключом, дверь неслышно открылась и, помедлив, захлопнулась, впустив новых людей. Ламбровский догадался, что вернулись жена и сын Аленкина.

Сначала в комнату вошел белоголовый мальчуган, а за ним стройная симпатичная женщина. Это был собирательный образ отца и матери, а когда она улыбнулась, то стала копией отца.

- Здравствуйте, - поприветствовала она гостей. Те дружно поднялись и пожали протянутую маленькую ручку. За ее спиной Виталий стал делать непонятные знаки. – Елизавета, - представилась она.

- Евлампий.

- Аристарх.

- Какие необычные имена, - протянула она. Затем повернулась к сыну и поманила его рукой. – Это наш сын Вася.

- Василий, - поправил он мать.

- Вы смотрите наш семейный альбом? - улыбнулась она.

- Я хочу сделать сюрприз Елене Федоровне - заказать большой портрет твоего отца. – сказал Виталий, чем вызвал удивление у гостей. – Эти молодые люди, - он кивнул в сторону скрипачей, - известные фотохудожники, - Аленкин пронзил их взглядом гипнотизера, под действием которого «фотохудожники» дружно кивнули. – Лизонька, ты пока накорми Васеньку, а мы скоро закончим, - сладким голосом пропел муж. Причем сладости было добавлено сверх меры, у Аристарха даже зубы свело, словно он слопал

килограмм шоколадных конфет за один присест и не запил водой. Его начало подташнивать от перебора. Лиза удалилась, прихватив Василия, а «фотохудожники» хотели возмутиться, но Виталий приложил указательный палец к губам. Им пришлось снова вернуться к альбому.

Ламбровский догадался: Елизавета не посвящена в планы мужа и не разделяет его желания разъехаться с матерью. Следовательно, брак Аленкиных не висит на волоске, все это домыслы Виталия.

Арик обвел взглядом хоромы тещи. А не преследует ли зятек свои нехорошие цели? – задумался он. – Интересно, что ему наболтал Евлампий о моих пророческих рассказах? Если он не забыл доложить о несоответствиях изложенного текста и последующих событий, то это многое меняет: зять быстро сообразил, что благодаря моим литературным талантам можно легко избавиться от нелюбимой тещи и переселить ее не в другую квартиру, а на кладбище... – От догадки его зазнобило. Аристарх передернул плечами, словно пытался скинуть с себя неприятные умозаключения. – Мне нужно продолжить игру в сочувствие и понимание. Но как наказать хитрого Аленкина?

- Арик, чего ты дергаешься? – заметил его телодвижения Евлампий.

- Меня знобит, - пожаловался тот.

- Слушайте ребята, а вы на самом деле чем – то больны или это только слухи? – напрягся Виталий, готовый в любую минуту выдворить их из дома.

- Слухи, - качнул головой Бобик. – Нам был необходим небольшой отпуск, чтобы вплотную заняться твоим делом, - доверительно сообщил он.

Аленкин облегченно вздохнул.

Аристарх тем временем перелистывал альбом, особо не задерживаясь ни на одной фотографии. Везде прослеживалось взросление Лизы, а ее мать оставалась такой же привлекательной молодой женщиной, несмотря на утрату...

На последней фотографии были трое: Елена Федоровна, ее дочь и внук-первоклассник. Для зятя места не нашлось. Как на фотографии, так и в душе тещи...

- Что–то Виталик темнит, - в смятении произнес Евлампий, когда они покинули квартиру и вышли на улицу.

С неба сыпал снег. Еще немного и очередная картинка в календаре засветится радостным первым весенним днем с изображением весело бегущих ручьев и цветущей мимозы. Пока дыхания весны не ощущалось. Насытившийся ватрушками Бобик, хоть, и пребывал в эйфории любви окружающего мира, но взирал на этот мир с неудовольствием.

- Когда наступит тепло, когда наступит настоящая весна, - канючил он, словно Ламбровский был в состоянии решить этот вопрос. Евлампий с негодованием взглянул на друга. – Почему ты молчишь? Мы что, в театре одного актера? Давай, высказывай свои соображения!

- По поводу прихода весны?

- Ты догадался, что я имею в виду! Не прикидывайся тупым!

- Если тебя интересуют мои соображения касательно Аленкина, то могу высказаться, но для начала ответь на один вопрос: рассказывал ты ему о судьбе моих рассказов? О событиях, которые происходят после публикации?

- Я не помню, - заюлил приятель.

- Все ясно, - догадался Аристарх – Вечно ты метешь языком, как помелом! Я пошел у тебя на поводу, снова возобновил свою писательскую деятельность, - с неким пафосом заявил он, потом сконфузился от высокопарного выступления и замолчал...

- Не обижайся, друг, я не думал, что трубоч нашими руками хочет вершить темные дела!

- Ты... тоже догадался?

- А то! Если в театре, он старается выглядеть овечкой, то на своей территории не может скрыть свое гнилое нутро! Думаю, он сделал определенные выводы из моей болтовни и

решил избавиться от тещи. Мне понятны его рассуждения... Читатель детективов, или, попросту говоря, убийца вошел в раж. Ему уже неважно, будет ли в финале жертва или все закончится хеппи – эндом. Главное – описаны все участники событий, один из которых и будет убит.

- Но почему ты решил, что будущая жертва это теща Аленкина, а не он сам? – перебил его Аристарх. – Исполнитель все так перекручивает, что я сам не могу предугадать, кто преступник, кто пострадавший.

- Это не я решил, а Виталик. Он решил одурачить нас.

- Я сам догадался, что он нас «водит за нос».

- Нет, Арик, он нас не просто «водит за нос», он так запудрил нам мозги, что мы запутались.

- Я не запутался! – нашелся Ламбровский.

- Последи за моей мыслью! – приказал Евламп, - сначала Аленкин рассказывает нам трогательную историю своей семейной жизни, где всего три человека, - он поднял три пальца перед лицом Ламбровского, - и четвертый лишний. – Появился еще один палец. - Причем этот четвертый отравляет жизнь сразу троим. – Оба молодых человека оценили достойным вниманием выставленные пальцы. - Но эти люди - пальцы одной руки, они живут вместе и лишних быть не может... Лишний тот, кто считает другого лишним... - Со свойственной только ему философской завихренностью заявил Евлампий. - Знаешь, сначала я поверил жалобным речам Виталия, а когда пришел в дом тещи, то почувствовал приятную расслабленность и спокойствие. На душе стало так комфортно, как бывает только в своем доме – крепости, где ты чувствуешь себя защищенным. Всюду чувствовалась заботливая рука хозяйки... Не может быть Елена Федоровна плохим человеком, изживающим со свету зятя! А когда увидел ее фотографию, то только утвердился в своих догадках... Я прав?

- Прав, - сразу согласился друг.

- Я не знаю, что ты нашел в ее спальне, но вид у тебя был ошарашенный.

- Вид, как вид, - отмахнулся Аристарх, не желая окунаться в воспоминания.

- Нет, ты выглядел потрясенно - задумчивым. Или, правильнее сказать, у тебя на лице была печать сомнения. Я сразу понял, что мой друг на распутье. Кстати, ты сам попросил альбом?

- Сам, хотел взглянуть, как выглядит теща – узурпатор.

- Вот – вот, Виталий разыграл все по нотам!

- Думаешь, он все заранее подстроил?

- Уверен! Поначалу ты мысленно представляешь ее монстром, а затем убедился, что это приятная женщина с добрыми глазами.

- А смысл?

- Ты уйдешь от первоначального замысла мщения Елене Федоровне и переключишься на злодея-зятя.

- Но я не собирался... наказывать тещу! Я хотел ее попугать... Помнишь, я тебе рассказывал и привидении?

- Только не нужно возвращаться к привидениям и полтергейстам! – возмутился Бобик. – В рассказе должно быть указано главное действующее лицо, а затем все идет шиворот – навыворот и убивают другого человека. Именно, эту цель преследовал Аленкин. Зять рассчитывал на твою «сообразительность», ты вскроешь его гнилую сущность и сделаешь его жертвой в новом рассказе. Затем произойдет переигровка и жертвой станет теща! Я понятно излагаю?

- Сложно, но доходчиво, - успокоил его Аристарх. – И что мне теперь делать? Отказать Виталию?

- Ни в коем случае! – с воодушевлением сказал Евлампий и постарался заразить этим воодушевлением приятеля. – Ты делаешь вид, что рассмотрел его истинное лицо: если он позвонит, то разговаривай с ним натянуто, будто между вами «пробежала» черная кошка.

Виталий догадается, что вызвал у тебя неприязнь. И совсем скоро он прочтет рассказ, где будет фигурировать в роли жертвы. А в это время ты спокойненько крапаешь новый шедевр, где Елена Федоровна пострадает от руки преступника...

Кухня Бобика превратилась в рабочий кабинет писателя Ламбровского. Аристарх уставился на экран компьютера, где пребывало в абсолютном штиле синее море. Оно успокаивало и настраивало на... лирический лад, а ему нужен был озверин, который воздействует на его нервную систему, как возбуждающее средство.

Он поозирался по сторонам, заметил острый кухонный нож и, недолго думая, легонько ткнул им себе в руку. Выступившая капля крови растекалась по волосатой руке и превращалась в рельефную лужицу...

... В самом начале улицы Чехова стоял величественный дом, построенный в середине прошлого века. Он смотрелся особняком не только среди вылизанных домов для нуворишей, воздвигнутых на месте снесенных хибар, но и среди таких же домов-пенсионеров. Он отличался архитектурной изысканностью и неповторимой интеллигентностью: все в нем было в меру, без излишков модной в те далекие времена лепнины, без громоздких балконов, залепленных режущими глаз разномастными застекленными рамами, тем более, без выставленного на всеобщее обозрение выстиранного белья. Серый, но не мрачный, невысокий по современным меркам, но и не малыш, зажатый великанами. Один брошенный взгляд на этот дом сразу пробуждал в душе зависть к его жителям. За широкими дверями начиналась совсем другая жизнь, со своими законами, которые неукоснительно соблюдались. Жильцы были закрыты друг от друга, ограничивались лишь приветствием и расходились по своим делам. Каждый плыл по течению дальше... Но была в доме «белая ворона», которая не подчинялась негласно установленным порядкам – вездесущая консьержка Валентина, сидящая в аквариуме у входа. Она знала всех и вся. Кто, куда, почему и зачем, и пыталась поделиться информацией с проплывающими жильцами. Некоторые замедляли ход и улавливали кое-что из сказанного...

Так жители дома узнали, что в двенадцатой квартире кровожадная теща поедом ест тихоню-зятя. Особо впечатлительные представляли даму людоедом, и старались прошмыгнуть мимо указанной квартиры. Другие прикладывали ухо к двери, пытаясь уловить чавканье. Но напрасно: дом отличался повышенной звукоизоляцией. Словоохотливая консьержка продолжала бросать реплики по поводу неблагополучной квартиры. Пошла цепная реакция, которая внесла перемены в установленные десятилетиями законы. Жители не просто здоровались с зятем, но и старались поддержать его: женщины слезно говорили ему вслед: «Бедный мальчик!» И прикладывали к глазам батистовые платочки, забывая при этом, что возраст мальчика перевалил на четвертый десяток. Мужчины сочувственно похлопывали по плечу и призывали держаться. Все боялись одного – скандал в семействе закончится разменом и в их дом, в двенадцатую квартиру, въедет ЧУЖОЙ человек, который не будет уважать законы и правила этого дома. Теперь жители задерживались у аквариума консьержки, чему та была искренне рада, и обсуждали последние новости о военных действиях, происходящих в неблагополучной квартире. Было принято решение выбрать делегатов для урегулирования конфликта. Правда, желающих не нашлось. Все кивали друг на друга и приводили веские самоотводы. Процесс затянулся и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не капель... Да – да, обычная весенняя капель.

Начало весеннего периода вносило проблемы в устоявшийся быт граждан шестиэтажного дома на улице Чехова. Правый угол дома непонятным образом служил местом сбора тающих вод. Может, дом покосился на одну сторону ввиду почтенного возраста, или водосток наклонился, но каждый раз главный по дому Сергей Львович напоминал своему помощнику Владимиру Викторовичу, что надо напомнить дяде Коле и дяде Ване, чтобы они полезли на крышу и сбили образовавшуюся в результате таяния

снега огромную сосульку. В этом году Сергей Львович отбыл на симпозиум во Францию, так как управление домом он совмещал с руководством каким – то научным институтом. Поэтому никто не напомнил Владимиру Викторовичу и так далее по цепочке.

В один из первых дней марта жительница двенадцатой квартиры - Елена Федоровна - отправилась за покупками. Солнце по- весеннему слепило глаза, под ногами хлюпала вода, сосулька успела достичь гигантских размеров. Женщина обозрела едва пробуждающуюся природу, вдохнула полной грудью и уверенно зашагала, лавируя между глубоких луж.

Стечение обстоятельств или судьба?

Как только Елена Федоровна приблизилась к правому углу дома, сосулька рухнула вниз.

В это время любопытная консьержка вышла на улицу и увидела лежащую в талых водах женщину. Она заметалась, не соображая, как поступить: бежать к пострадавшей или сначала вызвать неотложку? Победило первое. Когда консьержка приблизилась к Елене Федоровне, та резко открыла глаза, как панночка в гоголевском «Вие», поводила глазами, как на приеме у невропатолога, затем сосредоточилась на подоспевшей помощи в виде консьержки.

- Вы кто? – поинтересовалась жительница двенадцатой квартиры, распластавшись в холодной жиже.

- Я... Валентина, почитай двадцать пять лет несу службу по охране дома! – бойко доложила она.

- Валентина, - повторила пострадавшая. – Нет, не помню. Я Вас первый раз вижу.

- Но как же, - продолжала настаивать та, - я за стеклом сижу, а Вы со мной каждый день здороваетесь.

- Я с Вами? – удивилась женщина, будто приветствие было чем – то из ряда вон выходящим: не в ее правилах здороваться с незнакомыми женщинами с длинным носом и крючковатыми руками.

- Со мной, - кивнула консьержка.

Диалог двух особ, находящихся в неравном положении со стороны вызывал недоумение: одна дама возлежала в талой воде в смеси со снегом и чувствовала себя комфортно, а другая, согнувшись, что – то доказывала и нервно потирала спину кулаком, намекая на явное неудобство. Наконец, лежащая дама решила сменить позу и с трудом села.

Консьержка принялась тащить ее за руку, помогая принять вертикальное положение.

- Что у Вас болит? – с заботой в голосе спросила Валя, поддерживая пострадавшую под локоток.

- В голове шумит, - доложила Елена Федоровна, прислушавшись к себе. – И уши заложило, как в самолете при наборе высоты.

Консьержка с умным видом закусила губу, выдавая работу мысли, что не заняло слишком много времени, и поставила диагноз.

- Сотрясение мозгов!

- Мозга, - на автомате поправила женщина и приложила рукой к голове, вернее к мохнатой шапке, которая спасла ее от неминуемой гибели от копыта – льдины. – И куда мне теперь идти? - задалась она вопросом, оглядываясь по сторонам.

- В больницу! – подсказала Валентина. – Надо сделать рентген.

- Нет, я хочу домой! - твердо заявила пострадавшая.

- Пойдемте, я Вас провожу, - услужливо предложила консьержка, не желая настаивать на госпитализации.

- А Вы знаете, где я живу? – дама с удивленным восхищением уставилась на помощницу, словно та была ясновидящей.

- В... в двенадцатой квартире, - пробормотала Валя, испытывая сомнения в своих знаниях. Потом кивнула в сторону серого здания, возле которого они стояли, и более уверенно сказала, - в этом доме.
- Великолепно, - порадовалась Елена Федоровна, - такой хороший дом. Мне повезло.
- Хороший, - согласилась «ясновидящая». – Вы мне рассказывали, что родились в нем. – В голосе чувствовалось напряжение. - И Вам, действительно, повезло, что сосулька пролетела по касательной к вашей голове.
- Я здесь родилась! – радость переполнила женщину, оттеснив сообщение о касательном полете ледяного убийцы. – А сколько мне лет и как меня зовут?
- Ну, Вам лет... - консержка замялась, не решив пока, называть истинный возраст или приуменьшить, чтобы не убивать правдой. – Немного... А зовут Вас Еленой Федоровной.
- У меня семья есть? Или я живу одна? – последний вопрос женщина произнесла с испугом.
- Есть! – с радостью в голосе поделилась знаниями Валя, будто семейное положение жительницы двенадцатой квартиры касалось ее лично. – У вас дочь, внук и замечательный зять! – Она попыталась сосредоточить внимание Елены Федоровны на зяте.
- Замечательный зять, - поддалась та на провокацию. – У нас были... хорошие отношения?
- Прекрасные! – с чувством заклочила Валентина. – Такие отношения бывают только у матери с единственным сыном!
- Тогда почему при слове «зять» у меня начинают чесаться руки?
- Это у вас повышен уровень сахара в крови, - выдала свою версию всезнающая консержка.
- У меня... сахарный диабет? – забилась в истерике женщина, несколько минут назад избежавшая смерти.
- Нет, что Вы, - попыталась успокоить ее Валя, - иногда на нервной почве подскакивает сахар, но быстро возвращается к норме. Если... взять себя в руки.
- Я готова!
- Что?
- Готова взять себя в руки!
- И это правильно, - поддержала начинание Валентина голосом последнего Генсека. Потом перешла на сюсюканье. – Сейчас мы пойдем домой, ляжем в кроватку, и будем отдыхать. А, может, все же вызвать неотложку, пусть голову просветят? – Она подняла голову, оценив остатки сосульки, - ну, надо же! И как она Вас не проткнула насквозь?! – По – доброму удивилась она.
- Елена Федоровна не прислушивалась к монологу женщины. Она думала о своем: надо ли ворошить прошлое и пытаться вернуть память? Что – то подсказывало, что в прошлой жизни было не все гладко. Теперь ей представилась уникальная возможность начать жизнь с чистого листа. Вероятно, раньше были и счастливые моменты, но их можно принести в жертву. Постепенно жизнь расставит все по своим местам. Она разберется, кто друг, кто враг, но заново, согласно возрастной мудрости. Принятое решение порадовало Елену Федоровну и успокоило...
- Вот так замерзшая снежная слеза одним ударом по голове вернула мир в дом Елены Федоровны...
- Переписывать не буду! – сразу заявил Аристарх, протягивая распечатанный рассказ другу.
- Тот углубился в чтение.
- Басня в прозе, - вздохнул Евлампий после прочтения. – Или поучительная история о том, как можно изменить отношение к человеку с помощью амнезии. Все описано досконально, даже мораль в конце повествования не забыта... Крылов, блин...

- Скорее Лессинг, - подсказал Ламбровский, - он тоже писал басни в прозе...
- Один черт, - простонал Бобик. – Но где здесь детектив?
- Могу предположить, что сосулька упала неслучайно, - с вызовом произнес Арик. – Кто-то притаился на крыше и выжидал, когда дама из двенадцатой квартиры выйдет из подъезда.
- И этот кто – то - зять Елены Федоровны, с которым у нее были сложные отношения! – с грустью в голосе догадался приятель.
- Что тебя не устраивает?
- Кандидатура убийцы ясна, как божий день.
- Я с тобой не согласен, - покачал головой Аристарх. – За свою долгую жизнь Елена Федоровна могла нажать себе немало врагов. У кого злопамять лучше, тот и убийца.
- Огласите весь список «доброжелателей»! – заплетающимся языком попросил Евлампий, подражая персонажу из старой комедии.
- Об этом пусть подумают члены детективного клуба и предложат свои версии! Особо интересные выводы редактор опубликует в газете и...
- И тогда их прочтет убийца, возьмет на вооружение, а последний день зимы уже к тому времени пройдет. Придется ждать следующего года! – со злостью высказался Бобик, будто по вине Ламбровского срывалось важное мероприятие.
- У нас в запасе есть пара недель, - попытался оправдаться Аристарх.
- Давай, дуй к редактору, не теряй драгоценное время.

Редактор тоже засомневался в соответствии рассказа детективному жанру, но Ламбровский привел те же доводы, что и Евлампию, и Синявский взял рассказ в печать.

- А ведь в этом что-то есть! - воскрился он, бегая по кабинету со скоростью болида Формулы1. Автор испугался, что прибавив газ, редактор может оторваться от земли, вернее от пола и приготовился ловить его за полы пиджака.
- Только рассказ должен быть напечатан в ближайшую среду! - настороженно–приказным тоном произнес Аристарх, намекая на неприятие отказа.
- Уверю вас, я сам заинтересован в этом, - успокоил его Максим Юльевич...

Поздним вечером последнего зимнего дня возле шестиэтажного дома на улице Чехова остановился шикарный авто, из него вышел крепкий мужчина, быстро преодолел расстояние до пассажирской двери, услужливо распахнул ее и протянул руку даме. Из салона вышла белокурая фея в длинной шубе и придерживаемая под руку своим кавалером была сопровождена до подъезда. Пара простилась долгим поцелуем, девушка, махнув рукой, удалилась, а мужчина решил покурить, прежде чем вернуться в свой автомобиль. Он полюбовался звездным небом, потом перевел взгляд на грешную землю. Днем под ногами чавкало и брызгало, а теперь каша превратилась в бугристый лед. Мужчина весь день провел в офисе, а затем в теплом салоне, и теперь ему захотелось соединиться с природой. Он наслаждался легким морозцем, предчувствием скорой весны, тишиной и безлюдьем. Вокруг никого не было, ни единой души! Будто он стал первым жителем планеты Земля. Мужчина осмотрелся и заметил на углу дома что-то темное, будто бросили ворох ненужного хлама. Владелец приличного авто заинтересовался. В другое время он бы сел в машину и умчался: у него было столько своих проблем, что проявлять любопытство к окружающей действительности, не затрагивающей лично его или его бизнес, не было ни сил, ни желания. Сейчас он изменил своим привычкам и двинулся к углу дома. Чем ближе он подходил, тем отчетливей проявлялись контуры лежащего на земле тела.

Это был еще молодой мужчина, достаточно упитанный, в приличном пальто. Сначала подошедшему показалось, что тот не рассчитал силы на увеселительном мероприятии, но после он пригляделся и понял: человек мертв... Вокруг его головы бугристый лед

успел окраситься в красный цвет. Рядом лежало орудие преступления - железный лом для колки льда – незаменимый помощник дворника в зимнее время.

- Против лома нет приема, - пролепетал мужчина, вытаскивая из кармана мобильный телефон...

Весть об убийстве Виталия Аленкина разлетелась по театру со скоростью тети Зины, именно, она была поставщиком информации всей театральной общественности.

- Вот тебе и амнезия, - обалдел от новости Бобик и опустил на свое место. Рядом замер Ламбровский, ожидая от приятеля слов успокоения, но тот уставился на пустое место трубача и молчал.

- Евлаша, - заискивающе начал Арик, - я не хотел...

- Ясный пень... Но убийство Виталика все же случилось, - тоном полицейского, задержавшего автора детективов на месте преступления заметил Евлампий.

- Все, я иду сдаваться! – решительно заявил Аристарх.

- Снова – здорова! И что ты там расскажешь?

- Как все было...

- Ты... странно выражаешься. – покосился на него Бобик. – Если бы мы не были сиамскими близнецами, я бы подумал, что ты сам претворяешь в жизнь свои рассказы, причем все проделываешь шиворот – навыворот, чтобы избежать наказания.

От такого заявления Ламбровский поехался.

- Это не я, - испуганно замотал он головой и обхватил себя руками за плечи.

– Расслабься! Глядя на тебя, любой поймет - на убийство ты не способен! – снизошел он до успокоения расстроенного друга, хотя, в голове засела упрямая мысль иного содержания: во-первых, внешность бывает обманчивой, а во-вторых, сам Евлампий не страдает бессонницей, разбудить его порой нелегко, даже методом встряски. А уж если в пищу подсыпать снотворное, то, вообще, пали из охотничьего ружья, он нипочем не проснется. Где вероятность, что приятель не покидал квартиру? И почему решил поселиться у него? О ссоре с родителями, Бобик знает от самого Аристарха. Но можно предположить, что ссоры не было, а явился он на постой к другу с далеко идущими намерениями: чтобы обеспечить себе алиби во время очередного убийства, совершенного по подсказке, почерпанной из рассказа.

- Спасибо за понимание, - между тем вздохнул горе – писатель, который не умел читать мысли. – Но что же делать?

- Думать! – высказал «неординарную» мысль Евлампий. – Не знаю, прислушаешься ли ты к моему мнению, но мне кажется...

- Не тяни кота за хвост! – поторопил друг.

- Не знаю, примешь ли ты во внимание...

- Евламп! Я тебя сейчас... укушу!

- Для начала надо пойти к редактору и все рассказать! – выдал Бобик, наконец, набравшись смелости.

- А вдруг... это он творит беспредел? – перешел на трагический шепот Аристарх. – Ему легче всего... проделывать такие фокусы. Он первый читатель, пока готовится верстка номера, он уже продумывает, как все переиначить - совершить преступление по моему рассказу, но шиворот – навыворот. Вспомни, это Максим Синявский предложил мне перейти от лирики к написанию детективов. Может он маньяк без воображения? Ему не хватает изобретательности, он хватается за чужую идею и быстро ее дорабатывает. Или его таланта не хватает и на доработку, недаром он образовал «Детективный клуб».

- Но он придумал этот клуб с другой целью: каждый желающий может выступить в роли частного детектива, который распутает описанное преступление.

- В последнем рассказе преступления не было. Случай с сосулькой можно рассматриваться двояко, по собственному желанию.

- А ты не подумал, что эти злодеяния творит не один человек? - вдруг предположил Евлампий. - В первом случае это маньяк, орудующий в парке поздним вечером, во втором - горничная или кухарка, а в третьем – теща. Но их объединяет одно – они читают газету «Пламя».
- Я так не думаю, - уверенно заявил Ламбровский. – Но начать нужно с редактора. Я пойду к нему, все расскажу и посмотрю на его реакцию.
- Неужели ты думаешь, что он начнет моментально каяться в своих грехах?
- Не знаю, но выдать себя может...

По дороге в редакцию газеты Ламбровский снова вернулся к личным переживаниям. Родители так и не звонили и не звали вернуться. Но обида перестала жечь внутренности, она напоминала о себе ноющей болью в груди. Наверное, там находится душа, - решил Аристарх, прикладывая руку к больному месту. Разрыв с родителями сделал его рассудительным. Раньше он совершал поступок и косился на мать с отцом, ожидая их реакции. Теперь он прежде думал, а потом действовал. Еще Аристарх стал проницательным и наблюдательным. Вон, как ловко раскусил Аленкина. Задумал Виталик каверзу и сам за это поплатился... Снова он перекладывает вину со своих плеч на другие. Надо искоренить в себе это!.. А если он когда – то жениться и заведет детей (глупое слово «заведет»), то никогда не будет властвовать над ними, даст им полную свободу, предварительно объяснив, что такое хорошо и что такое плохо, не забывая личным примером подтверждать сказанное...

По пути в кабинет Синявского Аристарх заглянул к Олеся Бондарь. Девушка обрадовалась, засуетилась, выставила на стол чашки, печенье... Наблюдательный Ламбровский заметил оживленную суетливость, встревожено - радостный взгляд и случайные прикосновения, результатом которых были пунцовые щеки и едва уловимые вздохи.

Неужели Олеся заинтересовалась мною? - подумал Арик.

Догадка его удивила, но не раздосадовала. Ему нравилось смущение и воздержанность в выражении чувств. Девушка не шла напролом, как Кашкина, она тихо любила, надеялась и ждала.

Неужели? Неужели она могла полюбить неуверенного в себе человека? – мысленно вопрошал Ламбровский, исподтишка поглядывая на девушку. – Полюбить неприкаянного человека, которого бросает из стороны в сторону, как легкий катерок во время шторма? Ладно бы он бросался и метался без последствий, а так... Что ни рассказ, то убийство. – Он незаметно покосился на Олеся, которая разливала по чашкам чай. – Если она сию минуту спросит, почему у меня такой расстроенный вид, то я в своих наблюдениях не ошибся.

Олеся села напротив Ламбровского, обхватила чашку двумя руками, пытаясь их согреть, внимательно посмотрела на писателя и сказала.

- Ты сегодня сам не свой... У тебя что – то случилось?

Аристарх поперхнулся печеньем. Фраза прозвучала иначе, но это дела не меняет, главное – она прочувствовала его! Догадалась о его внутреннем состоянии!

Он не удержался и рассказал о проблемах, которые мучили его.

Бондарь долго молчала, а потом сказала.

- Эти преступления совершает человек, который затаил на тебя обиду и решил таким образом свести с тобой счеты. Он нашел такой своеобразный способ мести.

- Но у меня нет врагов!

- Ты в этом уверен?

Ламбровский задумался. Он вспомнил обиды Евлампия на Кривошеева. Бобик таил в себе обиду много лет, припрятал в подвальчик памяти, а в нужный момент вытащил наружу. Может, в детстве Аристарх унизил кого-то? Или непреднамеренно обидел? Но что он мог сделать?..

- Олеся вырвала его из воспоминаний.
- Ты принес новый рассказ?
 - Нет, я пришел поговорить с Синявским.
 - По поводу странных совпадений? – напряженным голосом спросила девушка, испугавшись, что писатель откажется от сотрудничества с издательством и больше сюда не придет.
 - Я обязан предупредить его о последствиях, - уверенно произнес Ламбровский...

Разговор с редактором ничего нового не дал. Аристарх поделился сомнениями. Синявский удивился, но не более. Ни испуга на лице, ни тремора рук, ни дрожащего голоса – ничего этого не было, как не было ожидаемых признаний. Редактор предался недолгим размышлениям, а потом стал настаивать на продолжении сотрудничества, чем озадачил Ламбровского.

Теперь я запутался окончательно, - мысленно рассуждал Аристарх на обратном пути. – В Синявском я так и не разобрался. Если он и убийца, то расчетливый убийца с железными нервами. Любой нормальный человек испугался, услышав мои откровения, и попросил прекратить опыты, а он... Нет, я должен что – то предпринять и вывести убийцу на чистую воду...

Глава вторая.

Ва–банк или неоправданный риск

Я имею право на свои сомненья,
Я имею право на чужое мнение,
Я имею право на игру ва-банк!
Почему я делаю все совсем не так?
/ Е. Кудряшова /

2005 год.

Ксения Анатольевна Белкина слыла в своем НИИ карантина растений знающим специалистом. Уже в двадцать пять лет она стала кандидатом биологических наук, защитив диссертацию по австралийским желобчатым червцам или, проще говоря, ицериям. Эти насекомые, действительно, родились в Австралии, но к нам были завезены из Палестины в далеком 1927году. Ксюша с детства любила ухаживать за растениями и очень переживала, когда они гибли от паразитов. Поэтому дала себе слово, что будет бороться с ними всю жизнь. Уже в университете она сосредоточилась на ицериях - опасном вредителе цитрусовых. Эти пятимиллиметровые существа овальной формы красно– коричневого цвета таскали с собой белый мешок длиной двадцать пять миллиметров, или по – научному овисак, в котором откладывали до двух тысяч яиц. Ицерии облепляли растения и пили из них сок. Ксения решила бороться с такой несправедливостью. Она углубилась в изучение методов борьбы с вредителями. Темой ее диссертации стала биологическая борьба с ицериями, а, именно, борьба с помощью родолии. Это такой вид божьей коровки, который нападает на самок с мешками – овисаками и быстро с ними расправляется.

Уже пять лет Белкина носила ученую степень кандидата наук и не уставала бороться с вредителями. Ицерий она выбрала недаром. Ксюша обожала море, а эти австралийские червецы предпочитали цитрусы, инжир, гранат, в общем, все те фрукты, которые произрастали в Абхазии, Аджарии и Краснодарском Крае. Уже в мае личинки ицерий начинали пробуждаться от зимней спячки, и научный сотрудник института карантина

растений выезжала на поля битвы с вредителями, проверяя на практике новые методы. Про родолий Ксения давно забыла, перейдя на инсектициды. Она увлеклась новым направлением: сосредоточилась на самом растении, как на источнике отравления ищериц. Инсектициды поглощаются корнями и листьями, перемещаются по сосудистой системе и делают растение ядовитым для паразитирующих насекомых. Вот такой умницей-разумницей была Ксения Белкина – кандидат биологических наук. Но неординарный ум девушки отпугивал мужчин, несмотря на ее внешнюю привлекательность.

Первый раз она вышла замуж на четвертом курсе за своего однокурсника Вельветова. Ей так понравилась фамилия воздыхателя и его поклонение, что она, не раздумывая, согласилась на предложение руки и сердца. Но в последний момент решила не менять девичью фамилию. Внутреннее чутье подсказало этого не делать, а Ксения привыкла ему доверять. Через полгода пара рассталась. Жене не нравилась чрезмерная ревность супруга. Ладно бы к мужчинам, а то к паразитам-насекомым. Ксения все взвесила и выбрала паразитов.

После окончания университета она устроилась на работу в НИИ, лелея мечту о кандидатской степени. Про замужество она решила на время забыть. В лаборатории, куда взяли молодого специалиста, работали в основном женщины разных возрастов, но руководил ими мужчина – Матвей Михайлович Иволгин, настоящий ученый и фанат своего дела. Словосочетание «настоящий ученый», по мнению Ксении, подразумевало рассеянность, небрежность во внешнем облике, но не в работе, в которой должна прослеживаться самоотверженность, выражающаяся в круглосуточном посвящении себя науке. Рабство науке, и в этом нет сомнений, понятно близким людям, которые обязаны посвятить себя этому необыкновенному человеку, раствориться в нем. Девушка не заметила, как влюбилась в фанатичного руководителя. Может, не в самого Иволгина, а в его интерес к ней. Ранее таких отклонений от служения науке за ним никто не замечал. Все дамы удивлялись поведению начальника, который относился к женщинам, как к бесполом существам. При появлении новой сотрудницы руководитель стал приглаживать свои непослушные волосы, носить галстук, пусть и старомодный, приглашать ее на обед в институтское кафе, возомнил себя джентльменом и сам расплачивался за совместный обед. И это был прогресс, граничащий с недостойным поведением доктора наук. А однажды явился в лабораторию в отглаженных брюках и новом вызывающего вида молодежном свитере, а стоптанные башмаки сменил на модные туфли, которые не переставали блестеть по мере недельной носки.

Лабораторные гримзы были в шоке.

К вспыхнувшей любви начальника к младшему научному сотруднику добавилась общность взглядов. В итоге Ксения согласилась на посвящение и растворение себя в гениальном ученом, позабыв о своих желаниях и амбициях. Но ненадолго. Уже через год они расстались. Белкиной наскучило слушать идеи мужа, которые рождались со скоростью сапсана – самой быстрой птицы на земле. Сначала ей это нравилось, она ловила каждое слово с открытым ртом, пытаясь запомнить все умные мысли, чтобы на следующий день приступить к поискам подтверждений этой гипотезы. Но на следующий день потребность в поисках отпала, муж ставил перед женой и сотрудницами другие задачи, увлекая их новой теорией. Однако всему приходит конец. Сначала Белкина закрыла рот, затем перестала делать вид, что ловит каждое умное слово, а после открыла рот для того, чтобы произнести:

- Я от тебя ухожу!

Собрала пожитки и покинула Иволгина. Ушла не только из его квартиры, но и из его лаборатории.

Вернувшись в родной дом, и переселившись с пятого на третий этаж того же НИИ, она с головой ушла в написании диссертации...

В тридцати годах Ксения Белкина поняла, что наука в жизни женщины не главное. Ей захотелось быть счастливой. Так захотелось, просто ужас! Она провела визуальную ревизию научных мужей и сделала определенные выводы: будущий муж должен быть из другой сферы.

Ее мать осталась вдовой, когда дочь пошла в школу. Это была вторая потеря в их семье. О первой они старались не вспоминать. Когда Ксения поступила в университет, женщина посчитала свою миссию выполненной и выскочила замуж на жителя Австрии. Дочь часто бывала в гостях у матери и ее нового мужа, они каждый раз уговаривали бросить все и переехать к ним. Раньше Белкина не представляла, как можно поменять зеленый рай у моря, где она проводила по полгода, и родной город, где она жила и работала остальное время, на холодную Австрию. Теперь эта мысль засела у нее в голове.

Вот мама вышла замуж за австрийца и нисколько не жалеет! И вполне счастлива! - мысленно уговаривала она себя.

Однажды Белкина не выдержала и намекнула матери в телефонном разговоре, что согласна пожить у них не месяц, а несколько дольше. Та намек поняла и стала подыскивать жениха для дочери...

В голове играла скрипка, фальшиво и противно. Аристарх перевернулся на другой бок, а она продолжала играть. Он открыл глаза и посмотрел на часы. Стрелки были готовы соединиться, устремив копыя вверх.

- Ничего себе! – воскликнул он, и тут до него дошло, что звонят в дверь. Арик взглянул на Евлампия, мирно посапывающего на раскладушке. Тот на звуки не реагировал, лишь высунутая из одеяла нога странно подергивалась, как у умирающего таракана.

Ламбровский, нехотя, пошел открывать, набросив на себя халат Бобика, который больше напоминал удлиненный пиджак.

На пороге стояла красивая девушка с длинными каштановыми волосами и шоколадными глазами. Ее взгляд уткнулся в грудь Аристарха: она ожидала увидеть низкорослого Евлампия и сосредоточилась на определенном уровне. Оценив редкую растительность на неприкрытой груди незнакомца, она переметнулась чуть выше, и недоуменно уставилась на него.

- Вы кто?

- А Вы? – заинтересовался Арик.

- Я... соседка Лампика, - заявила она с неким удивлением, будто мужчина обязан был знать об этом, при этом указала пальцем в пол, что означало: она живет на втором этаже.

- Кого? – не понял он, стараясь запихнуть себя в халатик.

- Евлампия Бобика!

- Понятно, а я его друг – Ламбровский Аристарх.

- И тоже скрипач? – она произнесла это с таким уничижением, что молодой человек догадался - подобный вид деятельности не вызывает у нее уважения.

- Скрипач, - покачался Арик и задумчиво свел брови, будто сам удивлялся, как его занесло в клан скрипачей. Но лицо быстро разгладилось, когда он вспомнил о своем увлечении. –

А еще я... немного писатель.

- А что Вы делаете у Лампика, немного писатель? – с иронией в голосе спросила девушка.

- Живу...

- Один или с ним?

- Я не понимаю, какой вы вкладываете смысл... Я просто временно проживаю на его территории...

- Понятно, - скривила губы «соседка Лампика», растолковав по - своему заявление Ламбровского.

Аристарха мало заботило чужое мнение, но не сегодня. Ему захотелось все объяснить гостье, но она протиснулась мимо него, и внедрилась в квартиру Бобика. Хозяин

заспанными глазами взирал на девушку. Та оценила два спальных места и заметно повеселела.

- Лампик, хватит дрыхнуть, уже полдень! – громко сказала она и распахнула портьеры на окнах. В комнату сразу вошла осень - серая, туманная, мокрая.

- Ксюша, ты давно вернулась? – зевая, поинтересовался Евлампий, опуская приветствие.

- Уже две недели.

- Почему не заходила? – без особого интереса спросил он, не переставая давиться зевотой.

- Времени не было, - она покосилась на Аристарха, - я вас никогда не видела у Лампика.

- Ну, ты даешь! Арик у меня уже два года обитает! А вы уже познакомились?

- Меня зовут Ксения Белкина! – она улыбнулась и первой протянула руку.

- Аристарх Ламбровский! – сказал он и оторвался от халата, выставив на всеобщее обозрение нижнее белье. – Вы такой... - начала она, но дать определение молодому человеку не успела – ее опередил хозяин, решивший защитить ранимого приятеля.

- Хороший! – подсказал Евлампий.

- Нескладный, - не сдалась Белкина. Подобное определение не обидело Аристарха.

- Все гениальные люди немного... не в себе, - высказал собственную мысль Бобик, намекая на скрытые таланты Аристарха.

- Твой друг известный скрипач? – гостя обращалась к соседу, игнорируя гения, но не переставала коситься в его сторону.

Ламбровский чувствовал себя неуютно в этом кургузом халате рядом с Ксенией, на которой отлично сидела серая юбка – футляр длиной до колена и обтягивающая грудь красно – бордовая водолазка под горло. Легкий макияж освежал лицо. Она походила на розу, расцветшую на поле с сорняками.

Аристарх метнул взгляд на правую руку девушки и облегченно вздохнул, не заметив на безымянном пальце обручального кольца. Из головы вылетели прогулки с Олесей Бондарь, поцелуи при расставании, поглаживание тонкого запястья в темном зале кинотеатра, приглашение на концерты в их театр... Все было забыто... Он не слышал о чем говорит Ксения, лишь ловил ее скользкий взгляд, наслаждался ее милой улыбкой, мечтал о ее губах, тронутый перламутровой помадой, любовался жестикуляцией, которой она сопровождала свою речь. Когда девушка заводила руку под волосы, медленно вела ею, а потом резко высвобождала кисть из копны каштановых волос, у него перехватывало дыхание.

- Арик, вот это новость! – зычным голосом протрубил всегда тонкоголосый Евлампий.

Ламбровский догадался, что обращение адресовано ему, с большой неохотой оторвался от захватывающего зрелища, и с глупым видом человека, случайно вовлеченного в чужой разговор, уставился на друга. Бобик понял, что товарищ не «але», и попытался сгладить возникшую неловкость, разъяснив ситуацию. - Ксюша уезжает в Австрию и...

- Надолго? – прервал его Аристарх, которого мало интересовали цели поездки. Главное – девушка сейчас прихватит чемодан и уедет в другую страну.

- Как получится... Может навсегда.

Ламбровский понял, что сейчас совершит что-то ужасное. Может, начнет признаваться в любви с первого взгляда. Или упадет без чувств и снова покажет свое нижнее белье. Или еще хуже станет кричать и требовать, чтобы девушка не уезжала в эту противную Австрию!

Как всегда рядом оказался Евлампий Бобик. Он ухватил приятеля за локоть, будто тот был немощным и стал втолковывать, делая паузы между словами, чтобы до него лучше дошло.

- Ксения выходит замуж за австрийца. Ее мать тоже замужем за австрийцем и вполне счастлива.

- А ее бабушка? – заинтересовался Ламбровский, желая проследить личную жизнь Белкиных по женской линии.

- Бабушка? – задумался Евламп и повернулся к Ксении. Та отрицательно покачала головой. – Бабушка прожила всю жизнь в России, - медленно выговорил он, поглаживая друга по руке.

Пока Аристарх переваривал полученную информацию, Бобик снова вернулся к гостю.

- Я же тебе говорил, он гениальный, - пояснил он и постучал указательным пальцем у виска.

Белкина хмыкнула и тихо спросила.

- Это не опасно для окружающих?

- По-всякому бывает, - «успокоил» ее Бобик, но дальнейшие разъяснения опустил, не желал бередить едва зажившую рану друга.

- Она выходит замуж, - печально протянул Ламбровский, изучая собственные голые ступни.

- Не волнуйся, Арик, наша Ксюша уже пару раз была замужем, бог любит троицу! – сказал Евлампий, намекая на третью неудачную попытку замужества.

- Вдруг этот брак будет последним и на всю жизнь? – с детской обидой потребовал он ответа у Евлампия. Тот лишь скинул острые плечики вверх и медленно вернул назад, словно проделывал гимнастическое упражнение.

Только сейчас Аристарх заметил, что эти плечики спрятались под футболку, а худенькие нижние конечности облачились в спортивные штаны. Ламбровский с неудовольствием заметил на себе тот же кургузый халат – аля – легкомысленный пиджак, прихватил одежду, аккуратным комом сложенную на стуле и ретировался в ванную. Переодеваясь, он прислушивался к разговорам в комнате.

- Я не хочу продавать квартиру, - рассуждала Ксения, - вдруг моя семейная жизнь снова не заладится, тогда я смогу вернуться в Россию.

- Я не понимаю, почему женщине с ТАКОЙ внешностью нужно обязательно ехать в Австрию!?! Неужели выйти замуж на Родине это большая проблема? Оглянись вокруг и ты увидишь армию приличных молодых людей, достойных кандидата биологических наук.

Несмотря на плохую сообразительность, связанную с новым знакомством, Аристарх догадался: соседка Бобика имеет ученую степень! Догадка привела к унынию. Куда мне до нее, - невесело заключил он, но нить разговора постарался не упустить.

- Тем более, ты не можешь жить без своих цицерин! – продолжал уговаривать дипломатичный Евламп.

- Не цицерин, а ицерий, - поправила его Белкина без энтузиазма. Было понятно, что девушка не приняла окончательного решения и находится на распутье.

- Вот именно! - подхватился Бобик, будто поправка имела существенное значение. – Там, - он кивнул за окно, где должна находиться Австрия, - там этих ице – рий не будет! Там холодно! – Привел он веский аргумент. - И что ты будешь делать? Попытаешься развести смертоносных вредителей, чтобы провести научный эксперимент и узнать, как они лопают австрийские насаждения? Так тебя в два счета отправят домой как разработчика биологического оружия! Это в лучшем случае, а в худшем – посадят за решетку!

- Я не хочу больше заниматься наукой. Буду рожать детей. Мне уже четвертый десяток пошел.

Ламбровскому показалось, что кандидат наук находится на грани рева. Он решил на защиту.

- Евлаша, оставь девушку в покое, - осуждающе – спокойно, но внушительно попросил он, появляясь в комнате.

- Подслушивать нехорошо, - сдавленно произнесла Ксюша, зажимая нос, борясь примитивным образом со слезами.

- Я случайно... - попытался оправдаться Аристарх.

- Вот пример достойного мужчины для брака! – вдруг заявил Евлампий и протянул руку, подражая вождю мирового пролетариата.

Ламбровский при этих словах чуть не грохнулся оземь. Изменения на его лице не остались незамеченными приятелем, которого поразила зеленоватая бледность, как у молодой жабы, и хватающий воздух рот. Было похоже, что «жаба» решила перекусить. Бобик подошел к нему вплотную и внимательно изучил изменения. Лицо из зеленого превратилось в пунцовое, словно «жаба» застыдилась. Рот захлопнулся, как крышка шкатулки. Евлампий не на шутку перепугался и попытался успокоить впечатлительного Арика.

- Никто тебя насильно не тащит в ЗАГС! – сюсюкающим голосом сказал он, заботливо пригладил волосы на голове писателя и повернулся к Белкиной, забывшей про личные душевные терзания. Девушка с интересом наблюдала за «человеком-хамелеоном». – Ксюша, не думай, Аристарх вполне вменяемый, только закоренелый холостяк! Едва заведу речь о женщинах, как он бледнеет, краснеет, зеленеет, может даже в обморок бухнуться. Наверное, аллергия...

- На женщин? – спросила Ксения, решив все выяснить про странную болезнь закоренелого холостяка.

- На красивых. И умных. – задумчиво сказал Евлампий, будто сам сомневался в диагнозе. – Но, слава богу, таких... не очень много, - не к месту добавил он.

- Значит, я умная и красивая, - сделала вывод Белкина и радостно заулыбалась, словно слышала о высокой оценке своих внешних данных и уровне ума впервые.

- Неужели ты в этом сомневалась? – удивился Евлаша, незаметно ущипнув приятеля за руку, чтобы привести его в адекватное состояние. – А раз таких женщин «на вес золота», то я снова утверждаю - тебе не нужно покидать Родину! – В последнее слово он вложил столько грусти, что Ламбровскому захотелось пустить скупую мужскую слезу и трогательным голосом запеть: «С чего начинается Родина, с картинки в твоём букваре»...

- Может, мне уйти? – Ксения проигнорировала очередной призыв, оценивая замершего столбом Ламбровского, который медленно возвращался к людям: громко шмыгнул носом и что-то пробубнил себе под нос. Девушка уловила только «букварь». Она решила спросить, причем здесь букварь, но писатель ее опередил.

- Я нормально себя чувствую! – звонко произнес он, будто рапортовал перед строем, и неожиданно сделал несколько приседаний, вытянув перед собой руки, подтверждая действиями богатырское здоровье.

Белкиной стало не по себе, она почувствовала себя посетительницей закрытого лечебного учреждения для малоразвитых. Желание покинуть квартиру Бобика в частности и страну в целом возобладало.

- Мне пора, - пролепетала она и стала бочком двигаться по направлению к прихожей.

- Оставайтесь, - приказал Аристарх и перешел к игре бицепсами, согнув руки баранками.

Подхихикивание Евлампия добило ее окончательно, она включила скорость и вылетела на лестничную площадку. Уже там облегченно вздохнула и стала более спокойно спускаться по ступенькам.

Следом за ней просочился Бобик.

- Ксюша, подожди! Чего ты испугалась, я пошутил! И Арик пошутил!

- Шутники... престарелые, - отмахнулась от него Белкина.

- Почему престарелые? – удивился определению Евлампий.

- Потому! – привела веский довод Ксения.

- Ну, не обижайся, вернись к нам, посидим, выпьем кофейку, - просительным тоном завыл он.

- Пожалуйста, - вторила ему голова Ламбровского, показавшаяся в дверном проеме.

- Мальчишки, - вздохнула Белкина и повернула на сто восемьдесят градусов...

Ксюшка уезжает, а пока она не вернется, ты поживешь в ее квартире. – втолковывал Евлампий приятелю. – Денег платить не надо, только за коммунальные услуги.

- Думаешь, она вернется? – опустил все лишнее из его монолога Аристарх.

- Конечно вернется, а то я Белкину не знаю! Там же нет для нее работы, а без работы она закиснет. Пусть съездит в свою Австрию, отдохнет, покатается на лыжах, поругается с новым мужем и вернется.

Ламбровский уловил странные нотки в голосе друга. С уходом Ксении вернулась способность анализировать, наблюдать и понимать окружающих.

- Евлаша, ты... тебе она нравится?

- Нравится, - еле слышно сказал Бобик. Он засуетился, стал убирать со стола посуду и аккуратно складывать ее в раковину.

- Как она к тебе относится?

- По- соседски, - невесело усмехнулся приятель.

- Почему ты ей до сих не признался в своих чувствах?

- А ты? Ты ведь тоже запал на Ксению?

- Я... я с ней только что познакомился, - нашелся Арик.

- Ну, и что! Бывает, люди влюбляются с первого взгляда и сразу делают предложение.

- Я так не могу!

- Тогда не компостируй мозги девушкам, если в твои планы женитьба не входит.

- Кому я компостирую мозги? – не понял Ламбровский.

- Олесе своей!

- Мы с ней... дружим. И все.

- Это ты ей расскажи! Больно смотреть на девушку!

- Почему? – спросил непонятливый Аристарх.

- Ждет, ждет от тебя предложения руки и сердца или, хотя бы, косвенных признаний в любви, а ты ее по кинушкам водишь, как пятнадцатилетнюю девицу, и болтаешь на вольные темы.

- Что в этом плохого? – пожал плечами Ламбровский. – И, вообще, чего ты ко мне пристал!.. Жизни он меня учит! Себя поучи, трус несчастный!

- Я трус!?! – взвился Бобик.

Приятель подтверждать не стал.

- Когда уезжает Ксения? – поинтересовался он.

- Скоро! – выплюнул Евлампий.

- Прекрасно! Я с великой радостью перееду в ее квартиру! Надоел ты мне хуже горькой редьки! – Арик подскочил со стула, но с места не сдвинулся.

- Скатертью дорога! Мне надоело спать на раскладушке. – запищал приятель.

- А я тебе предлагал, давай я буду на ней спать! – более миролюбиво сказал Ламбровский.

- Спать ложился дядя Степа, ноги клал на табурет! - процедил сквозь зубы Бобик, окидывая сверху вниз долговязую фигуру друга.

- Извини меня, Евламп, я погорячился.

- И ты меня извини. Не знаю, что на меня нашло...

Через неделю Белкина улетала в Австрию. Бобик и Ламбровский провожали ее в аэропорту. Для Аристарха Ксения перешла из категории «дам сердца» в категорию «тайных возлюбленных друга». Арик нашел в себе силы потушить пожар в груди и заделался свахой. Он уговаривал Евлампия открыться Белкиной, но тот даже не упирался, молчал и вздыхал. Бобик с тоской поглядывал на девушку и не произносил ни звука. Ксения щебетала, ей поддакивал Ламбровский, Бобика будто бы не было.

- Евлаша, скажи что – нибудь, не молчи, - прошептал Аристарх, но тот лишь отвел потухший взгляд...

- Арик, я понял, что люблю ее, когда услышал о заграничном замужестве. Думал, что она мне просто нравится. По – детски. И не более. Мы не виделись по полгода, я даже не тосковал по ней. Вспоминал, но не мучился. Я знал, что в октябре она вернется. Ксюша

всегда звонила мне из своих командировок, мы часами разговаривали, мне нравилось слушать ее голос.

- Почему ты не признался ей, когда понял, как ты к ней относишься?

- Зачем? Что я могу ей дать? Бедный скрипач...

Друзья поменялись местами: теперь Аристарх уверял Евлампия, что Ксения скоро вернется, а Евлампий сомневался.

- Неизвестно, сколько ей понадобится времени, чтобы насытиться новым браком? Десять, двадцать? Я буду лысым противным старикашкой, а она останется такой же привлекательной и молодой.

Ламбровский думал, как помочь грустному приятелю?..

Два года, которые Аристарх квартировал у Бобика, ничего нового не внесли в их однообразную жизнь, кроме раскладушки и углубленных залысин Евлампия. Волосоуборочный комбайн снова приступил к работе, и это его беспокоило. Он надумал опередить уборочную технику и побриться наголо, но приятель его отговорил.

А еще писатель детективных рассказов перешел на сочинение сказок. Это вышло случайно.

Однажды он прочел в интернете, что проводится конкурс для начинающих писателей под названием «Снеговик». Время приближалось к Новому году, и всем желающим предоставлялась возможность сочинить новогоднюю сказку и выложить ее на указанный сайт.

Почему бы и нет? – подумал Аристарх и сочинил сказку, которая заняла третье место на конкурсе.

Его пригласили к сотрудничеству в детский журнал «Карандаш». Сказки легко рождались в голове. Ему понравилось возвращаться в детство.

Но мысленно он пребывал в недалеком прошлом...

За эти годы были раскрыты все три преступления, совершенные «по наводке» Ламбровского. За убийство Ольги Кашкиной осудили одного невменяемого парня двадцати трех лет отроду. Нашлись свидетели, которые якобы видели его в тот вечер в парке. Парень клялся и божился, что не убивал девушку, но никто его клятвам не внял – что может помнить шизофреник? Наличие заболевания подтвердило медицинское освидетельствование. По решению суда убийца был направлен в психиатрическую лечебницу.

В убийстве садовника Загорулько осудили кухарку, ее отпечатки нашли на орудии убийства. Для посторонних эти отпечатки не вызвали удивления: этим ножом женщина пользовалась на кухне. Других отпечатков на ноже не нашли. Правоохранительные органы поспешили отчитаться о поимке преступника, так как в деле фигурировало имя известного в городе человека.

Виталия Аленкина убил дворник, приехавший в Россию из Таджикистана. Когда утром после убийства полицейские с орудием преступления – ломом для колки льда – нагрянули к нему в дворницкую - полуподвальную каморку, расположенную в этом же здании, он испугался и попытался сбежать. Этот факт сыграл против него. Ко всему плохо говорящий по-русски таджик согласился, что лом принадлежит ему. Что стало основным доказательством его вины...

Ламбровский ходил на все заседания суда. И сделал один общий вывод: за совершенные преступления осуждены невинные люди...

Он ругал себя за трусость. Но что он мог рассказать? Что его рассказы претворяет в жизнь больной человек, который обижен на автора и пытается таким образом досадить ему? После таких заявлений можно оказаться в психушке вместе с осужденным по делу Кашкиной.

Единственно, что он мог сделать – дать себе слово, что не будет больше писать детективы и этим положит конец преступлениям. Но дать слово – это одно, а забыть обо

всем – это другое. Ламбровский не сомневался, что рано или поздно он вернется к «взрослому» сочинительству. Но с одной целью - вывести на чистую воду преступника. Не преступников, а одного человека, который совершил все три преступления. В этом Аристарх был уверен на сто процентов.

А пока он терпеливо копался в прошлом, вспоминая всех знакомых, начиная с детского сада. Недоразумения по дележке игрушек он сразу отмел, дерганье за косички в младших классах тоже. Больше всех он досадил своей преподавательнице музыки по классу скрипки - Зое Васильевне Демкиной. В те годы она казалась ему старухой, которой давно пора на покой. На самом деле женщине в ту пору едва стукнуло сорок. Сейчас к этой дате движется сам Ламбровский и считает себя довольно молодым мужчиной. Произведя в уме нехитрые расчеты, он сообразил: женщина под семьдесят лет едва ли совершит три преступления с приложением невиданной физической силы. Но на всякий случай решил ее навестить. Неизвестно, как Зоя Васильевна сохранилась, возможно, она не сильно изменилась за эти годы. Над одинокими женщинами, посвятившими всю жизнь любимой профессии, старость не властна.

Арик пришел в ту самую музыкальную школу, которую окончил много лет назад, и был удивлен и обрадован: Зоя Васильевна продолжала обучать детей игре на скрипке. Многие утверждают, что двоечников запоминают лучше, чем отличников. К Демкиной это не относилось. Она пыталась вспомнить ученика без применения оптических средств и с оными, нацепив старомодные очки на переносицу. Но в итоге лишь извинительно улыбнулась и развела руками.

- Вы хотите отдать своего ребенка в нашу музыкальную школу? – поинтересовалась она, не понимая причины визита бывшего ученика.

Ламбровский не стал докладывать о своей холостяцкой жизни.

- Просто проходил мимо и решил заглянуть, - пояснил он.

Это обстоятельство удивило Зою Васильевну: бывшие ученики своими посещениями не баловали. Они поговорили на общие темы и расстались без сожаления...

Как ни старался Аристарх выскрести из памяти недоброжелателей, но так и не смог. Все пути вели к редактору газеты «Пламя» Максиму Синявскому. Ламбровский пытался отделаться от навязчивой идеи, освободиться от гнета колоритной личности, и спокойно анализировать далее, перебирать всех друзей и недругов, но возвращался к Синявскому.

По ночам ему часто снился один и тот же сон: хрупкая фигура в темном трико карабкается по стене дома. Ночную тишину разрывает резкий звук, фигура в трико оборачивается, и... Аристарх видит сосредоточенное лицо Максима Синявского.

После отъезда Ксении Белкиной приятели впали в депрессию. Хмурые осенние дни близились к минимальной продолжительности и настроение не поднимали. Несмотря на приобретенную жилплощадь, Ламбровский привычно коротал вечера у Евлампия.

- Не знаю, что делать, - поделился как то Аристарх. – Сболтнул по глупости Олесе, что съехал от тебя и живу один, она быстро сообразила и стала намекать, чтобы я пригласил ее в гости.

- Скажи, что квартирная хозяйка запрещает приводить посторонних! – хмыкнул Бобик. Оба живо представили Ксению Белкину, в виде коменданта общежития - блюстительницы нравов, и печально улыбнулись.

- Ты тоже подумал о Ксюше? – спросил Ламбровский.

Евлампий не хотел произносить ее имя, чтобы не тревожить медленно затягивающую рану. Он перескочил на Олесю.

– Однако, твоя знакомая пошла в решительное наступление. Довольно ждать милостей от заторможенного парня, взять его в оборот – наша задача! - Перефразировал он известное изречение.

- Я не люблю... наступательных действий со стороны слабого пола! – испугался «жених».

- Пока дождешься от тебя признаний, можно на пенсию выйти. – заключил Бобик.

Было заметно, что Евлаша пребывает в своих невеселых думах, а разговор о личной жизни друга он поддерживает из уважения к нему.

- Что - то случилось? – догадался Ламбровский.

- Получил от Ксюши письмо по электронной почте... Она счастлива. - сказал он таким тоном, будто на самом деле девушка находится при смерти.

- Еще не вечер, - попытался успокоить его Аристарх. – Сколько она прожила в предыдущих браках?

- Я точно не помню, но кажется... в первом полгода, а во втором год.

- Значит, в этом браке она проживет полтора года! – со знающим видом заключил Ламбровский.

- Ничего себе! – возмущенно протянул Евламп. – Еще так долго ждать! – Он обхватил голову руками, потом переметнулся к контролю работы комбайна. – Пока она приедет, я точно облысею.

- Лысые мужчины выглядят так сексуально! – с восхищением произнес Арик.

- Много ты понимаешь в мужчинах! – усмехнулся Бобик. – Хотя, у тети Зины иное мнение.

- Она уже забыла о том инциденте в ее каморке.

- Ничего она не забыла, каждый раз с Пашей донимают меня полунамеками.

- А меня не трогают, - удивился Ламбровский.

- Они тебя побаиваются. Ты выглядишь... впечатляюще, не то, что я - кожа, да кости и ростом с ноготок. – Невесело вздохнул он. – Ни одна девушка не обратит на меня внимание!

- Одна обратила, да не дождалась признаний и укатила в другую страну.

- Ничего она не обратила! – разозлился Бобик. – Ты все придумываешь! Привык сочинять сказки и меня ими потчешь!

- Я заметил, как она на тебя смотрела, - высказался Аристарх.

- Как... смотрела? – поперхнулся он.

- Выжидающе! А ты, мужичок с ноготок, начал показывать на меня, как на подходящую ей кандидатуру.

- А ты впал в ступор...

- А ты понес околесицу...

Дружеская перебранка продолжалась недолго, потом Ламбровский спросил.

- Так что мне с Олесей делать?

- Ты у меня спрашиваешь? – возмутился Евлампий. – Сам разбирайся в своих чувствах.

- Нет никаких чувств, - тихо сказал Аристарх после непродолжительных раздумий. – Мне нравится с ней общаться, нравится ее тихое обожание и отсутствие напористости.

- Да, терпеливая девушка.

- Я даже представить себе боюсь, что кто – то будет рядом со мной двадцать четыре часа в сутки! - торопливо произнес Ламбровский.

- Значит, это не твоя суженая. Когда женщину любят по – настоящему, то не желают расставаться с ней ни на минуту. – трагическим шепотом заключил Бобик.

Они замолчали. Каждый думал о своем. Евлампий о Ксении Белкиной, Аристарх представлял некое неземное существо невероятной красоты, которое может завоевать его сердце. Только рисовалось оно сквозь синий туман. Он не мог создать собирательный образ, позаимствовав от каждой знакомой лучшие черты, чтобы получить на выходе идеал, который завоеует ее внимание и станет жить рядом. Бывает, когда в одной привлекают выразительные глаза, в другой - красивая форма ушных раковин или губ, у третьей – идеальная фигура и красивые ноги... Аристарх оценивал женщину в целом, заостря внимание на характере и уме. Конечно, Белкина была единственной женщиной, которая поразила его с первого взгляда, а Бондарь – единственной, которая не вызывала антипатии. Ксения была с трудом вырвана из сердца, а что делать с Олесей? Раз девушка

находится на границе превращения их тихони в завоевательницу, то лучше с ней расстаться.

Сразу вспомнилась Ольга Кашкина.

Мысли Ламбровского вернулись к решению задачи с одним неизвестным, который расправился с тремя невинными людьми. С какой целью он это сделал? Хотел доказать автору, что он бездарь и не нужно писать детективы? Тогда кандидатура Синявского отпадает. Он заинтересован в нем, как в писателе, больше других. Олеся рассказывала, что «Детективный клуб» прекратил свое существование, а сам редактор, узнав о дружбе Бондарь с Ламбровским, интересуется его планами, передает приветы и намекает на продолжение сотрудничества.

Значит, не Максим! Тогда кто? – мысленно задался он вопросом. Арик собирался ложиться спать, но воспоминания быстро взбудрили его. – Кому не нравится мое увлечение прозой? Кто заинтересован в том, чтобы я продолжал играть на скрипке? Дирижер? Да ему по барабану, сижу я на месте или отсутствую... Я не первая скрипка. И не вторая. И не Евлампий... Кто остается?.. Родители... Или неизвестный, преследующий иную цель. Ему все равно, чем я занимаюсь, ему надо мне доказать, что я не способен придумать увлекательный сюжет. Если это мой недоброжелатель, наблюдающий за моей никчемной жизнью со стороны, и тихо радующийся моей неприспособленности, то его поведение все объясняет. Он внезапно распознал мой талант писателя, причем раньше других, и постарался сделать все, чтобы этот талант похоронить. Он решил отбить у меня желание заниматься литературой. Ему нравилось, что я серая бездарная личность. Это он считал мщением за мои... грехи. В чем – то я перед ним провинился. Но в чем? И кто может быть надсмотрщиком за моей жизнью. – Аристарх поежился, окинув взглядом комнату. – Лучше я переключусь на родителей. Мать сразу отбрасываем, а отец... - Ламбровский снова вернулся к картине карабканья по отвесной стене дома Кривошеева. Фигура оборачивается на звук, и он видит... перекошенное злобой лицо отца. – А почему бы нет?! Он еще вполне ловок и худосочен, может подняться по стене и проникнуть в дом депутата даже через маленькую форточку. Загорулько он не знал, как не знал и Кривошеева, в комнате было темно. Отец рассказывал, что сам подкинул сослуживцам версию, будто за несколько дней до убийства в доме мог побывать посторонний человек под видом сантехника или еще кого – то и снять слепок с ключей. Что сие значит? Он уводил следствие в сторону или случайно обмолвился? С какой целью? И мог ли он сам быть этим посторонним человеком? Он много лет прослужил в милиции, даст фору любому преступнику... Интересно, есть ли у него связь с уголовным миром? Допустим, отец оказал услугу уголовному элементу, а тот посчитал своим долгом отплатить за нее. Каким образом? Можно предположить, что этот человек - специалист по вскрытию замков. Папахен его попросил, он легко вскрыл дверь особняка Кривошеева, не оставив следов взлома. Они квиты.

Роившиеся в голове мысли заставили Аристарха перейти к равномерному хождению по комнате. Он подошел к окну. Представшая картина ночной осени приводила к унынию, желанию лечь в постель и спрятаться под одеялом. Ламбровский не мог себе этого позволить. Пока голова работала на полную катушку, надо вытащить из нее еще несколько умных мыслей.

- В итоге мы имеем троих подозреваемых: Василий Ламбровский, Максим Синявский и Недоброжелатель. – подытожил он. - Следующий пункт – разоблачение! Как я могу заставить человека, совершившего три убийства, выдать себя?

Додумать о способах разоблачения он не успел. В подъезде с такой силой хлопнула входная дверь, что в квартире Арика звякнули чашки в сушильном шкафу. Дом, в котором жили Белкина и Бобик, был пенсионерским, здесь в основном жили люди преклонного возраста: от очень преклонного до начинающих – вышедших только что на заслуженный отдых. Главным аксакалом был дед Миша, сосед Евлампия. Несмотря на девяносто шесть лет, старик каждый день совершал походы по магазинам и на призывы

дочери к объединению отвечал резким отказом. В осенне–зимний период наступало затишье – жители во дворе не собирались и «политические» разговоры не вели. Уже с семи часов вечера дом погружался в спячку. В позднее время по подъезду никто не шнырял и дверями не хлопал. Потому-то сей факт заинтересовал Аристарха. За хлопаньем последовали быстрые шаги. Человек спускался с верхнего этажа. Лифт в пятиэтажном доме не предусматривался.

Ламбровский не отличался скоростным передвижением. Пока он дошел до двери, чтобы посмотреть в глазок и проконтролировать ситуацию, человек миновал его квартиру, шаги раздавались этажом ниже. Тогда любопытный писатель бросился к окну и успел заметить мужскую фигуру. Фигура засунула руки в карманы куртки, подняла повыше воротник, сделала два шага и сразу исчезла в пелене туманной сырости.

Аристарх забеспокоился. Натянул на себя джинсы и футболку, сунул ноги в кроссовки и решительно распахнул входную дверь. Повертел головой, прислушался, выскользнул, прикрыл дверь и стал на цыпочках подниматься на третий этаж.

На третьем этаже он понял значение выражения - «сердце ушло в пятки». При виде приоткрытой двери квартиры Бобика сердце сначала громко забилося, сотрясая грудную клетку, словно желало вырваться наружу, потом перешло к поиску другого выхода, посчитав, что он должен быть где – то внизу. Арик прижал ладони к груди, словно из последних сил удерживал сердце на положенном ему месте, успокоил ритм и на цыпочках приблизился к знакомой двери.

- Евлаша, - прошептал он дрожащим голосом сквозь приоткрытую щель. Тишина. Ламбровский решился и толкнул дверь. Она со страшным скрипом поехала в сторону. - Евлаша! – Перешел он на приглушенное взвизгивание.

Аристарх прислушался. Из ванны доносились звуки, похожие на пофыркивания. Он двинул на странный звук, резко дернул на себя ручку ванной, ожидая нападения, и сразу увидел приятеля.

- Сволочь! – неожиданно заявил Бобик, не поворачивая головы в сторону непрошенного гостя.

- Я? - брякнул гость.

Местоимение, произнесенное сдавленным голосом, не содержало в себе ничего, кроме удивления, но вызвало у хозяина животный испуг, сопровождаемый подпрыгиванием и одновременным разворотом в воздухе на сто восемьдесят градусов.

- Ты!? Что ты здесь делаешь? – задохнулся от возмущения Евлампий.

- Тебя пришел проведать...

- Я... что тяжелобольной? Хотя...

Только сейчас Ламбровский заметил заплывший глаз приятеля с багровым ореолом, который совсем скоро приобретет синеву.

- Тебя били? – взревел Арик, готовый мгновенно растерзать обидчика дорогого друга. – Кто это сделал?

- Я не знаю! – обескуражено протянул Бобик.

Решительность мстителя его одновременно удивила, порадовала и напугала. Таким Бобик Ламбровского еще не видел. Вспомнились слова известной песни: Все знают: в гневе я страшна...

Евлампий попятился и уперся в раковину. Дальше отступать было некуда.

- Не молчи, скажи, хоть, слово, - с нажимом попросил Ламбровский, потом увидел перепуганное жалкое одноглазое лицо друга, задумчиво взлохматил шевелюру каштановых волос и с тревогой сказал, - у тебя шок! Поэтому внезапно пропала речь! Только–только разговаривал и все...

Бобик испугался еще больше: заключение «все» его добило окончательно. Он широко открыл рот, демонстрируя прекрасную челюсть, и своим обычным тенором затянул.

- Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, люли...

- Закончим на люли, - обрубил лирический порыв на взлете Арик, – а то мы соседей разбудим. - Возмущение сменилось удовлетворенным замечанием. - И чего вдруг ты надумал петь?

Вопрос повис в воздухе влажной ванной. Покалеченное лицо приятеля выражало буксовавшую работу мысли.

Точно, шок, - мысленно решил Аристарх и принялся оценивать физические потери в целом, ощупывая тощее тельце друга. Никаких увечий, кроме подбитого глаза, он не нашел.

Сердце Ламбровского снова напомнило о себе, но на это раз нежным нытьем. Перед ним предстало жалкое зрелище – костлявая фигура в широких трусах до колен, торчащие в стороны редкие остатки волос, один глаз чрез меры округлен, на месте другого багровая опухоль с прорезью, тонкие ножки подрагивают, рот приоткрыт, изъясняя готовность к продолжению сольной арии. В результате Аристарх не сдержался и привлек к себе несчастного человечка, испытывая отеческие чувства.

- Иди сюда, мой мальчик, я тебя отведу в кроватку, приговаривал он при этом.

- Я сплю на диване, - напомнил «мальчик», высвободился из объятий, но позволил увести себя в комнату.

Арик заботливо уложил его на любимый диван, укутал в одеяло и пошел на кухню искать в холодильнике лед. Нашел, завернул его в тряпочку и приложил к подбитому глазу.

- Холодно, - капризным тоном пожаловался Евлампий.

- Терпи! Синяка не избежать, но снять опухоль возможно...

- Тоже мне, знаток! – хмыкнул Бобик. – Сам никогда не дрался, а туда же, учит избавляться от синяков...

- Я дрался, - неожиданно поделился Ламбровский.

Воспоминание о драке мигом вернуло его на много лет назад. Хотело вернуть, но Евламп не дал.

- Мне больно, - заныл он.

Ладно, потом вспомню, - решил Аристарх и вернулся к другу.

- Рассказывай, что произошло! – приказал он, заметив, что Бобик начинает симулировать.

- Пришел какой – то мужик и спросил тебя. Я говорю: Его нет. - А он: Где мне его найти?.. А вид у самого... бандитский. Ну, думаю, найдет Арика, точно, убьет. Поэтому не сдал тебя. Даже под пытками! – он прикрыл ладонью пострадавший глаз, а другим с хитринкой покосился на приятеля, ожидая похвал и благодарности.

Но Ламбровский был так ошарашен рассказом, что забыл поблагодарить и похвалить.

- Что за мужик? Ты его видел раньше?

- Не видел. Какой – то престарелый хулиган.

- Он немолод? Сказал, чего ему от меня нужно?

- Немолод, но и не стар, - пространно пояснил Евлампий. – Среднего роста, худой, жилистый, чувствуется в нем сила. – Он снова приложился к глазу. - Он все время твердил, что хочет тебя найти.

- И все?

- Когда мужик двинул мне по физиономии, я отлетел в тот угол, - Евлампий показал, в какой угол он совершил полет под действием удара, - а он сверкнул глазами и говорит: «Все из – за него!» Сказал и вышел из квартиры, шарахнув дверью.

- Так и сказал: «Все из-за него»?

- Угу.

- А вдруг это родственник кого-то из убитых? – неожиданно пришла мысль в голову Ламбровский. – Он тоже уловил связь между моими рассказами и преступлениями и решил, что я виновен в смерти близкого человека.

- И ждал несколько лет, чтобы поквитаться?

- Вел собственное расследование, которое вывело на меня...

- И что теперь делать?
- Чтобы отвести от себя подозрение, я должен найти убийцу!..

Когда друзья пришли днем в театр, то увидели в вестибюле одинокую фигуру, приткнувшуюся к подоконнику.

Бобик попытался спрятать долговязую фигуру Аристарха за своим тщедушным телом. При этом он начал пятиться, отставив в сторону движения собственный зад. Ламбровский задумки не понял, но автоматически подчинился натиску. Совершенно случайно мимо проходили тетя Зина и Павел, которые заинтересовались двусмысленным передвижением друзей.

- Глянь, Паш, что делается! Совсем обнаглели!

Приятель повернулся в их сторону, не сбавляя заднего хода. Их суровые взгляды напугали уборщицу и осветителя, и они поспешили ретироваться, сцепив руки.

- Это он, - скосив рот, прошептал Евлампий, продолжая выпихивать задом Ламбровского.

Реплика тети Зины не осталось незамеченной мужчиной у подоконника. Он оторвался с насиженного места и медленно двинулся к скрипачам, сверля их взглядом.

- Атае! – призвал к бегству Бобик и первым припустил в сторону входной двери, сменив походку рака на обычный человеческий бег. В последний момент он заметил, что Арик замешкался и из солидарности резко затормозил. – Арик! Беги! Это вчерашний мужик, который мне фингал под глазом поставил! - заверещал он.

Надо признать, что сегодня глаз начал смотреть на мир в расширенном изображении благодаря заботе приятеля.

- Евлаша, успокойся, это мой отец, - сказал Ламбровский, разглядев мужчину в приглушенном освещении фойе.

Василий Федорович приблизился к сыну и сдавленным голосом произнес.

- Мать умерла.

Больше не сказал ни слова, развернулся и двинулся к выходу. Аристарх, как привязанный, потащился за ним.

- Почему ты мне не позвонил? – спросил сын, поравнявшись с отцом на улице.
- Я не мог дозвониться.
- Я забыл сообщить, что у меня изменился номер мобильного.
- Ты забыл, что у тебя есть родители. Мать ждала, что ты вернешься или позвонишь, и не дождалась.

Аристарх не знал, как оправдаться. Сейчас было уже поздно что-то говорить. Он молчал и смотрел себе под ноги.

Ламбровский-старший резко остановился.

- Это ты виноват, что ее больше нет! Ты! – громким убийственным голосом закричал он на всю улицу, поворачиваясь к сыну. Прохожие стали огибать их по дуге. Их пугал странный взъерошенный мужчина с метавшими искры глазами. Отец схватил сына за лацканы куртки, и стал трясти. – Ты! Понимаешь, ты!
- А, может, ты? – спокойно–отрезвляющим тоном поинтересовался Арик.
- Что... ты имеешь в виду? – прохрипел мужчина, подавившись обвинением.
- Это ты выгнал меня из дома.
- А ты обиделся, ушел и забыл о людях, которые тебя воспитали! – обвинил отец, вложив в голос всю накопившуюся неприязнь. На него было больно смотреть, но жалости у сына он не вызывал.

Если бы у меня не было друга, куда я пошел в зимний морозный вечер? – со злостью вспомнил он. – А люди, воспитавшие меня, не беспокоились, где их воспитанник? Не замерз ли в сугробе? Они не тревожились, они спокойно спали в теплых постелях. Время шло, они жили и лелеяли свою обиду на бессовестного сына. Обида – вот главное, что ими владело. Или ненависть. Неужели можно возненавидеть собственного ребенка, если он не оправдал ваших надежд?.. И сейчас отец пришел не для того, чтобы поделиться

горем, а чтобы доказать, что я убил собственную мать своим безразличием. Может, убийство совершил не я, а Василий Федорович Ламбровский?.. Он решил признаться жене в убийстве трех человек, та сначала не поверила, но он привел неопровержимые доказательства, в результате сердце жены не выдержало...

Сын внимательно посмотрел на отца, словно выискивал доказательства его вины. Спокойствие Арика подействовало на Василия Федоровича, как таблетка валерианы. Мужчина устало провел рукой по лицу, словно снимал маску зверя.

- Пойдем домой. – в голосе не было обычных командных ноток. Он просил сына и тот внял просьбе...

На следующий день мать похоронили. У ее гроба Аристарх мысленно умолял о прощении.

Они стояли с отцом плечом к плечу, но были разделены непониманием, которое существовало всегда, а сейчас выросло до гигантских размеров. Смерть матери и жены их не сблизил.

Сзади стоял Евлампий. Его молчаливую поддержку Арик ощущал спиной.

На поминальном столе стояли заготовленные матерью соленья. Сын непонимающе уставился на тарелку с помидорами с прилипшими к ним веточками укропа. Так и просидел, не отрываясь, словно через них искал связь с матерью.

Отец просил сына остаться, но тот лишь покачал головой и вышел вслед за другом. Но быстро вернулся.

- Пап, ответь мне честно: ты не убивал?

- Кого? – не понял Василий Федорович. – Мать...хм... от сердечного приступа скончалась...

- Я говорю о тех людях, которые погибли после опубликования в газете моего рассказа. – монотонным голосом пояснил Аристарх.

Он ждал возмущений, оскорблений, ударов кулаком в глаз, но отец не сделал ничего из вышеперечисленного. Он опустил на стул, провел ладонью по скатерти и тихо сказал.

- Это не я. Клянусь памятью моей Варвары...

Круг подозреваемых сужается, - мысленно успокоил себя Аристарх, вернувшись домой.

- Завтра же пойду в редакцию газеты «Пламя» и поговорю с Синявским...

Скрипач сказал, скрипач сделал...

Уже утром Ламбровский сидел в кабинете главного редактор и рассказывал о сказках, которые сочинял на протяжении двух последних лет. Максим Юльевич пока не вставил ни слова, только в глазах отразился некорректный вопрос: Если у тебя, милый друг, все так хорошо, то какого рожна ты приперся и занимаешь мое драгоценное время? Когда источник вдохновения перекрыли, Арик замолчал, ожидая комментариев. Они не последовали. Поэтому ему пришлось выложить причину прихода.

- Я... хочу снова писать детективы.

При этом заявлении редактор встрепенулся, причем излишне резво, свалив со стола чашку, разлетевшуюся на осколки.

- Наконец! – совершенно счастливым тоном произнес Синявский, будто дождался от официанта желаемого блюда, которое заказал два часа назад. – Мы продолжаем сотрудничество! – Не хватало только громогласного «Ура». - Думаю, наши читатели будут рады возобновлению работы «Детективного клуба».

Эмоции редактора лились через край, накрывая писателя с головой.

Аристарх сделал неприятный для себя вывод: сидящий напротив мужчина реагирует на его заявление слишком бурно, подтверждая тем самым его подозрения.

- Значит, я продолжаю писать в той же манере? – ухватился за соломинку Ламбровский, желая найти опровержение своей догадке.

- Думаю, да!

- Вы... не боитесь последствий...

- Вы про те убийства? – легкомысленным тоном спросил Максим Юльевич, хотя, в глазах мелькнул испуг. Аристарх кивнув, насупив брови: ему не нравилось напускное бессердечие. – Но Вы же не следили за сводкой преступлений за прошедшие годы! И не сравнивали их с напечатанными в нашей газете рассказами. Могу Вас заверить, что ни один автор не говорил мне о совпадениях, хотя, в городе каждый день кого – то убивают.

- Но никто из авторов детективного жанра, публикующих свои рассказы в Вашей газете, не писал о знакомых людях, как я. Поэтому они не знают, действовал преступник по их указке или нет.

Синявский покосился на Аристарха. Желание указать ему на дверь не перевесило желания сотрудничества.

- Напишите детектив, в котором главными действующими лицами, будут совершенно незнакомые Вам люди. – нашелся он.

Такое предложение Ламбровский уже слышал несколько лет назад от своего друга Евлампия Бобика. В ответ писатель пообещал подумать и удалился, обходя стороной кабинет Олеси Бондарь.

С тех пор, как Аристарх познакомился с Ксенией Белкиной, встречи с Олесей стали редкими, а потом прекратились совсем. Бондарь часто звонила Ламбровскому, рассказывала о новинках кинорынка, словно это было основной причиной звонка, а она сама не журналистка местной газеты, а ведущая «Индустрии кино» на канале «Вести 24». Арик намеков «не понимал», ссылаясь на занятость. О смерти матери он ей не рассказал. Скорее всего, боялся, что девушка примчится и начнет изображать «мать Терезу». Сейчас он должен погрузиться в обдумывание нового сюжета, который послужит толчком для убийцы. Он выйдет на охоту за очередной жертвой, и попадет в расставленные сети Ламбровского.

Аристарх был уверен в своей победе и в поражении сильного противника...

Семья Петровых дождалась рождения сына, когда обоим родителям стукнуло по сорок, а старшим девочкам уже было по восемнадцать и двадцать лет. Ангелине – восемнадцать, а Анастасии – двадцать. Девушки без особой радости приняли нового члена семьи, которого было решено назвать Андреем.

Если сказать, что малыш был беспокойным, то это будет чересчур мягким определением. Он орал целыми днями, немолодые родители заволновались и стали таскать сына по врачам, желая выяснить причину беспокойного поведения сына. Специалисты обследовали кроху, но ничего не обнаружили. Ребенок продолжал кричать.

Настя и Лина нашли повод покинуть отчий кров – они выскочили замуж. Мать с отцом не возражали, после ухода дочерей все внимание сосредоточили на Андрюше. Когда мальчику исполнился год, он перестал оглашать округу громким криком и перешел на нерадостное созерцание. Он не по-детски взирал на мир излишне серьезными карими глазами, не забывая выражать несогласие с этим миром привычным способом, хотя, к тому моменту научился произносить несколько слов. Когда Андрей начал складывать слова в короткое предложение, то родители приняли это за сверходаренность. Они со слезами на глазах смотрели на чадо и с придыханьем говорили: «Ге-ний!» Именно, так – разделяя короткое слово на слоги. Притом повторяли так часто, что ребенок начал откликаться на него, приняв за собственное имя. Андрей, действительно, несколько опережал сверстников в развитии, но не более того. В детский сад гениального ребенка, естественно, никто не отдал. Мать пожертвовала работой и всю себя отдала ребенку. Она таскала сына по репетиторам, секциям и кружкам. С трех лет он начал учиться живописи, с пяти – английскому языку и фигурному катанию, в шесть был отправлен в музыкальную школу по классу фортепьяно, а в семь пошел в школу с математическим уклоном.

Родители ожидали от учителей хвалебных речей в адрес сына, но те воздерживались: таких «вундеркиндов» в классе было несколько человек, причем в их ряду Андрей не стоял на первом месте. Обращение «гений» стало забываться, а с годами для мальчика стало обидным прозвищем. На родительских собраниях Петровы старались донести до педагогического состава, что в их школе учится ребенок с неординарными способностями, на что те реагировали по – разному: некоторые отмалчивались, а другие взяли на себя смелость оспаривать сей факт. В общем, история стала анекдотической и вышла за пределы класса, а потом и школы. Кличка «Гений» прилипла к Андрею Петрову...

Учителям наскучило выслушивать родителей, они объединились в одну команду и решили доказать обратное: они с особым усердием опрашивали ученика Петрова по всем предметам, стараясь занижить оценку. Но Андрюша всегда был готов к уроку. И не просто готов по школьной программе, но иногда поражал своими знаниями сверх программы. Учителя брали на вооружение полученные в процессе урока знания от ученика, чтобы донести до учащихся других классов. Но желание «макнуть» Петрова жило в преподавательских массах, поэтому Андрей никогда не расслаблялся.

В выпускном классе он знал, что будет поступать на экономический факультет университета. Родители видели его на посту Министра финансов, не меньше. Они предложили сыну нанять репетитора, но тот отказался, будучи совершенно уверенным в своих силах.

Если напротив твоей фамилии стоит невидимая галочка, которая свидетельствует о том, что за твоей спиной маячит поддержка влиятельного лица, то ты можешь быть спокоен: студенческий билет в твоём кармане. В противном случае поступление на престижный факультет закончится трагедией.

Для Андрея Петрова попытка поступления закончилась неудачей, он понадеялся на свои собственные силы и не заручился поддержкой влиятельного лица. Это был первый «щелчок по носу» круглому отличнику. Как золотой медалист Андрей сдавал всего один экзамен, но за него надо было получить пятерку, а он получил четверку. Парень смотрел на угловатую оценку в экзаменационном листе и не понимал, чей это лист. За все школьные годы он таких «поломанных стульчиков» не видел. Радостные улыбки стерлись с лиц родителей, когда из дверей показался их бледный сын...

Отец предложил обратиться в апелляционную комиссию, мать обрушила проклятья на голову преподавателя, завалившего ее гениального мальчика. Мальчик поразмыслил и отговорил родителей спорить с приемной комиссией и тратить на это здоровье и время. Он сказал, что будет поступать на следующий год, но мать напомнила, что уже осенью его могут призвать в Армию. Андрей не хотел терять два года, поэтому решил стать студентом любого ВУЗа, проучиться в нем год и предпринять еще одну попытку следующим летом.

Однако в начале девяностых годов вступительные экзамены в институты шли в один прием, затем провалившиеся абитуриенты могли поступать только на вечернее или заочное отделения. Отец предложил любое на выбор, в надежде, что в зимнюю сессию освободиться место на дневном. Андрей задумался. Разговор происходил сразу после провала. Они еще не успели отойти от здания, где проходили вступительные экзамены. Молодой человек покосился на строение и вдруг заявил, что на следующий год поедет поступать в Московский Государственный Университет. Сказал и удивился, что не пришел к этой мысли месяц назад. Матери затея не понравилась, она напомнила, что еще не все потеряно, надо сдать оставшиеся экзамены. Сын удивился ее наивности и заявил, что не переступит порога учебного заведения, где не заинтересованы в знающих студентах.

- Им не повезло! – заключил Андре с самодовольной улыбкой, - на стене здания этого университета не будет мемориальной таблицы с надписью: с такого–то по такой–то год здесь учился ученый с мировым именем Петров Андрей Иванович.

Родители переглянулись. Первый раз в жизни в их души закралось сомнение в правильности воспитания сына...

Обида на весь мир длилась месяц. Андрей лежал на диване в своей комнате и спрашивал у потолка, почему вокруг царит такая несправедливость? Потолок намекал, что скоро начнется белая полоса, главное – переждать. Ожидание привело к тому, что вступительные экзамены во всех ВУЗах благополучно завершились. Петров–младший везде опоздал и может готовиться к службе в рядах Вооруженных Сил. Обида плавно перешла в депрессию и апатию. К решению проблемы подключились сестры и их мужья. Была добыта информация, что в городе открывается первый коммерческий институт, но пока с одним факультетом журналистики. Новость заинтересовала Андрея и заставила подняться с дивана. Молодой человек уже представлял себя «в телевизоре» с микрофоном в руке на главном канале страны.

- Здорово! – заявил будущий специальный корреспондент.

Родственники радостно приняли согласие, одни украдкой прослезились, другие пожали руку потенциальному студенту коммерческого института, и хором выразили согласие платить за обучение мальчика. Мальчик, к которому через два месяца должно постучаться совершеннолетие, милостиво согласился...

Через год он забыл, что хотел стать экономистом, процесс обучения на факультете журналистики увлек его. Родственники только порадовались, что не придется расставаться с Андреем, который еще недавно мечтал об учебе в столичном ВУЗе. И заплатили за все оставшиеся годы обучения, таким образом отрезав пути к отступлению. Петров–младший и не собирался отступать, напротив, параллельно с обучением он устроился на работу в местную газету, где писал статьи на экономические темы, считая себя специалистом в этой области. Он то ругал, то хвалил действия Гайдара, только что назначенного Ельциным и утвержденным Верховным Советом Российской Федерации Председателем правительства. Ругать всех и вся в то время было модным, поэтому хвалебные статьи о непопулярном Председателе правительства редактор подписывал, скрипя зубами. В случае запрета новый сотрудник газеты мог перебраться к конкурентам, а руководство могло потерять ценного работника, который после окончания института должен влиться в их дружные ряды. Андрей Петров объяснял в своих статьях смысл либерализации цен, за которой обязательно следует «шоковая терапия», рассказывал о приватизации, способной превратить простого труженика во владельца собственного предприятия, пусть не единоличного владельца, скупившего контрольный пакет акций, а в составе трудового коллектива. Читатели газеты благодарили Петрова за «кликбез», задавали вопросы, на которые тот с удовольствием отвечал.

Пока ему это не наскучило.

Андрею стало тесно в рамках заштатной газетенки, но вырваться у него пока не было возможности: он не закончил обучение и не оброс связями в нужных кругах.

С приходом Черномырдина страна перестала подвергаться шоковой терапии, и у молодого журналиста совсем пропал интерес к экономической жизни России.

На последнем курсе студентов выпустили в «свободное плавание». Они посещали институт пару раз в неделю, остальное время пробовали себя в будущей профессии. Андрей Петров мог сосредоточиться на обдумывании будущего...

Через год Петров получил очередной сюрприз в виде оплеухи. Если первый раз это был «щелчок по носу», то теперь хорошая чувствительная оплеуха.

А все так хорошо начиналось...

Однажды Андрей зашел пообедать в кафе «Анна», которое располагалось в одном квартале от редакции. Кафе было уютным и немногочисленным - цены здесь были выше, чем у конкурентов. Но Петров накропал в своей газете небольшую статейку об этом кафе. Реклама позволила получить скидку на обеды. Очередь у дверей «Анны» не стояла, но образовался круг постоянных обеспеченных клиентов, проводивших в кафе

деловые переговоры или неформальные встречи с чужими женами. Высокие перегородки между столиками позволяли посетителям сохранять свое инкогнито. От общего зала своеобразный кабинет отгораживался своеобразной ширмой - деревянные плоские кружочки были нанизаны на веревку. Ширма создавала иллюзию закрытости, позволяла уединившимся людям расслабиться и даже перейти границы вседозволенности. В разумных пределах. Это были места для VIP-персон.

Петров к таким персонам не относился и обедал на «демократической» стороне зала, где столы были собраны в дружные ряды.

Официант по имени Ник задал привычный вопрос.

- Вам, Андрей Иванович, как обычно?

И получил привычный ответ.

- Как обычно, Ник.

Естественно, Ник носил нормальное мужское имя Николай или просто Коля, но в таком заведении все должно быть из ряда вон. Почему превращение Коли в Ника считалось из ряда вон, Петров не придумал. Хотел сегодня заняться решением этой несложной задачи, чтобы «убить время», но официант быстро вернулся, склонился в вежливом поклоне и тихо произнес.

- Андрей Иванович, пройдите, пожалуйста, вон в ту кабинку. Вас ждут. – и протянул руку в правую сторону, указывая, куда должен проследовать посетитель.

Через «подвижное» прикрытие Андрей с трудом рассмотрел одинокую фигуру хозяина заведения. До сего момента Петров не удостаивался чести быть представленным этому господину бандитской внешности, все предыдущие переговоры он вел с наемным директором «Анны». Но журналистское любопытство заставило навести справки о хозяине. Так Андрей узнал, что кафе названо в честь его любовницы, а самого хозяина зовут Минин Афанасий Лукич, больше известный в криминальных кругах, как Мина. Кличка была дана не как производная от фамилии, а как намек на взрывной характер мужчины. До Петрова доходили слухи, что в последнее время Минин занят сбором доказательств, что известный национальный герой семнадцатого века является его далеким предком. Он не поленился, посетил столицу и сфотографировался у памятника Минину и Пожарскому на Красной Площади, словно это было доказательством, что прапра... прадед Кузьма признал родню. Изображение размером метр на метр теперь висело на видном месте в кафе «Анна».

- Знай, всяк сюда входящий, с кем имеешь дело, - бубнил себе под нос Петров, каждый раз переступая порог заведения.

Сейчас он испытал страх. Первый раз в своей жизни. Мысленно обругав себя за несдержанность в словах, которые могли достичь ушей Минина, он откинул деревяшки и просунул физиономию внутрь кабинета, изобразив крайнюю степень радости от долгожданной встречи.

- Здрости, - пролепетал он.

- Здоров, заходи, присаживайся, - властно произнес хозяин, - крепкий мужчина с бычьей шеей, в малиновом пиджаке, черной водолазке и с огромной золотой цепью на груди.

Наверное, по этой цепи ходил кот- ученый, - некстати мелькнула мысль в голове журналиста. Благодушный настрой Минина немного его успокоил. Но он призвал себя не расслабляться и бочком протиснулся к столу.

– Отобедаем?! – то ли предложил, то ли приказал Афанасий Лукич.

Андрей ничего не оставалось, как кивнуть.

Когда обед подошел к концу, Минин, наконец, заговорил о деле.

- Слушай, журналист...

- Меня зовут Андрей, - набрался храбрости Петров после выпитой водки. Визави хмыкнул.

- Андрей, - с грозным видом повторил он. Помолчал и снова. - Значит, Андрей? – Ожидая опровержения или подтверждения. При этом он так побагровел, словно от ответа

зависело, схватит его удар или на этот раз посчастливиться выжить. Журналист дерзко кивнул. – Ладно... - С сочувствием в голосе сказал Минин. – Дело у меня к тебе, Андрей... - Петров подобрался, выражая наивысшую степень заинтересованности... - ...А не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира, - с задумчивым видом заявил журналист, выслушав монолог Минина.

- Че? Какого еще Шекспира? Я тебе полчаса втолковывал...

- Извините, Афанасий Лукич, ляпнул невпопад, - опомнился Петров. Он слишком поздно догадался, что его собеседник слишком далек от советского кинематографа.

- А ты не ляпай... - незлобно пожурил его потомок Кузьмы. – Так что ты мне на все это скажешь?

- Надо подумать, - обтекаемо произнес Андрей.

- Ты соглашайся, я ж не за просто так прошу... Мина добро помнит...

Лучше бы забыл, - про себя взмолился журналист и уткнулся взглядом в стол. Афанасий принял задумчивость за ожидание и назвал цену за услугу, которая заставила глаза журналиста округлиться. Он несколько раз моргнул, думая, что собеседник исчезнет на третьем моргании, затем незаметно ущипнул себя за кисть, проверяя сон это или явь. Таких денег Петров не держал в руках за всю свою жизнь. Поэтому, не долго думая, согласился...

Минин попросил журналиста переключиться на будущие выборы на пост губернатора. Андрей должен писать критические статьи о нынешнем руководителе области и хвалебные - об Афанасии Минине, который выдвинул свою кандидатуру на предстоящих выборах.

Хорошо, хоть, не владычицей морской, - облегченно вздохнул Петров и взялся за работу.

За деньги можно назвать черное белым, а белое черным. Замарать чистюлю и обелить грязнулю.

А за большие деньги можно так очернить непроверенными фактами, что человек не отмоется. Никогда... Причем, чем эти факты невероятнее, тем легче народ берет их на веру...

И покатила волна публикаций, клеймящих позором губернатора и превозносящих до небес Минина Афанасия Лукича. Многие догадались, «откуда ветер дует», поняли, что кормушка бездонна и подключились к добычи компромата на существующего губернатора.

В итоге Минин «поставил на довольствие» всю редакцию газеты, которая превратилась в его личный орган гласности.

Только Петров начал жить «на широкую ногу», как предвыборная компания кандидата в губернаторы, имеющего криминальное прошлое, забуксовала. Негативные нападки на нынешнего губернатора остались без внимания общественности. Но активный «борец за справедливость» - Андрей Петров – этим фактом не обеспокоился. Он продолжал упорно «поливать ушатами помоев» руководство области, не догадываясь, что пора притормозить и выждать. В других изданиях стали появляться статьи, где известные в городе журналисты позволяли себе нелюбезные высказывания в адрес своего коллеги. Сначала это были лишь намеки, а потом и прямые заявления: Журналист Петров продался известному криминальному авторитету и за деньги, нажитые на... крови, пишет на страницах известной газеты несуществующие факты из жизни губернатора. Последним ударом стала фотография в одном уважаемом издании, где Минин, сидя в компании журналиста за столиком кафе, передает ему конверт с деньгами. Под фотографией была подпись: Грязные деньги в руках грязных людей...

Редакция газеты поспешила откеститься от журналиста, быстро уволила его за профессиональную непригодность, забыв о «благодетеле».

Андрей потерял не только работу, он потерял родителей, которые не вынесли удара и один за другим ушли из жизни...

Из всего произошедшего Петров сделал вывод: алчность – это плохо.

Еще один вывод пришел позднее: он не гений, а обычный человек с пороками. И этому порочному человеку будет трудно отделаться от клейма продажного журналиста.

Как обычный человек Андрей решил вести обычную неприметную жизнь и перебрался в другой город. Перед отъездом он покаялся перед сестрами, те простили и пожелали начать новую жизнь...

Он начал новую жизнь другим человеком, взяв журналистский псевдоним. Это не дань моде, а возможность защитить себя от неприятных воспоминаний и напоминаний...

Аристарх Ламбровский решил идти ва-банк. Пусть Бобик считает желание написать рассказ, в котором будет фигурировать сам писатель, неоправданным риском. Другого пути тот не видит. Арик обязан поймать преступника «на живца». Кандидатура «живца» была не обсуждаемой. Подставить другого человека он не имел права.

В сорок втором году в город пришли фашисты. Зеленый тихий городок в один миг превратился в серый и тревожный. По улицам ползли танки, самые отважные жители прильнули к окнам, остальные попрятались по подвалам. В городе началась другая жизнь, с другими порядками и постоянным страхом за свою жизнь и жизнь своих близких. Существование и выживание...

Однажды ночью Соломею разбудил громкий стук в окно. Стекла дребезжали, вместе с ними тряслась девушка. Она осторожно приблизилась к окну и отодвинула занавеску. Во дворе стоял полицай с двумя приспешниками.

- Быстро на площадь! – приказал он и махнул автоматом, зажатым в руке, в сторону главной площади городка.

Троица отправилась к следующему дому, а девушка стала спешно собираться.

- Дочка, уходи в лес к партизанам! – приказала ей разбуженная мать, – проберешься задними дворами, никто тебя не заметит.

- А что будет с тобой?

- Не думай обо мне, я свое пожила.

Соломея посмотрела на мать: всего за один месяц сорокапятилетняя женщина превратилась в старуху.

- Нет, мама, я пойду на площадь! А ты останешься дома! – решительно заявила девушка.

Мать собрала нехитрые пожитки, сунула ей в руки узелок, крепко расцеловала и тихонько перекрестила дочь-комсомолку, когда та повернулась спиной. Сердце матери разрывалось. Давно не было вестей с фронта от мужа и сына, теперь в неизвестность уходит дочь...

На площади всех собравшихся жителей под прицелами автоматов посадили в грузовики и доставили на железнодорожную станцию. Погрузили в эшелоны, и начался долгий путь в Германию.

С этого времени советские люди превратились в рабов третьего рейха.

Сначала Соломея попала в принудительный лагерь, где сортировали оstarбайтеров. Представители компаний – работодателей отбирали для себя будущих работников.

Сосланные в Германию из разных стран трудились на крупных военных заводах.

Девушка попала в город Дюссельдорф, в Хольтхаузен – главное предприятие фирмы Henkel, выпускающей стиральные порошки. Работа длилась по четырнадцать часов шесть дней в неделю. На деньги компании содержался частный лагерь, где жила Соломея, ее соотечественники и молодые люди из Польши и Румынии. Рядом с оstarбайтерами трудились немцы, которые выполняли ту же работу, но получали втрое больше.

Заработанных денег Соломее хватало на скудное питание, одежду и предметы первой необходимости. За отлынивание от работы людей отправляли в каторжные тюрьмы, где

условия содержания были еще хуже. А оттуда была прямая дорога в тюрьму или на виселицу.

Так прошло два года. Два страшных года.

В сорок четвертом девушка познакомилась с итальянским военным Марко Каваллини. Жгучий брюнет с влажными темными глазами покорило сердце девушки. Он увез ее в Италию, в свой родной город Турин. Его отцу принадлежала небольшая фабрика по производству нижнего белья. Усилиями сына через несколько лет фабрика превратилась в крупную компанию, выпускающую спортивную одежду. Марко благодарил бога за то, что тот послал ему любимую женщину, которая стала его ангелом – хранителем...

Мы с отцом смотрели по телевизору открытие зимней Олимпиады в Турине. И тут я и услышал сакраментальную фразу.

- Интересно, тетя Соломея жива?

Я оглянулся по сторонам, не понимая, кому адресовано обращение. Кроме меня и отца в квартире никого не было. После смерти матери папа жил один, я лишь навешал его. Правда, нечасто, но все же приходил пару раз в месяц, рассказывал о своем житье-бытье, делился успехами, о неудачах я умалчивал, чтобы не расстраивать пожилого человека.

Недавно я стал третьей скрипкой в оркестре, а мой друг – первой. Я больше радовался за него, чем за себя. И не переставал надеяться, что жизнь сделает крутой поворот. О смысле жизни я думал постоянно, но ответа не находил. Даже созерцание красочного зрелища по телику не могло оторвать меня от нерадостных мыслей. Но это сделал отец своей странной фразой, брошенной в никуда. Продолжения я не дождался, поэтому осторожно спросил.

- Какая тетя Соломея?

- Сестра моего отца, твоего деда Федора. – пояснил он, чем еще больше запутал меня.

О сестре отца я слышал впервые, но все же покопался в своей памяти, ссылаясь на забывчивость. Однако сегодня на подкорках ничего не нашлось. Редкое имя Соломея, не Клавдия или Елена, врезалось бы в память намертво, клещами не вытащишь. В моем мозгу сочетание Соломея Ламбровская никак не запечатлелась. Я покосился на родителя, тот с увлечением наблюдал за красивым праздником спорта и продолжать беседу не собирался. Я не стал тревожить его «по пустякам», уставился в телевизор, продолжая мысленно терзать себя предположениями.

Я родился в семидесятом, - перешел я к размышлениям, - за все тридцать шесть лет жизни ни разу не слышал, что у меня была двоюродная бабушка по имени Соломея...

Когда трансляция закончилась, отец выключил телевизор и предложил выпить чаю. Я с радостью согласился: к чаю всегда прилагается доверительная беседа. Так и вышло.

Отец поведал мне трагическую историю Соломеи Ламбровской, которая была остарбайтером в годы Отечественной Войны.

- Почему ты вдруг вспомнил о ней именно сегодня? - спросил я.

- В начале семидесятых годов мой отец получил письмо из Италии, из Турина. Кто его доставил, неизвестно. Но человек не стал вручать послание Соломеи лично в руки адресата, а вложил его в обычный советский конверт и бросил в почтовый ящик, аккуратно переписав адрес получателя. Тетка действовала «на авось», не зная, живут ли ее родные по старому адресу или нет. Она ничего не знала о своем брате, жив ли он или погиб в Великую Отечественную? Живы ли родители? Ты знаешь, что война забрала у моего отца родителей, но он сам прошел всю войну и вернулся домой в сорок пятом. Женится на соседской девушке, через год родился я. Отец считал свою сестру погибшей. Он наводил о ней справки, искал среди депортированных женщин. Но тщетно... И вот спустя много лет он получает от Соломеи письмо. Оказывается, она живет и здравствует, причем живет вполне счастливо и безбедно. Им с мужем принадлежит крупная компания по выпуску спортивной одежды и обуви... Тогда мой отец разозлился и разорвал письмо на мелкие клочки.

- Почему?
 - Он заявил, что сестра предала Родину, и он не желает ее знать!
 - Было бы лучше, если она вернулась в СССР с клеймом остарбайтера, ее бы сослали в Сибирь, потом бы выпустили лет через десять с клеймом изменницы!?! - возмутился я.
 - Не знаю, - пожал плечами Василий Федорович. - Отец всегда отличался коммунистической непримиримостью. Уже после получения весточки от сестры, он объявил, что она для него умерла. Второй раз. Теперь окончательно. И призвал меня и мать не искать путей сближения. В те сложные времена нам были не нужны родственники за границей. Я оканчивал школу, собирался поступать в школу милиции, моя биография должна быть незапятнанной.
 - И с тех пор от Соломеи больше не было никаких известий?
 - Не было. Наверное, она посчитала, что род Ламбровских прекратил свое существование.
 - Наверное, - согласился я. Но, мысленно, дал себе клятву, поднакопить денег, поехать в Италию и разыскать двоюродную бабушку или ее отпрысков...
- Через месяц меня ошарашили две новости, притом почти одновременно. Я нашел между ними связь, хотя, на первый взгляд ничего общего не было...
- Недавно меня начали мучить боли в груди. Сначала я принял это за обычный бронхит, прислушался к себе, кашлянул для вида, и понял, что закатываться кашлем мне не хочется. Следовательно, самостоятельно поставленный диагноз не подтвердился. Боли не напоминали о себе недели две, пока отец не попросил передвинуть мебель. Физические упражнения повлекли за собой возвращение загрудинной боль, сопровождая ее частым сердцебиением. Мой лоб покрылся испариной, я стал задыхаться, будто меня отключили от кислорода. Отец напугался, уложил меня на диван, сунул мне под язык валидол и стал спрашивать через каждую минуту о моем самочувствии. Когда дыхание восстановилось, а язык стал проворачиваться во рту, я поспешил его заверить, что мне значительно лучше. Но мой внешний вид, скорее всего, кричал об обратном, поэтому Василий Федорович решил вызвать неотложку, но я запротестовал. Мы пришли к консенсусу: завтра я пойду к врачу в районную поликлинику. Я не был послушным сыном, и быстро забыл о данном обещании. Но испуг засел у меня внутри: я постоянно прислушивался к поведению своего организма, к своим ощущениям. Каждый раз, когда сердце напоминало о себе громкими частыми ударами, я замедлял ход или замирал на время, пока оно не возвращалось к обычному ритму. Вскоре я стал с трудом преодолевать лестничные проемы, дыхание перехватывало, будто кто – то с силой ударял меня в грудь. Я хватал ртом воздух, уже привычно кидал в рот таблетку нитроглицерина, растирал кулаком ноющее место и ждал. Приступы стали повторяться чаще и длились дольше. Однажды я понял, что очередной приступ может стать последним и решил на поход к врачу.
 - У Вас врожденный порог сердца, - вынес вердикт кардиолог после проведенного обследования.
 - Как... врожденный? – удивился я. – Меня никогда не беспокоили боли, только недавно я впервые почувствовал недомогание, - сбивчиво пролепетал я и автоматически приложился к левой стороне груди.
 - Так бывает, - «успокоил» меня врач. – В детстве дефект в структуре сердца и крупных сосудов был незначительный, а потом какое-то жизненное обстоятельство подтолкнуло болезнь к развитию.
 - К...какое... обстоятельство? – заплетающимся языком спросил я.
 - Может, стресс... Или обычный грипп, который дал осложнение на сердце. А Вы не болели гриппом?
 - Болел. Месяца три назад...
 - И перенесли болезнь на ногах, - догадался доктор.
 - У нас была премьера в театре...
 - Грипп страшен не сам по себе, а своими осложнениями, - деловито заключил он.

Избитая фраза меня покорежила. Она не имела ко мне, молодому и крепкому мужчине,

никакого отношения. Я немного «воскрес», но кардиолог продолжил без особо вдохновения, – Вы не волнуйтесь, Аристарх Васильевич, мы Вас вылечим.

Я окончательно скис. Неверие отпечаталось на лице доктора. Он смотрел на меня, как на человека, стоящего на краю жизни.

На пороге больницы я подумал о близких людях, провел ревизию недоделанных дел: Увы, я не посадил дерево, не родил сына, не построил дом... Я ничего и никого не оставлю после себя. Может, мои немногочисленные рассказы кто-то из близких соберет в одну книгу и издаст небольшим тиражом? И это все, что останется после меня.

От грустных мыслей меня отвлекло следующее известие. Если бы я получил его несколькими днями ранее, то порадовался, а теперь... даже не знаю...

Днем позвонил отец и без перехода заявил, что мне пришло письмо из нотариальной конторы. Такт и терпение – не его черты характера, поэтому он письмо, конечно, вскрыл и прочел мне содержание. В письме было всего несколько строк: Аристарху Васильевичу Ламбровскому надлежит явиться в Нотариальную контору... такого – то числа такого – то месяца.

Указанное число было не за горами, оставалось всего три дня, которые на удивление не внесли сумятицу в мою жизнь. Я старался не думать о предстоящем визите, удивить меня уже никто не мог...

В назначенный день отец прицепился ко мне, как репей, хотя, я уговаривал его остаться дома. Но он был непреклонен. Мы доехали до нотариальной конторы по настоянию отца на такси. Он заявил, что ехать в ТАКОЕ место на автобусе будет нелогичным. В чем заключалась его логика, я не понял, но спорить не стал. Мы явились раньше назначенного часа и еще полчаса томились к приемной. Секретарь нотариуса бросала на меня заинтересованные взгляды, но, не дождавшись ответной реакции, недовольно уткнулась в экран компьютера. Я предположил, что ее работа заключается в раскладывании пасьянса и, проходя мимо, бросил взгляд на светящийся экран. Угадал, - порадовался я и зашел в сопровождении отца в кабинет нотариуса.

Маленький пожилой мужчина, больше похожий на внезапно постаревшего подростка, поприветствовал нас и сразу перешел к делу. Он громко зачитал отпечатанный на бумаге текст, но я витал в облаках, решив, что произошла путаница и прочтение завещание ко мне не имеет никакого отношения. Нотариус ожидал ответных действий, и они не замедлили последовать: я попросил повторения. Мужчина терпеливо выполнил мою просьбу. Из текста я вырвал знакомую фамилию и уже после этого стал вникать в смысл. После смерти Сарита Каваллини, урожденная Соломея Ламбровская, все свое миллиардное состояние жертвует на благотворительность. Кроме одного несчастного... миллиона евро, который получает ее внучатый племянник Аристарх Васильевич Ламбровский.

- Значит, бабушка Соломея о нас знала! – догадался я, оправившись от шока.

Отец тоже вернул себе способность к общению и непримиримым тоном заявил, что я должен отказать от этих денег. В эту минуту он напомнил мне деда, которого я лично не знал, но был слышан о его бескомпромизме. Я не стал шокировать нотариуса заявлениями, на которых настаивал отец, но сам мысленно отругал себя за колебаниями, пусть пока и не произнесенные вслух. То, что я сдамся и уступлю родительскому напору, я не сомневался. И связано это было напрямую с моим неизлечимым заболеванием.

Хозяин кабинета произнес со всей торжественностью, что завещание вступает в силу с этого дня и вручил мне свидетельство о праве на наследство. Он взял в руки красивый бланк, отрезав пути к отступлению. Но отец так не считал.

- Это ничего не значит, - зашептал он мне, скривив рот.

Нотариус смотрел на нас в ожидании. Может, ждал заявления или хотел, чтобы странная парочка скорее покинула его кабинет.

- Я хотел бы обсудить... кое – что, - нерешительно начал я и увидел в глазах отца возбуждение и гордость. – Не сегодня... Когда я могу прийти к Вам?

- Завтра Вас устроит? Или суток не хватит на обдумывание?

- Я буду у Вас завтра! – заверил я, прихватил отца и потащил к выходу.

Чтобы избежать разговоров – уговоров, я поспешил сказать, что завтра же откажусь от наследства двоюродной бабушки, и расстался с отцом на пороге нотариальной конторы. Но не пошел на репетицию, а отправился на съемную квартиру на улице Космонавтов.

Решение я принял сразу и об этом решении завтра доложу нотариусу. Не знаю, как он воспримет мое волеизъявление, но думаю, что я вправе составлять собственное завещание, имея на руках миллион евро.

На следующий день я пришел в нотариальную контору, сразу прошел в кабинет и с порога огорошил.

- Я бы хотел составить завещание!

Нотариус кивнул, не выказывая удивления, и указал мне на стул...

Весь миллион евро, полученный от Соломеи, после своей смерти я завещал человеку, который... предъявит свидетельство о праве на наследство Сариты Каваллини, полученное накануне в этом самом кабинете.

Со словами «вызываю огонь на себя» Аристарх захлопнул крышку ноутбука, словно это была крышка собственного гроба. Город спал и не знал, что один из его жителей пошел на риск, предложив себя в качестве жертвы в будущем преступлении, которое обязательно последует после публикации рассказа в газете.

Он чувствовал себя роженицей, произведшей на свет ребенка, которая вместе с физическим недомоганием испытывает эйфорию от того, что все благополучно завершилось.

Хотя, у него все только начиналось. Ребенок – произведение увидит свет на страницах газеты «Пламя» и затем начнется все самое интересное.

Выдуманная сказка о получении наследства несуществующей двоюродной бабушки должна иметь счастливый конец. Ламбровский на это надеялся. Кто же хочет умереть в тридцать шесть лет? Тем более, когда ты полон сил и планов.

Пока не поздно, можно все остановить. Взять и одним движением удалить из памяти компьютера напечатанный текст, который дался ему нелегко. Но Аристарх так не поступит. Надо учиться, не менять принятые решения!

А чтобы не передумать, уже утром отправится к Синявскому и заявит, что это правдивая история... И скрутит за спиной пальцы...

Ламбровский собрался покинуть квартиру, когда услышал призывный звонок в дверь. Кроме друга и по совместительству соседа к нему никто не заглядывал. Аристарх хотел ускользнуть незамеченным, но приятелю, как назло, сегодня не спалось.

- У Ксюши все хорошо! – произнес скорбным голосом Бобик.

- Я рад за нее, - ответил Арик, переминаясь с ноги на ногу. Евламп заметил, что тот собрался уходить и бесцеремонно спросил.

- Куда это ты собрался с утра пораньше? – тональность вопроса больше подходила отцу, не спускающему глаз с нерадивого отпрыска.

- Дела, - пространно протянул Ламбровский, дотрагиваясь до дверной ручки и тем самым намекая на окончание визита.

Бобик окинул его оценивающим взглядом, который мог дать подсказку. Но ничего интересного не уловил. Намек он проигнорировал, оторвал руку приятеля от дверной ручки и захлопнул дверь, отрезав путь к бегству. Аристарх мысленно порадовался, что скопировал рассказ на флешку, которая спокойно лежала в кармане пиджака.

- Одна находится на вершине семейного счастья, у другого появились от меня секреты, - обидчиво произнес Евлампий и засопел носом, показывая одновременно глубочайшую обиду на приятеля и терзания по поводу собственного одиночества. Реакции на

душевные муки не последовало. Тогда он сложил брови домиком и просительно уставился на Ламбровского, который не удержался и хмыкнул.

- Гастроль театра драмы!

– Ну, и куда ты идешь... без меня? – снова задал вопрос Бобик, приняв вылетевшую фразу за желание продолжить разговор. При этом сконцентрировал внимание визави на последнем слове, напоминая приятелю, что они сиамские близнецы, которые не могут жить в разлуке.

Аристарх «купился» на жалкий вид, не выдержал и сказал.

- В редакцию!

И виртуозно выпроводил друга из квартиры, выскользнув следом за ним. Он уже ступил на первую ступеньку, но не тут - то было, Евлампий ухватил его за рукав куртки.

- Ты написал рассказ? – он пригнул голову, исподлобья взглянул на приятеля, будто приготовился атаковать его.

- Уж больно ты грозен, как я погляжу, - процитировал Аристарх и попытался высвободиться из схватки.

Но Евлампий к одной руке присоединил другую.

- Ты никуда не пойдешь! – прошипел он, придвигаясь ближе.

- Евлаша, отпусти меня, я все равно отнесу рассказ в редакцию. Не сегодня, так завтра.

- А я буду везде ходить с тобой и не пущу тебя к Синявскому! Думаешь, я не знаю, что ты задумал?

- Детский сад, - покачал головой Аристарх, не подтверждая его догадки и не отрицая.

Ламбровский стоял и ждал, когда Бобику надоест тискать его рукав.

И почему я стою и жду? – подумал он. – Может быть, сам сомневаюсь в правильности принятого решения? Надеюсь услышать из уст друга веские аргументы, которые заставят меня вернуться домой?

Евлампий уловил сомнение во взгляде и пошел в наступление.

- Тебе надо обратиться к психологу, чтобы он снял с тебя... чувство вины.

- Что ты несешь?! – скривился Ламбровский.

- Я не курица, чтобы нести...сь! Я... волнуюсь за тебя! Арик, ты идешь на риск...

Преступник пошел на три убийства, ты хочешь быть следующей жертвой!? Если ты решил идти ва-банк, то поделись своими соображениями с отцом, он пойдет к бывшим коллегам, они разработают план мероприятий по твоей защите.

- Тогда убийца не решится пойти на преступление. – привел весомый аргумент Аристарх.

- Но и с тобой ничего не случится!

- Со мной и так ничего не случится, я... буду осторожен! Обещаю!

- Я хочу прочесть твой рассказ. – заявил Бобик приказным тоном.

- Когда вернусь, скину текст на твой компьютер, - пообещал Ламбровский.

- Я согласен на краткий пересказ, - с хитринкой в глазах заявил Евлампий, не желая выпускать друга из своих цепких рук.

- Я понял, ты напрашиваешься мне в попутчики. – догадался писатель. Лицо приятеля уже приготовилось снова нацепить маску под названием «жалостливый вид», но Аристарх опередил его, - быстро одевайся, я жду тебя на улице!

Евлампий отправился к Олесе, а Ламбровский пошел в кабинет главного редактора.

Максим Синявский вставил флешку в свой ноутбук и стал читать рассказ.

- Надо бы полицию уведомить о Вашем безрассудном поступке. – задумчиво произнес он, возвращая флешку Аристарху. Тот в ответ промолчал. – Я скопировал текст.

Потом минут десять он уговаривал писателя заручиться поддержкой правоохранительных органов.

- А кого мне бояться?! – беспечным тоном произнес Аристарх и хитро прищурился, – ведь, все злодеи, совершившие три убийства, сидят в тюрьме!

- Ну – да, - нерешительно согласился Синявский. – Но к чему тогда все это? – Вскинул он брови и указал на грудь писателя, где в кармане пиджака спряталась флешка.
 - Хороший вопрос... Скажем так, я написал взрослую сказку о свалившемся мне на голову богатстве...
 - Но по какой – то причине, Вы решили с этим богатством распрощаться...
 - Причина ясна: я неизлечимо болен, и мне не нужен миллион евро.
 - Но он нужен Вашему отцу или другому родственнику. Отдайте на благотворительность, в конце концов, как поступила Ваша бабушка Соломея!
 - У меня нет бабушки Соломеи. У меня, вообще, нет бабушек. Но я рад, что Вы поверили. Значит, поверят и другие.
 - Другой, - подсказал Максим. – Вас интересует один человек. И этот человек совершил три преступления. Я тоже не верю, что за решеткой оказались люди, совершившие убийства. Вы хотите поймать злоумышленника на наживку- алчность? Но почему Вы решили, что он на нее клюнет?
 - Чтобы он клюнул, надо опубликовать рассказ в газете. От Вас зависит, станет ли моя безрассудность, как Вы выражаетесь, достоянием гласности.
- В этот миг на Аристарха снизошло озарение. Он понял, что Синявский в убийствах не виноват. Не знал, почему к нему пришла уверенность, но она пришла, и писатель был этому несказанно рад. Может, к этому выводу привела чрезмерная забота и беспокойство о нем? Ламбровский облегченно вздохнул: Максим всегда вызывал у него симпатию. Спорить с оправданным редактором ему расхотелось, но все же он хотел расставить все по местам.
- Я ловлю преступника не на алчность, а на новый рассказ. Именно рассказ каждый раз побуждает его к действию. Я специально минимизирую количество действующих лиц. Нотариус, как жертва, его не заинтересует, отец всегда сможет постоять за себя, несмотря на возраст. Этот соперник убийце не по плечу...
 - Существует несколько способов избавиться от человека, не приближаясь к нему. – перебил его Синявский.
 - Мне кажется, он с самого начал охотился, именно, на меня. Только случай пока не представился... Или он специально выжидал, чтобы вселить с меня страх.
 - Зачем ему это?- осведомился редактор.
 - Наверное, он испытывает ко мне неприязнь, - невесело усмехнулся Ламбровский.
 - Неприязнь, - задумчиво повторил Максим и побарабанил пальцами по столу. – Какую надо испытывать неприязнь, чтобы расправиться с тремя неповинными людьми?
 - Сильную, - односложно вставил писатель.
- В кабинете повисло молчание, в которое вклинивались звуки улицы, долетавшие из приоткрытого окна.
- Вы еще не передумали ловить преступника на живца? – наконец, прервал тишину редактор, рассчитывая, что за это короткое время Аристарх решил забрать свой рассказ.
 - Этот человек бросил мне вызов, когда убил Ольгу Кашкину. За ним последовали еще два. - сразу ответил Ламбровский.
 - Убийца не джентльмен, его вызовы «на дуэль» можно проигнорировать. На кону Ваша жизнь, вы не сойдетесь с ним лицом к лицу на открытой местности на расстоянии пятнадцати шагов, он будет действовать скрытно и нанесет удар в спину, я в этом уверен.
 - Конечно, он не подойдет во мне и не скажет: «Слышь, Ламбровский, я пришел тебя убивать. Какую смерть предпочитаешь?» Или заявит: «Предлагаю дуэль, но, чур, оружие будет только у меня, ты с ним управляться не умеешь!»
 - Вы, Аристарх Васильевич, как человек, наделенный воображением, сразу начинаете сочинять начало продолжения истории. Рассказ о наследстве бабушки, часть вторая. И свое нервное состояние пытаетесь скрыть за плоским юмором.

- Не могу сказать, что я совершенно спокоен, но круговые перемещения по замкнутому пространству собственной квартиры не совершаю. По ночам входную дверь не подстраховываю старинным шкафом, и теннисные шарики под окнами не раскладываю. – монотонным голосом сказал Арик.

- Пока такие меры предосторожности не нужны.

- До момента выхода рассказа на страницах газеты «Пламя». – согласился писатель.

- Вы отдаете себе отчет, что Вам грозит опасность, и все равно продолжаете настаивать, чтобы я отдал рассказ в печать?

- Продолжаю настаивать!

- Вы не козерог по гороскопу?

- Намеряете, что я упрусь рогом и не сойду со своего места, пока не получу желаемое?

Докладываю, я не козерог, я – близнец...

- Тогда, предлагаю переждать пару дней, второе «я» может оказаться более благоразумным, чем первое.

- Сейчас мы действуем сообща, - заверил Аристарх. – А вы, кто по гороскопу?

- Я скорпион. У меня день рождения в начале ноября.

- Тяжелый месяц. Дни короткие и туманные, - с нотками лирической грусти пропел Ламбровский, желая переключить редактора с надоевших уговоров на другую тему.

- Дело не в погодных катаклизмах и не в убывающих днях. В свое время я чуть не загремел в Армию, когда провалился на экзаменах в институт. А родился бы, как Вы, в июне, мог предпринять еще одну попытку.

- Но вы не загремели? И попытка повторилась?

- Судьба смилостивилась надо мною, - не вдаваясь в подробности, сказал Синявский. - Хотя, все в жизни происходит не просто так. Жизнь мне намекнула - не нужно поступать в тот ВУЗ, который выбрал. Это не мой путь. Наверное, следующим шагом должна была быть служба в Армии, я нуждался в хорошей встряске. Школу жизни в армейских рядах я не прошел, увильнул, и жизнь «уложила меня на лопатки».

- А я постоянно испытываю чувство, что проживаю чужую жизнь. Пытаюсь найти себя, плутаю в лабиринте, нахожу выход, а он оказывается не тем.

- Откуда вы знаете, что это не тот выход? – заинтересовался рассуждениями Ламбровского Максим Синявский.

- Я чувствую...

- Чувствовать и знать – это разные понятия. Если Вы живете одними чувствами, не включаете здравый смысл, то так и будете плутать в лабиринте....

- Не буду! Я найду правильную дорогу, пусть и набыю при этом синяки и шишки. Найду, после того, как... жизнь уложит меня на лопатки». – повторил он высказывание редактора.

- А почему бы Вам не взять на вооружение известную пословицу: умные учатся на чужих ошибках, а дураки на своих? Взять и обогнуть, по возможности, острые углы, а не биться об них. Человеку дана одна жизнь. Од-на! Поэтому ею надо дорожить! Возможно, я без спроса лезу не в свое дело, извините, но я последняя инстанция, которая может повлиять на Ваше решение.

- Мы не ищем легких путей! –с комсомольским задором произнес Аристарх, хотя, потухший взгляд и судорожные движения руками говорили о сильном волнении.

- В этом кабинете я слышал многое, бравурные речи тоже слышал. – с обидой сказал Синявский.

Ламбровский избавился от кривой усмешки и серьезно тоном сообщил.

- Мне все давалось в жизни легко, все дети рвались обучаться игре на скрипке, но не всех отбирали, только особо одаренных. Я таким себя не считал, но меня взяли, потом легко переместился в Консерваторию, не считая себя великим композитором. Затем был принят в оркестр театра музыкальной комедии. Наверное, снова занял чужое место.

- Вы не чрезмерно самокритичны?

- Нет, я просто все про себя знаю. Почти все. Или, правильнее, я все знаю про скрипача Ламбровского. И чувствую, - он заметил удивленный взгляд редактора, - да-да, чувствую, что к фамилии Ламбровский должна прилагаться другая профессия.
- Писатель Аристарх Ламбровский! – высокопарно заявил Синявский.
- Смеетесь, - печально вздохнул Арик.
- Лично Вам это сочетание нравится?
- Нет!
- Но Вы всегда хотели стать писателем. Или поэтом.
- Я в поиске. Попробовал себя в сочинительстве и понял: не мое!
- Однако продолжаете писать рассказы и приносить их в редакцию?
- Сейчас я преследую другую цель. Вам она известна, - сухо произнес Ламбровский.
- Допустим, Вы найдете убийцу, что будет потом? Начнете снова искать правильный путь выхода из лабиринта? Но на эти поиски может не хватить всей жизни. Или найдете себя лет этак в девяносто девять и отправитесь в рай совершенно счастливым человеком.
- Я не желаю ждать так долго, поэтому иду ва–банк.
- Странная логика... Каким образом связаны эти два направления - поиски своего предназначения на земле и предложение себя в качестве очередной жертвы преступника?
- Для любого человека чужая логика кажется странной. Мы, слава богу, ушли от построения коммунизма и существования в развитом социализме, где все мыслят одинаково. А кто инакомыслящий, того выставляют из страны. Это в лучшем случае, а в худшем отправляют в места далекие и холодные.
- Философ и диссидент в одном флаконе, - заключил Синявский. – Аристарх, но вы ушли от ответа!
- У меня предчувствия, - пространно напомнил он и занялся изучением своих сплетенных пальцев.
- Я хочу Вам помочь. Хочу напечатать Ваш рассказ. Хочу, чтобы все закончилось благополучно. Хочу и боюсь. Боюсь за Вас. Может, мне поступить к Вам на службу в качестве телохранителя?
- Мне это приятель предлагал. Так мы и будет ходить неразлучной троицей, пока преступнику не надоест, и он не покончит со всеми одним махом.
- Не вариант, - согласился Максим.
- Ему нужен я! Не обязательно, что преступник захочет расправиться со мной. Для начала он решит со мной поиграть, как кошка с мышкой, но еще неизвестно, кому какая роль отведена. Пусть думает, что мышь это я... А свидетелей он уберет в два счета... – Ламбровский страдальческим взглядом посмотрел на редактора, будто уже видел его поверженным врагом. - Вы поймите, у меня чувства, а у него чутье... Или запрограммированный инстинкт...
- Никогда о таком не слышал.
- Я тоже.... Само родилось в голове...
- А что у вас еще родилось?
- Человек программирует себя на достижение конкретной цели, иногда программа корректируется, но цель остается прежней.
- А зачем ее корректировать?
- Если что–то не нравится, или кто-то переходит дорогу, то вносятся изменения. Цель этих изменений - достижение желаемой работы инстинкта. Тот, кто знает, как перепрограммировать инстинкт, может изменить результат инстинктивного действия.
- Мудрено, - покачал головой Синявский.
- Допустим, Вы духовно готовы стать независимым от кого – то или чего – то. От близкого человека или еды. Остается сделать самую малость – перепрограммировать инстинкт в части отношений между Вами и этим человеком или продуктами питания. Одним из простейших и эффективных методов перепрограммирования является

визуализация. Это сознательная работа человека. Вы так можете настроить свой организм, что он станет здоровым или больным.

- Ничего не предпринимая для этого?

- Я же только что сказал, что это сознательная работа. Визуализация – это картинка или фильм, который вы дополняете своей энергией. Но для этого нужно соблюдать некоторые условия. – Максим подобрался, Аристарх вдохновился вниманием и продолжил. – Вы должны создать четкую картину желаемого, осознать достигнутый результат, ощутить свое состояние, понять, каким оно будет при достижении результата. Главное – верить, что придешь к конкретно поставленной цели, что достичь ее – это реальность, а не просто мечта, которая пшик, и улетучилась. При этом надо соблюдать нехитрое правило: надо любить себя, близких людей, девушку. Если она Вас тоже полюбит, и будет всегда рядом, станет поддержкой и опорой, то Вы придете к конечной цели визуализации.

- Допустим, у меня неизлечимая болезнь, - задумался над вдруг возникшей «проблемой» Максим, - я должен поставить себе конкретную цель – излечиться. Я мысленно представляю себя совершенно здоровым и счастливым человеком. Сознательно программирую себя на это состояние, прислушиваюсь к своему организму, будто копаюсь в нем, нахожу место, где сосредоточилась болезнь, потом внушаю себе, что у меня нет неприятной тянущей боли, стараюсь запомнить это чувство эйфории. Я верю, что ТАК будет. Так будет всегда! Я буду жить в нарисованной картинке, которая совсем скоро станет реальностью. Рядом со мной понимающий человек, который поддерживает меня своей любовью на пути достижения цели, я отвечаю ему взаимностью и хочу жить с ним в придуманном мире счастья, который благодаря совместным усилиям станет реальностью.

- И не надо пытаться понять, как Вы достигнете этого островка счастья. Просто будьте уверены, что, в конце концов, там окажетесь. Начальная цель и конечная. Только запомните тот миг, когда вы впервые почувствовали, что боль ушла. Зафиксируйте эту легкость!

- Не важно, как дойти, главное – быть там, - повторил, как заклинание редактор.

- Я не понимаю, почему мне это пришло в голову? – удивился Ламбровский психотерапевтической теории, пришедшей ему на ум. – Скорее всего, между этими рассуждениями и поведением преступника есть невидимая связь.

- Он поставил конкретную цель? Но какую?

- Избавиться от меня? Слишком просто. Для этого не нужны психологические настройки... Или все же нужны? – задался писатель вопросом. - Могу предположить, что убийца не питает ко мне ненависти, но по непонятной причине решил меня убить. Чтобы избавиться от сомнений, разжечь в сердце злобу и желание расправиться со мной, он внушает себе – я буду счастливым, когда по земле перестанет ходить Аристарх Ламбровский, ведь он причина моих неудач.

- В жизни всякое бывает... Например, посетил обиженный жизнью человек шарлатанку - ясновидящую, она, чтобы не молчать и возвысить себя в глазах гостя, придумала душераздирающую историю: будто бы на его жизненном пути стоит человек, который мешает идти вперед и достигнуть поставленной цели. Человек – преграда. И наобум описала этого человека, который удивительным образом оказался похожим на Вас. Посетитель вышел на улицу и призадумался: как найти человека-преграду, чтобы удалить его со своего пути и легко пойти по жизни? Для начала перебрал в памяти всех знакомых, и оказалось, что один из них подходит под описание гадалки. И это скрипач и по совместительству писатель Аристарх Васильевич Ламбровский. Надо переходить к следующему этапу – уничтожению преграды!

- Зачем ему совершать три убийства? Он мог легко убить меня, не растрчивая силы на других людей. Например, отравить меня в театральном кафе, подсыпав мне в еду крысиный яд. – неожиданно выстроил версию собственного убийства писатель. Перед глазами встала уборщица тетя Зина – борец с грызунами – идущая на него с ядовитой

ухмылкой. Двумя пальцами она держала пакет с отравой и покачивала им, как маятником.

- Это банально. И неинтересно... Знаете, Арик, мы можем нарисовать портрет убийцы! – радостно заявил Максим, словно неоднократно встречал его.

И тут в голове Ламбровского что-то щелкнуло, он снова взглянул на Синявского, как на ловкого злодея, который хочет отвести от себя подозрение. Следующее высказывание окончательно убедили его в этом.

- Я думаю, это женщина. Только представительницы слабого пола бегают по гадалкам и предсказательницам.- между тем продолжал размышлять редактор.

- Или отчаявшиеся мужчины, - вставил Аристарх, прожигая Максима настороженным взглядом. – По-моему мнению, мужчина – более вероятная кандидатура: Вы не забыли, что Ольгу Кашкину сначала изнасиловали, а уж потом задушили. Или задушили, а потом изнасиловали. Это неважно, главное был факт полового акта.

При этих словах глаза редактора забегали, будто его уличили в совершенном преступлении. Ламбровский заерзал на стуле и мысленно одернул себя: Не высовывайся, пусть говорит Максим. Интересно, до чего он договорится?

Но писатель испугался зря. Синявский так увлекся разработкой фоторобота, что не услышал его последних слов.

- Это молодая девушка, но не совсем молоденькая, я бы даже выразился - зрелая, ей где – то в районе тридцати. Плюс – минус пару лет. Она устала от одиночества, и четко знает, чего хочет. А хочет она выйти замуж. Это желание превратилось в идею-фикс... А что вы сказали об изнасиловании? – встрепенулся он. Не услышав повторения, сразу нашел ответ. – Преступница могла найти сообщника, страдающего от отсутствия женского внимания.

- Компания маньяков, – снова не удержался Аристарх. В голосе явно читалась ирония.

- Не знаю, но идея у девушки маниакальная! Это точно! – выпалил Синявский, не уловив недоверия.

- Она видит меня в роли своего суженого?

- Может быть, может быть, - пробубнил Максим. – Но мне нравится первый вариант: Вы ей мешаете идти к цели. Гора по имени Аристарх стоит у нее на пути. Сначала мадам решила убить Вас морально. Она догадывается, что Вы, как творческий человек, впечатлительны и можете довести себя до психического срыва, за которым может последовать все, что угодно. Вы можете, пойти в полицию и признаться во всех преступлениях. Или мучиться – мучиться и довести себя до наивысшей точки. До самоубийства. В этом случае ей не надо руки марать.

- Она их уже замарала.

- Преступница так не считает. Если ее конечная цель – устранение Вас, то согласно теории визуализации, процесс перемещения к этой конечной точке не откладывается в ее памяти. Не помнит, значит, никого не убивала. Все ее мысли там, на том конце, где начнется новый этап в ее жизни.

- Понятно, - поморщился Ламбровский, мысленно ругая себя за начатые философствования. - Но почему эта дама с маниакальной идеей... не устранила меня за два прошедших года? Потому что я не написал ей руководство к действию? Сама она на сочинительство не способна ввиду скудости ума... Или на это есть иная причина?

- Она не умеет перепрограммироваться. – предположил Максим. – Женщина не желает убирать Вас с дороги своими руками: вдруг преступление раскроют, убийцу, то есть ее, посадят за решетку, и финита ля комедия. Была девушка, желающая выйти замуж, а стала осужденной по «убойной» статье.

- Вдруг ей надоела игра в кошки – мышки? – с надеждой произнес Арик. - Она забыла о моем существовании и переключилась на другой объект. А мой рассказ станет для нее сигналом к действию. Чтобы не отвлекаться от нового объекта, она не станет перерабатывать сценарий, наймет киллера, который профессионально выполнит работу и

устранит с дороги человека-преграду. – При этих словах мужчина вздрогнул, словно представил себя лежащим посередине тротуара с дыркой во лбу. О подобном развитии событий он не думал.

- В этом случае она становится организатором преступления, а это тоже статья. – «успокоил» его юридически подкованный редактор. Гость заметно побледнел. - Аристарх Васильевич, Вы не волнуйтесь. Мы можем сию минуту забыть о написанном рассказе! Вы отправитесь домой и будете жить, как раньше.

- Как раньше не получится, - вздохнул писатель.

- Да-да, я помню про троих убитых. – поморщился Максим.

- Вы должны напечатать рассказ! – уверенным тоном произнес Ламбровский.

- Ну, если Вы настаиваете, - развел руками редактор.

- Настаиваю! Надеюсь, она не станет нанимать киллера. И игра ей не надоела. Но предположение нуждается в подтверждении. Вот мы это и проверим.

- Ходите по краю бритвы. – изрек Синявский. На его губах поселилась «приветливая» улыбка крокодила. – Будем надеяться, что эта женщина отличается выдержкой и терпением. Она найдет в себе силы обставить все так, что Ваша... смерть будет выглядеть естественной.

- Я помню – на последнем этапе у нее нет смысла рисковать.

И тут Ламбровский понял, что отмена публикации ничего не изменит. Колесо визуализации снова запущено.

- А была ли женщина, - прошептал он.

Шепот достиг ушей редактора. Улыбка исчезла с его уст. Пока он приходил в себя, Аристарх успел покинуть кабинет...

- Вы репетировали новую пьесу и одновременно шили костюмы для актеров?! – возмутился Бобик, когда Аристарх зашел в кабинет Олеси Бондарь и устало упал на стул. Было похоже, что он устанавливал рекорд ходьбы на лыжах, а не вел философские беседы.

- Фух, - выдохнул бледный писатель.

- Привет, Арик! – напомнила о себе девушка.

- Ой, извини, здравствуй, - поприветствовал ее Ламбровский.

- Наш редактор любит порассуждать. - сказала она, одарив гостя милой улыбкой. – Я очень рада возобновлению нашего сотрудничества. Жаль, что ты сразу отнес рассказ Максиму, а не показал мне.

Еще одна желающая заполнить первоисточник, - подумал писатель...

Ламбровский прозвал свою жизнь болотом, в котором скопился газ метан. Вот – вот неизвестный поднесет спичку и произойдет взрыв.

Между тем произошла смена природной власти: зима сместила с пьедестала осень, отсидела на нем положенный срок и никак не желала покидать насиженного места, хотя, интеллигентная девушка весна давно намекала, а не пора ли старушке на заслуженный отдых? Дула на нее теплым ветерком, согревала солнечными лучами, но та намеков не понимала.

Аристарх, дабы снять с себя напряжение, пустился в философские размышления на тему: Почему все месяцы мужского рода, а три времени года – женского и одно среднего? Он пришел к определенным выводам и поспешил поделиться ими с Евлампием, но тот пребывал в напряженном ожидании «хороших» новостей из Австрии, поэтому тему не поддержал, а напротив, посмотрел на друга, как на умалишенного, у которого с приходом весны в голове произошли «сезонные обострения».

Ламбровский не обиделся и оставил Бобика пребывать в ожидании. Несмотря на то, что он определился с кандидатурой убийцы, но все же не стал заикливаться на ней одной. Аристарх решил пропустить через «визуальный фильтр» всех музыкантов своего оркестра. Доводы Синявского, что убийцей является женщина, крепко засели в его

голове. Поэтому он сосредоточился на представительницах женского пола своего коллектива. Для начала Арик собирался навести справки об их семейном положении, чтобы исключить замужних дам. Простое выяснение поставило его в тупик. В помощь был призван словоохотливый Евлампий. Тот быстро подружился с девушкой из отдела кадров, все разузнал, и в дополнении к уже добытой информации решил присовокупить беседу с гардеробщицей Петровной – собирательницей всех театральных сплетен. Та «поделилась» ценной информацией, доложив Бобику, кто из «музыкантш» и представительниц иных профессий живет в гражданском браке, о чем не отражено в личных делах.

Подведя итоги, Евлампий насчитал во всем театре всего четыре женщины, не обремененных всеми видами браков: две виолончелистки, одна скрипачка и... дорогая его сердцу тетя Зина. Скрипачку приятели отметили сразу: она пришла в театр совсем недавно, после тревожных событий в двухгодичный период затишья. Арик с Евлашей не знали, имела ли тетя Зина жизненную цель выйти замуж, и был ли ей преградой на пути скрипач Ламбровский, но в одном они были уверены: мастер чистоты имеет ежедневную конкретную цель - выпить в обществе осветителя Павла. Эта цель затмевала все остальные. Поэтому кандидатура тети Зины «взяла самоотвод».

- Остались виолончелистки. – подвел итог в умозаключениях Аристарх. – Тамара и Зоя. Обе девушки мысленно встали у него перед глазами: тощенькая лопухая Зоя с лошадиным хвостом и крупная Тома с фигурой борца сумо. В руках этой девушки громоздкая виолончель выглядела подобием скрипки.

- Томка – более вероятная кандидатура на убийцу, - заявил Евлампий, поглядывая на Арика снизу вверх. – У Зойки силенок не хватит поднять лом для колки льда и так ударить кухонным ножом, чтобы он вошел в грудь человека по самую рукоятку... О случае с Ольгой Кашкиной я, вообще, не говорю.

- Много ты понимаешь, - заметил «знаток» физических возможностей женщин Ламбровский. – Злость придает слабому полу силы! Надо исходить от противного. В каком детективе ты видел, чтобы внешность преступника давала подсказку? Под маской убийцы скрывается положительный человек, смирный и совершенно не выделяющийся из толпы.

- Если исходить из этого, то доходяга Зойка, как нельзя лучше подходит на роль убийцы. – Бобик представил себе некрасивую виолончелистку, стреляющую по сторонам своими глубоко посаженными глазенками. Она напоминала голодную собаку, которая бежит по улицам в поисках еды. И вслух выдал, - голодный шакал, - подумал и скорректировал свой вердикт, - голодная шакалиха.

Ламбровский не стал выяснять тонкости такого умозаключения, но скрипачка Зоя в роли голодного шакала женского рода его заинтересовала.

- С такой внешностью замуж выйти сложно. – заключил он. - Пойдешь на любые хитрости, чтобы не остаться одной. Как ты считаешь, Евлаша, могла Зоя обратиться за советом к ясновидящей?

- Без сомненья! Она пойдет куда угодно, лишь бы приобрести статус замужней женщины. Одна надежда на привороты и заклинанья. Никакой салон красоты не сотворит чудо.

Друзьям представилась изможденная поисками супруга виолончелистка, на груди которой висела табличка, где корявыми буквами было нацарапано: Хочу замуж! За спиной она тянула тачку с баночками и мешочками – разными зельями, полученными от колдуньи.

- Берем в разработку Зойку? – голосом бывшего оперативника поинтересовался Бобик.

Ламбровский пожал плечами, возлагая принятие окончательного решения на приятеля.

- Придется мне за ней приударить, - скривился Евлампий. Самопожертвование такого рода в его планы не входило, но другого разведывательного пути он не видел. Раз приятель жертвует собой, то и он готов на все! Он заметил счастливую физиономию

Арика и поторопился подкинуть «ложку дегтя», - а тебе, мой дорогой друг, предстоит выполнить не менее важную работу. – Тот округлил глаза, выражая непонимание. – Ты будешь ухаживать за Тамарой!

- Это еще зачем?! – возмутился писатель.

- Для более полного сбора информации! Мы сложим добытые сведения вместе, проанализируем и придем к окончательному выводу: могла Зоя пойти на преступления или нет.

- Может, я могу пополнить информационный банк... иначе, - попытался увильнуть Ламбровский.

- И ради этого человека я готов совершить подвиг - пойти на ухаживание за девушкой, которая мне несимпатична! И это еще мягко сказано! - запричитал Бобик. – Может, мне придется с ней даже... целоваться! – Привел он веский аргумент, причем сказано это было таким трагическим голосом, будто ему предлагали сомкнуть уста с голодной шакалихой.

В результате Арик застыдился и поспешил оправдаться.

- Ну, ладно, ладно, я согласен...

Затем Евлампий перешел к долгим наставлениям, взяв руководство операцией по добыче ценной информации на себя. Аристарх почти не слушал, но не забывал кивать головой в знак согласия.

- Не делай ошибок! – предостерег руководитель в заключении.

- Как сказал Конфуций: Лишь та ошибка, что не исправляется... - с умным видом изрек Ламбровский.

- С Конфуцием трудно спорить, - вставил свою реплику Бобик, по привычке посчитав, что его слово должно быть последним...

Напряжение прошедших месяцев закалили Аристарха. После публикации рассказа в газете «Пламя» он в каждом прохожем видел убийцу, всматривался в лица, одно из которых должно быть лицом кровожадного убийцы. Его выдадут налитые кровью безумные глаза, перекошенный рот и, возможно, бегущие по подбородку слюни. В дополнении к неприятному образу должны прилагаться торчащие в разные стороны невымытые космы, одежда не по сезону и... почему-то босые ноги. Он в спешке выскочил из дома, когда заметил в окне человека-преграду. Но не забыл орудие преступления, которым может быть... все, что угодно. Удавка, кинжал, пистолет, охотничье ружье.

Раз преступник во всеоружии, Ламбровский обязан быть начеку. Любое резкое движение прохожего он расценивал, как попытку нападения, и начинал трястись, как осиновый лист на ветру, сердце билось гулко и пугающе сильно, сотрясая грудную клетку, ноги отказывались двигаться, сам он косился в сторону возникшей угрозы, не предпринимая попыток для ее отражения. Однажды он случайно увидел себя в стеклянной витрине магазина и испугался.

Я похож на безумца, - подумал он и устыдился.

После этого Ламбровский решил взять себя в руки, не прибегая к успокоительным средствам. Он снова вернулся к визуализации. Четко представил себе картину совершеннейшего счастья: он идет по берегу реки, рядом с ним Ксения... или девушка, очень похожая на нее, он держит на руках маленькую девочку, точную копию жены. Они загребают босыми ногами песок, смеются, он прижимает к себе любимую, прячет лицо в ее густых каштановых волосах, наполняет легкие ее запахом, словно погружает ее в себя и... парит от счастья...

Со временем визуализация перестала действовать. Возможно потому, что образ любимой и единственной был расплывчатым. Арик не мог представить себе женщину, с которой он мог быть счастлив. Ксения не в счет.

На смену притворной эйфории пришла апатия. Он безучастно взирал на серый мир, не выделяя цветных красок. Для него все было уныло. Аристарх, словно стоял на пороге

другого мира, вырвавшись из прежнего, где он не испытал желаемого счастья. Возвращаться он не стремился.

Наблюдательный Евлампий заметил состояние приятеля и постарался встряхнуть его. - Не знаю, поверил ли убийца в твой рассказ – исповедь, но ты сам точно уверился и подхватил страшную болезнь! Я понимаю, ты стал от невыносимого ожидания, но в этом случае надо самим действовать! – в голосе друга чувствовался упрек. – Проснись, Арик! Ты Здоров! – Попытался внушить он и у него не сразу, но получилось.

Ламбровский очнулся и, именно, тогда предложил заняться поиском женщин, мечтающих о замужестве.

Каждый вечер после спектакля, Аристарх провожал Тамару домой. Вступившая, наконец, в свои права весна располагала к прогулкам и... чувствам. Скрипач, будучи человеком творческой профессии и прошедшим школу поэзии и прозы, был переполнен стихами. Своими собственными и классиков. Однако декламировать он мог лишь в том случае, если девушка выпадала из поля его зрения. Читать стихи «борцу сумо» у него не получалось. В связи с этим, он устремлял взгляд вдаль и цитировал лирику. Как только девушка вступала и начинала восхвалять поэта и чтеца в одном лице, путаясь, чьему перу принадлежит прочтенное произведение, состояние полета покидало Ламбровского. Он приземлялся и переходил от концерта к торжественной части с деловыми речами. Все, как в старые советские времена, только с рокировкой. Аристарх начинал обсуждать игру музыкантов своего оркестра, медленно перемещаясь к заинтересованному объекту. Он давно понял: если ты хочешь узнать «истинную» правду о подруге твоей собеседницы, скажи несколько комплиментов в ее адрес. Много усилий это не потребовало, несколько восторженных слов в адрес Зои, и волна прикрытого негодования сливалась с желанием поделиться «наболевшим». Не потому, что в душе поселилась зависть, просто «назрела необходимость излить душу хорошему человеку, который умеет хранить тайны». Так объяснила свою разговорчивость собеседница.

Таким проверенным способом Ламбровский выпытал «ценные сведения». Ему было доверительным тоном сообщено, что Зойка ужасная неряха и грязнуля (перед глазами Арика сразу встала горемычная Федора, от которой сбежала вся кухонная утварь). Естественно у такой нерадивой хозяйки место проживания - квартира, оставленная родителями, перекочевавшими в пригород, - находится в ужасном состоянии. При этом «близкая подруга» закатила глаза, будто ее заставляли находиться в таких нечеловеческих условиях двадцать четыре часа в сутки.

- И как Зойка не понимает, что пригласить молодого человека в ЭТОТ дом просто стыдно! – с чувством сказала она, словно желающие стояли в очередь. Задумчивое лицо Ламбровского подвигло ее на дальнейшие откровения. Теперь Тамара перешла на внешность подруги. - Да, и, вообще, какой нормальный мужчина взглянет на это костлявое пугало с большими ушами. А глаза? Ввалились, как у заморенного голодом каторжанина. А руки? Не руки, в две ветки, как у снеговика. А ноги?

- Не ноги, а ходули, - неожиданно проложил писатель, включившись в обрисовку образа виолончелистки.

- Точно! – обрадовалась ожидаемой поддержке Тамара. – Сам понимаешь, не Зойка, а один большой недостаток. Без единого достоинства! – С нажимом произнесла она, отсекая последнюю надежду мужчины найти положительные стороны у ее подруги.

- Бедная девочка, - покачал головой Арик. Заметив замершую в позе непонимания Тому, которая решила, что поклонник уверенно перешел на ее сторону, он поспешил пояснить свою жалость, - ей, наверное, очень хочется создать счастливую семью, - и добавил сочувственный вздох.

Тамара быстро пришла в себя.

- Кому же этого не хочется, - поддержала она, колыхнув тяжелой грудью, и пригладила свою мальчишескую стрижку, которая не могла растрепаться даже при сильном урагане. Освобожденное от недовольства лицо, престало в новом свете: мужчина успел заметить

огромные блюдца - глаза, отразившие тяжесть одиночества, и обиженно надутые губки, тронутые сиреневым блеском. Руки женщины крепкого телосложения удивили длинными тонкими пальцами с прелестным интеллигентным колечком, блеснувшим капелькой - бриллиантом.

Только теперь Ламбровский обратил внимание на наряд Тамары. Она умело спрятала свои телеса в брючный костюм-разлетайку цвета темной оливы, поверх которого было надето черное пальто, полы которого были соединены всего одной пуговицей.

Аристарх приветствовал в женщинах интеллигентность без перебора и умение показывать то, что можно показать. Тамара разбудила в нем дружескую заинтересованность, он устыдился скрытого использования ее в своих целях и поспешил высказать комплимент.

- Тома, ты сегодня великолепна! – искренне заявил он. Та забыла недавнюю обличительную речь, отмахнулась от личной неустроенной жизни, зарделась и кокетливо произнесла.

- Спасибо, Арик, мне очень приятно, - и прихватила его под руку, посчитав комплимент, как призыв к действию. Мужчина понял, что с комплиментом поспешил, но руку вырывать не стал, не желая в глазах дамы съехать с пьедестала, на который она его воздвигла несколько минут назад.

Он снова попытался вернуться к торжественной части, но щебетание птиц и неповторимый запах пробуждающейся от спячки природы заставили его замолчать. Они, молча, шествовали по парку. По тому самому парку, где несколько лет назад убили Ольгу Кашкину. Лирический настрой в душе не желал уступать место прозе жизни, но это сделала Тамара.

- Жалко, Олю, - прошептала она, когда пара проходила мимо старой сосны. Они покосились на хвойное дерево с осуждением, как на свидетеля, который не пожелал выступить на суде и поведать, что же произошло поздним осенним вечером.

- Тома, ты не знаешь, у Оли были враги?

- Не знаю. Хотя, она была такая язва, прости господи что я так говорю о покойной, поэтому не удивлюсь, если кто – то поимел на нее зуб. – виолончелистка покосилась на Аристарха. – Например, ты. Она так открыто домогалась тебя, что любой на твоём месте убил бы ее.

- Я не способен на убийство, - вяло отозвался Ламбровский.

- А... твоя подруга не способна... на устранение соперницы? – сбивчиво спросила Тамара.

- У меня нет подруги, – искренне заверил Аристарх.

- Как нет? – удивилась она. – А я тебя видела вместе с одной девушкой в кинотеатре... Такая... тоненькая... статуэтка с короткой стрижкой. – старательно подобрала она определение, но при этом так скривилась, будто на самом деле рядом с Ламбровским была замечена не статуэтка, а чудосочное страшилище.

Он догадался, о ком идет речь, но пускаться в объяснения не стал.

- Насколько я знаю, Зоя и Ольга Кашкина были подругами? – переключился на нужную тему Арик с нарочитым безразличием.

- Ты, как музыкант, знаешь, что колебание реальной струны и излучаемого ею звука похожи на график синусоиды. – занудным голосом произнесла Тома, словно читала лекцию. Чтобы напомнить единственному слушателю график синусоиды, она повторила рукой волнение моря. Слушатель недоуменно проследил за движением руки, ожидая скорейшего перехода от теории к практике. - Именно, в форме этого графика записана информация, которую переносит звук. Форма кривой отличает звуки одинаковой частоты, взятые на разных музыкальных инструментах.

- Том, ты показываешь свою эрудицию или пытаешься ответить на мой вопрос? – не выдержал Аристарх.

- И то, и другое, - улыбнулась девушка. – Ольга с Зойкой то катились с одинаковой частотой, совпадая по фазе, в этом случае они были «не разлей вода», то происходил сбой, и фазы не совпадали. Тогда они становились заклятыми врагами. Ровных отношений между ними никогда не было.
- Из-за чего они ссорились?
- Правильнее спросить из-за кого? – прищурившись, намекнула Тамара.
- Неужели я был причиной их вражды? – удивленно протянул Ламбровский. – Ну, с Олей все понятно, а Зоя... Я не замечал интереса с ее стороны.
- Не знаю, можно ли назвать ее отношение к тебе интересом... Мне казалось, что она просто хочет перейти дорогу подруге. Если бы Кашкина заинтересовалась Бобиком, то и другая переключилась на него, - объяснила девушка.
- Следует ли расценивать это, как безразличие подруг к моей неотразимой персоне? – голосом бравого гусара спросил Аристарх. – А их интерес вызван всего лишь соперничеством?
- Про Кашкину не скажу, не знаю, а Зойкой движет элементарная зависть. Она боялась, что Оля первая устроит свою личную жизнь. Этого она допустить не могла. Поэтому находила повод рассориться с подругой, и начинала по углам «поливать ее грязью», надеясь, что информация достигнет твоих ушей, и ты возненавидишь Олю...
- Она... могла расправиться с подругой?
- Болтать гадости о подруге и пойти на преступление это не одно и то же. – Тома задумалась, а потом заявила. – Зойка не способна на убийство. На мелкие пакости – да... Но затеянный разговор внес в ее мысли сумятицу.

Ольга Кашкина была изнасилована и убита. Не могла ли Зоя натравить психически неуравновешенного человека на подругу, желая устранить Олю, когда поняла, что ее попытка заинтересовать Ламбровского дает результат. Они стали вместе уходить после спектакля и выглядели, как влюбленная парочка. – подумала Тамара. - Или у Зойки появился тайный обожатель, готовый ради нее на все?.. Зоя и ее обожатель! – Мысленно посмаковала она и сделала вывод, что обожатель в реальной жизни не существует, в противном случае невоздержанная в эмоциях особа не удержалась и растрезвонила о нем на весь белый свет...

Мысли Тамары и Аристарха текли по одному руслу. Он тоже подумал о существовании поклонника Зои, захотел представить его, но у него это плохо получалось. Почему – то мужчина... походил на человека – амфибию, некое земноводное, которое никак не хотело вылезать из воды. Оно плавало в аквариуме с грязной болотистой водой. Иногда лицо приближалось к стеклу, Ламбровский вглядывался в него, пытаясь уловить знакомые черты. Ему казалось, что человек – амфибия похож... на Синявского...

Евламий Бобик усердно «ухаживал» за виолончелисткой Зоей, сам поражаясь своему терпению и выдержке. Иногда у него возникало странное желание придушить ее, но он заверял себя, что скоро все закончится, и продолжал изображать если не влюбленного мужчину, то заинтересованного это точно. Зоя активно отвечала на его робкие ухаживания, которые сама и провоцировала. Она закатывала глазки, облизывала губы, словно сдабривала почву для поцелуя. Поцелуй переносился на неопределенный срок. Зоя растягивала губы в улыбке и преданно смотрела на Евлампия. Тот на намеки не реагировал, но не скупился на комплименты даме, чтобы та не сбежала, окончательно разочаровавшись в странном кавалере. В общем, держал ее на поводке, причем жестком. Поводок не позволял перейти дозволенные границы, установленные самим кавалером. Комплименты были угловатыми и пространными. Так можно похвалить стол за его вместимость или стул за его удобство. А что мог сказать мужчина женщине, у которой нет видимых достоинств, одни недостатки. Природа наделила ее скверным характером и непривлекательной внешностью. В общем, отыгралась по полной программе. У Бобика невзрачные девушки вызывали чувство жалости, как дети, обделенные заботой и

вниманием. Ему хотелось погладить несчастного человека по голове и угостить пряником. Угощать пряником Зою желание не возникало: жалость могла быть воспринята, как сигнал к началу более серьезных отношений.

Ради приятеля Евлампий пошел на жертвы. Он не только находился наедине с девушкой по два часа на дню, но однажды решился прикоснуться к ее руке, что было расценено как угощение пряником. Она тут же ухватила парня под руку своими цепкими пальцами, но он извернулся и быстро ретировался, сославшись за неотложное дело. Бобик надеялся, что на следующий день он будет более осторожным и не даст повода для сближения.

- Эта последняя жертва на алтаре нашей дружбы, - каждый раз заявлял Евлаша, возвращаясь с вечерней прогулки с Зоей. - Знаешь, Арик, когда она обсуждает знакомых, а она это делает постоянно, я боюсь, что она захлебнется своей желчью! Более противных и завистливых дамочек я не встречал.

- Тома тоже утверждает, что Зоя - завистливое создание.

- Это мягко сказано... - простонал Бобик. - Она обсудила всех музыкантов нашего оркестра, невзирая на половую принадлежность и возраст.

- Наверное, девушка очень несчастна, оттого и злится, - с сочувствием в голосе произнес Аристарх.

- Нашел, кого жалеть! - возмутился Евлампий. - Я не могу с ней больше общаться! Боюсь заразиться от нее вредностью!

- Ладно, не общайся, - милостиво разрешил Ламбровский.

- Не волнуйся, Арик, я не оставлю ее без присмотра. Мнение о других людях она высказала, теперь я желаю узнать мнение о ней ее знакомых, - многозначительно сказал он.

- Но я разговаривал с Тамарой, она подтвердила твои догадки...

- Нет никаких догадок! - разозлился Бобик. - Мы пока не знаем, способна эта желчная девица на убийство или нет?

- Тома сказала, что не способна.

- Нам нужны доказательства, а не голословные заявления! Возможно, все ограничивается критическими замечаниями, а возможно... она себя разжигает, чтобы решиться на... преступление! - заговорческим тоном произнес Евлампий.

- Что ты предлагаешь? - подобрался Аристарх.

- Для начала мы должны узнать, с кем Зойка общается вне стен театра. Так сказать, очертить круг ее знакомых и найти среди них человека, который может пойти ради нее на... убийство.

- Думаешь, такой человек существует? - недоверчиво поинтересовался Ламбровский.

- Пока не знаю, - задумчиво ответил друг. - Мы это выясним! - более уверенно сказал он. Иногда между людьми складываются дружеские отношения не по причине симпатии, а по общности взглядов. Кому - то эта девушка интересна! Кому-то интересно выслушивать ее мнение о знакомых.

- Мне любопытно посмотреть на группу таких единомышленников... Вдруг они создали партию «Желчных людей», а Зойка у них лидер. - выдал Арик.

- Здорово придумано! - похвалил его приятель. - Члены этой партии завидуют всем, особенно талантливым и гениальным в любой сфере деятельности. Как только они узнают о таком человеке, то сразу собирают съезд и решают, как избавиться от этого гения или как доказать, что на самом деле он - ничтожество! - Евламп сделал многозначительную паузу, словно сам стоял на трибуне съезда и ожидал аплодисментов. Не дождался и, сдерживая рвущееся из груди ликование от внезапно родившейся идеи, загадочно произнес, - поэтому я перехожу в подполье. Отныне я веду слежку за Зоей и беру на заметку все ее окружение.

- Может, она ведет замкнутый образ жизни, - выдвинул свою версию Ламбровский. Лидером партии он Зою представить не мог, хотя, сам выдвинул подобное

предположение. Но он всего лишь хотел повеселить «закишшего» друга, уставшего от ухаживаний за неприятным ему человеком.

- В этом тоже надо убедиться! - поставил жирную точку в диалоге Бобик...

Усилиями Аристарха Евлампий из привлекательного молодого мужчины превратился в старичка с палочкой. Но гениальная идея перевоплощения принадлежала самому Бобику. На его голове появилась старомодная шляпа, позаимствованная у Василия Федоровича, у него же был экспроприрован плащ-макинтош из непромокаемой прорезиненной ткани, непонятным образом сохранившийся в его гардеробе. Ламбровский-старший вопросов не задал, просто поделился имуществом. Сын удивился нелюбознательной отрешенности отца, даже испугался, не болен ли тот, но здоровый внешний вид успокоил и порадовал.

Процесс перевоплощения проходил в квартире Бобика. Он оценил новый облик перед зеркалом.

- Не совсем удачный образ, - заявил он. – Если Зоя пойдет быстрым шагом, то я буду вынужден тоже прибавить скорость, и мое инкогнито раскроется. – Он повертел в руках палку, затем отбросил ее в сторону. – Лучше я обойдусь без нее.

- Без палки ты похож на шпиона из старого фильма, - сказал Аристарх, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

- А с палкой на молодого актера, которому поручили играть роль старика.

- Поступай, как знаешь...

- Я не хочу ее брать, она будет отвлекать мое внимание.

- Мы слишком много времени уделяем этому предмету, - Ламбровский кивнул на палку.

- Ты прав... Значит так, завтра ты скажешь в театре, что я приболел. Когда репетиция закончится, я буду стоять в засаде. Я специально перенес операцию на завтра, потому что нет спектакля. Зойка может расслабиться и надумает отправиться по своим делам. Или на встречу с единомышленником!..

На следующий день девушка вышла в числе первых покинула здание театра музыкальной комедии и решительно повернула направо.

- Не домой! – заключил осведомленный в привычном маршруте Евлампий и последовал за ней параллельным курсом по другой стороне улицы.

Зоя прибавила шаг и села в автобус. К этому наблюдатель был не готов. Но быстро сориентировался, остановил такси, приказал развернуться и ехать за автобусом.

Немолодой водитель усмехнулся в роскошные усы аля – Буденный, любовно растянул их в стороны и взялся за руль.

- За женой следишь, - констатировал он со знанием дела. Бобик кивнул.

Через две остановки Зоя вышла из автобуса, достала из сумки мобильник, произнесла несколько слов, расслышать которые Евлампий не успел. Затем сунула телефон в карман и медленным прогулочным шагом двинулась по тротуару. За ней на значительном расстоянии шел преследователь в надвинутой до самых бровей шляпе и мешковатом макинтоше. Плащ доходил Бобику до щиколоток. Создавалось впечатление, что мальчик надел плащ отца и изображает вражеского шпиона. И тут он пожалел, что не взял палку. С ней он выглядел бы более естественно: пожилой человек в макинтоше времен его молодости спокойно прогуливается по улице. Хорошо, что Зоя движется, как черепаха, - порадовался про себя Евлампий, - скорее всего, до встречи есть время.

Девушка остановилась возле рекламной тумбы, Бобик осмотрелся, заметил скамейку и уселся на нее, не забыв покряхтеть при этом. Шляпа была на пару размеров больше объема головы Евлампия, поэтому норовила все время съехать на глаза. Он решил сдвинуть ее на затылок, лицо молодого мужчины открылось миру и заинтересовало девочку лет пяти - шести, сидящую на той же скамейке в обществе матери, без умолка болтающую по мобильному телефону. Девчушка передвинулась поближе к Бобику и заговорщицким тоном поинтересовалась.

- Дядя, Вы играете в наших и чужих?
- Как это? – поперхнулся Бобик.
- Ну, в разведчиков и шпионов! – шепотом доложила он и с осторожностью коснулась его потертого макинтоша. Поводила по нему рукой, будто проверяла на гладкость, и с чувством заявила, – здорово! Я тоже такой хочу! А у Вас, случайно, нет еще одного, но меньшего размера?
- Нет! – отрезал Евлампий и передвинул головной убор на лоб, скосив глаза на Зою. Та продолжала изучать афишу на тумбе.
- Жаль, - вздохнула девчушка, - мне бы он очень пригодился. Я почему – то всегда играю в команде шпионов, а у фашистов точно такие же плащи... Вот бы все наши во дворе обзавидовались! – Протянула она и снова погладила макинтош.
- Бобик наклонился в девочке и доверительным тоном сообщил.
- Не думаю, что это хорошая мысль бегать от наших в такой... примечательной и неудобной одежде.
- Но Вы же надели на себя этот плащик!
- И теперь сожалею об этом, - пожаловался он.
- Да? – удивилась девочка и хотела продолжить беседу, но ее мать, наконец, отвлеклась от телефонного разговора и громко призвала.
- Зоя, не приставай к чужим дядям!

Евлампий вздрогнул, услышав знакомое имя. Он даже сначала не сообразил, кому адресован призыв, и явил миру лицо, снова сдвинув надоевшую шляпу. Виолончелистка среагировала на свое имя и повернулась на зов. Взгляды Зои и Бобика пересеклись в одной точке, ударились и взорвали мир. Евлампий попытался удрать, но запутался в полах макинтоша и грохнулся оземь. Девушка мгновенно пришла на помощь: стала тянуть за рукав с такой силой, что «шпион» скрылся в недрах плаща. Тогда Зоя потрясла свободный рукав, заглянула внутрь и сказала призывное: Ау – у – у! Так дети прикладываются к трубе и слушают эхо. Девушка приложила рукав–трубу к уху и попыталась услышать отзыв. Кроме шуршания и возмущенного пофыркивания, она ничего не услышала. Не выпуская рукава из собственных рук, Зоя присела на скамейку, решив дождаться появления странного субъекта из недр макинтоша. Когда человек исчез из зоны видимости, его шляпа, не желавшая последовать за владельцем, совершила полет на тротуар. Девушка не поленилась, подняла ее и с интересом изучила, наморщив лоб.

- Испарился! – услышала она рядом взволнованно – обрадованный детский голосок. – Вот бы мне так научиться!

На скамейке замерли три грации: две взрослые и одна маленькая. Они взирали на «живой» макинтош с любопытством и нетерпением. Девочка повторила попытку Зои и громко произнесла в трубу – рукав:

- Дядя Шпион, выходите! Ваша карта бита!

Зоя посмотрела на молодую разведчицу с уважением.

- Надеюсь, он скоро появится, – еле слышно произнесла она и заглянула в рукав, словно «шпион» должен появиться отсюда.

- А, может, он все – таки испарился? – с надеждой поинтересовалась девочка.

- Не думаю, - задумчиво произнесла Зоя, - видишь, шевелится...

В это время макинтош начал движение от скамейки. Грации, как по команде, подскочили с насиженного места и, изогнувшись, будто боялись пропустить самое главное, стали перемещаться вслед за ним. Зрелище было не для слабонервных. А таковых в нашей стране немало. Ползущий по тротуару выдавший виды плащ привлек внимание общественности. Некоторые стали высказывать предположения, другие с уверенностью утверждали, что ЭТО инопланетянин, а на соседней улице стоит его летающая тарелка. Он, бедолага, потерял ориентир, и не может найти свой летающий объект, чтобы вернуть в родную Галактику. Особо впечатлительные заявляли, что это привидение. А одна бабка выдавала свою версию.

- Много столетий назад, в этом городе жил принц, который каждую неделю женился. – начала она завораживающим голосом, обводя придирчивым взглядом притихшую публику. Сосредоточенное внимание ей понравилось, и она с воодушевлением продолжила. - Все его жены умирали от сердечной болезни в первую брачную... Просто напасть какая –то... Прошло несколько лет. В городе осталась всего одна девушка подходящего возраста. Жители отдали ее принцу со слезами на глазах. Никто не надеялся увидеть ее наутро в живых. И, о чудо! Утром она появилась на крыльце замка. Одна. Без сопровождения мужа. - Где принц? Где принц? – хором затараторили горожане. - Он умер! – спокойным тоном заявила она.- Как? Как это умер?- Как и все его жены. От сердечного приступа, который последовал за неудержимым весельем... Как оказалось, в первую брачную ночь принц своеобразно начинал любовные игры, а именно щекотал своих жен, те заливались от смеха, просили пощады, но он продолжал глумиться над каждой из них до тех пор, пока они не умирали на его руках. Последняя жена не боялась щекотки и стала сама щекотать принца, тот зашелся смехом и... умер.

Бабуля, поведавшая народу притчу, сама была такой старенькой, будто вышла из той эпохи и едва спаслась от смерти.

- Какая связь между Вашим рассказом и ... этим привидением? – раздался голос, принадлежащий представителю мужчине в очках, который явился преградой для дальнейшего перемещения макинтоша.

Зоя бесцеремонно отодвинула «представительного». Макинтош продолжил путь, но вопрос не остался висеть в воздухе.

- Так это же принц! – объяснила бабуля, кивая на движущийся предмет.

- Это? - удивился нестройный хор, в котором солировали женские обеспокоенные голоса.

- Да! – без раздумий подтвердила бабка. Ее уверенность передалась окружающим. Незамужние девицы попятились. Старушка заметила это и заявила, - это вы, девки, правильно делаете, что сторонитесь. Не ровен час, он вас начнет щекотать!

Зойка засомневалась: правда ли, что она видела Евлампия Бобика или это был принц – убийца, как две капли воды похожий на скрипача.

- Это его предок! – вслух «догадалась» она.

- Чей? – заинтересовалась задумчивая общественность, а громче всех бабуля– рассказчица.

Зойка поспешила поделиться. Она рассказала, что успела рассмотреть мужчину, пока он не «провалился» в недра макинтоша. И этот принц очень похож на ее знакомого.

- Но у принца не было детей! – интеллигентным гнусавым голосом заявил очкарик.

- Почему? – спросила недогадливая толпа.

- Все его жены... погибали, - пожал он плечами, удивляясь несообразительности окружающих.

- Но последняя жена выжила! – вырвалась в лидеры людской массы виолончелистка. – И родила сына! – Она кивнула в сторону продолжавшего перемещения макинтоша. Сегодня люди верили любому слову, высказанному уверенным голосом.

Конечный пункт движения был интересен всем, но незамужние девушки, включая Зою, поспешили удалиться, чтобы не стать жертвами отпрыска принца...

Как только голос виолончелистки стих, макинтош замер, затем совершил движение задним ходом, и из недр верхней одежды появились ноги, потом попа, за ней туловище, а после голова с глубокими залысинами. Нечто опустилось на плащ, словно боялось расстаться с ним. Мужская толпа, разбавленная женщинами пенсионного возраста, дружно выдохнула и попятилась.

- Точно, принц! – констатировала бабуля, наклонившись над освободившимся от макинтоша человеком и внимательно изучив его красное перепуганное лицо. Она была единственной, кто остался рядом. Толпа поняла, что потомок принца настроен доброжелательно и снова приблизилась к нему.

- Я Евлампий Бобик! – дрожащим голосом сказал «принц», взирая на окружающих снизу вверх.

- Бедняжка, - пожалела его женщина лет шестидесяти и погладила по голове. – Ты потерялся? А где твой хозяин? – Просюсюкала она.

- Перерождение поколения убийц в собак, - выдал интеллигентный очкарик. – Интересная эволюция...

- Я не собака, - сдерживая рыдания, опроверг заключение Евлампий, - я скрипач!

- Он из цирка сбежал! – хмыкнул мордастый парень в рабочем комбинезоне. – Человекообразная говорящая собака только в цирке бывает. Там ее и на скрипке научили играть. – Для пущей убедительности он изобразил, как надо водить воображаемым смычком по воображаемой скрипке.

- Надо его вернуть в цирк! – призвал к решительному действию мужчина с видом профессора, который минут пять изучал необычное явление через лупу. Даже заставил Бобика открыть рот и протянуть жалобное: «а – а - а». – Или лучше отвезти его в больницу? – засомневался он.

- В какую больницу!?! – встрепенулся мордастый. – В человеческую или ветеринарную? Вопрос озадачил всех присутствующих. Начались споры, люди отвлеклись от объекта спора, а тот на карачках, вылез из толпы и дал стрекача...

Когда спорщики пришли к консенсусу, то заметили на тротуаре один неподвижный макинтош и серую шляпу...

После всех трагических событий Евлампий слег с температурой. Он не поделился с Аристархом своими злоключениями. А по городу поползли слухи. Странная история о появлении наследного принца взбудоражила весь город. Люди передавали ее из уст в уста, она множилась событиями и приукрашивалась страшными подробностями. В итоге полиция усилила патрулирование по вечернему городу, а озабоченные мамы перестали выпускать на улицу девиц на выданье...

Театр тоже гудел. Тетя Зина пребывала в расстроенных чувствах, поэтому с утра была пьяненькой. Такое состояние борца за чистоту было вызвано непониманием: как виолончелистка Зойка оказалась в центре событий, и почему она, а не всезнайка Зина, является носителем информации!?

Уборщица сторонилась сборищ, где обсуждали потомка принца – губителя собственных жен, но, проходя мимо, все же прислушивалась и ловила отдельные реплики. Так ее привлекла фраза, что мужчина, получивший скромное имя Принц, как две капли воды похож на Евлампия Бобика.

- Я видела его своими глазами, но потом он быстро исчез... в макинтоше. – доказывала благородному собранию Зоя. Присутствующая молодежь не знала такой верхней одежды и попросила объяснения. Виолончелистка не отличалась красноречием, поэтому несообразительные слушатели приняли макинтош за скафандр.

- Может, это был пришелец с другой планеты, - с благоговением в голосе выдвинула свою версию молоденькая скрипачка. Чем было вызвано благоговение, никто не понял, но улыбка на устах дивы не понравилась молодому работнику сцены, который был тайно влюблен в девушку.

- Поймать бы его, да хорошенько наkostenить! – с угрозой в голосе заметил он, не сводя осуждающего взгляда со скрипачки. При этом парень постучал кулаком – кувалдой по собственной левой ладони.

- Где, уж, тебе, - усмехнулась дива. – Он... такой... такой, - она воздела руки небу, развернув их ладонями вверх, словно призывала небесное чудо явиться сию минуту в фойе театра.

Вдохновение скрипачки передалось всей женской массе. Они воззрились на потолок с лепниной и шевелили губами, призывая потомка осчастливить их своим присутствием.

- Массовый психоз! – злобно заключил работник сцены, но уходить не спешил.

Не поддавшись общей медитации, он одним из первых уловил движение со стороны входной двери, которая со скрипом отворилась. В здание театра вошел замотанный в шарф Евлампий Бобик. Одновременно с этим раздалось просительное «Приди!», вырвавшееся у одной из фанатичных женщин.

Взгляды толпы сместились в сторону вновь прибывшего.

- Он?! – прорезал настороженную тишину тот же голос, что взывал к пришествию.

Вопрос был, естественно, обращен к Зое, как к главному свидетелю недавнего происшествия в центре города.

- Н... не знаю, - заикаясь, ответила та, приближаясь к скрипачу мелкими шажками.

Девушка внимательно изучила его беспокойное лицо. Для более углубленного изучения привстала на цыпочки, рассматривая залысины, после присела и стала прожигать взглядом выбритый подбородок. Затем перешла на одежду мужчины, расстроено заметила отсутствие макинтоша и вынесла окончательный вердикт, вложив накопившееся за всю прожитую жизнь разочарование:

- Не он!

Волна возмущения прокатилась по толпе.

- Жаль, - коротко изрек работник сцены и повторил ранее показанный жест физического воздействия на Принца.

- Что здесь происходит? – вмешался подошедший Аристарх. – Зоя, ты опять «воду мутишь»? – История достигла его ушей накануне. Он догадался, кто «исполнил» роль потомка принца, но не стал допытываться вопросами и без того расстроенного приятеля.

- Ничего я не мутю, тьфу, не мучу... - скривилась девушка. - Я делюсь с подругами своими душевными переживаниями. – Она плавно провела рукой, указывая на толпу за ее спиной. Оказалось, что подруг в театре у нее человек тридцать, и к этой категории относится немало мужчин.

- Поделилась? Тогда пошли на репетицию, - деловым тоном призвал Ламбровский, почувствовав себя руководителем оркестра.

- Слушай, Арик, я тебя таким... напористым никогда не видел! – восторженно прошептал Евлампий и заставил приятеля покраснеть.

- Должен же кто-то защитить тебя от нападок, - так же тихо ответил тот и подмигнул...

На sleжку за Зоей Бобик теперь отправлялся в своей обычной одежде, но шел на значительном расстоянии. Сегодня в театре был выходной день, он целый день проторчал у ее дома, проголодался и продрог, несмотря на ласковое весеннее солнышко.

Когда на город опустились заманчивые сумерки, Бобик решил, что день прошел впустую. Он мечтал о родном доме, о горячей ванне с пушистой пеной, в которой он устроится с книгой в руках и забудет обо всех неудачах.

Но мечты испарились, едва из дверей подъезда показалась Зоя. Он забыл о мечтах, подобрался, как гончая, взявшая давно потерянный след.

Девушка шла бодрой походкой отдохнувшего на день человека, чего не скажешь о Бобике. Рассматривать окружающие красоты он не успевал, боясь выпустить объект наблюдения из поля зрения. Когда объект остановился, Евлампий осмотрелся и только сейчас понял, где они находятся. Место было ему знакомо. Он покосился на здание, пробежал глазами по освещенным окнам, за которыми несли круглосуточную вахту труженики печатного слова. Зоя стояла перед редакцией газеты «Пламя» под фонарем уличного освещения и не спускала глаз с входной двери.

- Очень интересно, - протянул Евлампий и укрылся за толстым стволом дерева. Не удержался, набрал знакомый номер и доложил другу.

- Хотелось бы узнать, кого она ждет? – протянул Аристарх.

- Скоро узнаем! – обнадеживающе пообещал Бобик и отключился.

Прошло минут пять, а уставшему наблюдателю показалось, что не менее часа. Ему снова захотелось позвонить Ламбровскому и высказать свои предположения, чтобы

развлечься и взбодриться. Он вытащил мобильник из кармана, но... сразу спрятал назад. Из дверей редакции показалась Олеся Бондарь. Она подошла к Зое, девушки радостно поприветствовали друг друга, перекинулись парой слов и пошли по улице. Бобик очнулся, когда они свернули за угол.

- Открытия нет конца! – философски произнес он, словно каждый день наблюдений приносил плоды. Встрепенулся и последовал за ними.

Путь их был недолог. Девушки зашли в кафе под названием «Пеликан».

Заведение было построено во времена расцвета социализма, когда стали модными так называемые «стекляшки» - «аквариумные» строения из стекла и металлических уголков, обшитых по основанию стальными листами высотой не более метра. Сидящие в таком «аквариуме» посетители ходили на экзотических рыб, которые своим поведением копировали людей. В далекие времена люди-рыбы собирались в проверенном составе – по трое - за круглыми столами на одинокой ножке и беззвучно открывают рты. Иногда они в эти рты что-то вливали, морщились и забрасывали нехитрую закуску.

Воспоминание отчетливо врезалось в память Евлампия.

Задушевная атмосфера забегаловки манила проходящих мимо трудящихся. Особенно по пятницам, в дни зарплаты и аванса. Народ валил сюда валом, все столики были заняты. «Аквариум» заполнялся папиросным дымом, который напоминал Бобику действо на эстраде. В то время было модным стоять с микрофоном в руке и погружаться в искусственный пар, просачивающийся из кулис. Евлаша не был участником застолий, но ему нравилось стоять за стеклом и наблюдать за людьми-рыбами...

Нехитрое сооружение советской архитектуры под названием «Пеликан» было напомажено и приукрашено, дизайнер поработал над внутренним убранством: теперь здесь стояли небольшие прямоугольные столы с наброшенными веселыми скатертями и стулья. На радость Евлампия огромные окна сохранились с прежних времен, хотя, и были задрапированы голубым капроновым тюлем. Даже приглушенный свет не мешал дальнзоркому наблюдателю увидеть, как девушки приблизились к столику, за которым их поджидал мужчина. Он встал, по очереди чмокнул обеих дам и позвал официанта. Евлампий снова видел перед собой людей-рыб из далекой молодости. Читать по губам Бобик не научился, поэтому просто стоял и смотрел.

Возраст обеих девушек колебался у цифры тридцать, а мужчине было не более двадцати пяти. Но его прикид, который успел оценить Бобик, сбавлял ему годков пять. Инфантилизм и вызов обществу, - так он определил стиль одежды приятеля Зои и Олеси. Излишне обтягивающие джинсы черного цвета и бесформенный длинный свитер с рисунком на груди. Изображение заинтересовало Евлампия, он осмелился приблизиться на минимальное расстояние. На свитере изгибался в страстной игре на гитаре рок – музыкант, на голове которого волосы под действием драйва встали дыбом.

- Ничего себе! – то ли восхитился, то ли осуждающе удивился Бобик, не сводя взгляда с парня. – Станный субъект... Интересно, кому из девушек принадлежит это создание?

Зайти в кафе Евлампий не решился. Заведение было небольшим, и любой новый посетитель сразу обратит на себя внимание присутствующих.

Единственно, что он мог сделать – достать фотоаппарат и запечатлеть на нем троицу...

Через час папарацци устал наблюдать за людьми, с азартом поглощающих пищу. Блюда сменяли друг друга, а голодный Бобик слушал симфонию, исполняемую собственным животом. Когда подошел момент заключительной части музыкального произведения или на языке музыкантов – коды, желудок свернулся узлом и взвыл, повторяя все требования окончания: стремительность, напор и господство... голода. Округа огласилась внутриутробным завыванием. Бобик не выдержал страданий и потрусил домой.

По дороге он оправдывал себя и мысленно обращался к Аристарху, заверяя его, что уже завтра отпечатанные снимки будут предъявлены ему для опознания...

- Я не знаю этого человека, - задумчиво сказал Ламбровский, изучая фотоснимок.
- Посмотри еще разочек, - канючил Евлампий. – Может, видел его в редакции... Или еще где – то...
- В редакции точно не видел. А на улице... Не знаю... Мало ли людей проходит мимо.
- В театре таких индивидуумов тоже нет, - загрустил Бобик.
- Можно подумать, что ты всех знаешь! – торопливо добавил Арик.
- Конечно, если бы это был не мужчина, а женщина, я бы уверенно заявил, что не знаю ее. А мужчины не привлекают моего пристального внимания.
- А женщины, значит, привлекают, - недоверчиво протянул Ламбровский.
- На что ты намекаешь? – нахмурился Евламп.
- Насколько я знаю, тебя интересует только одна женщина. Ксения Белкина. – с душевным надрывом произнес он.
Друг уловил странную тональность в голосе и удивленно посмотрел на него.
- Тебе она тоже нравится? – спросил Бобик, изучая лицо друга, который искусно прятал свои эмоции.
- Я жалею, что у нее нет сестры – близняшки... - нашелся он, мысленно отругав себя за неосторожное высказывание. – Представляешь, ты бы женился на Ксюше, а я на ее сестре!
Евлампий замер, потом проверил работу комбайна на собственной голове. Картина была удручающей. Уборка шла без выходных и перекуров.
- Ты... Ты... - не подобрал слов и умолк.
- Я свинья! – догадался Ламбровский.
- Нет, я не то хотел сказать. Ты... - он снова замолчал. При этом вид у него был ошеломленный, словно он услышал новость, которую знал, но не ожидал услышать ее от другого человека. – Ладно, проехали, - устало произнес он.
Они вернулись к снимкам в кафе «Пеликан».
- У меня родилась умная мысль! – усмехнулся Евлампий. – Я приглашу Зою на ужин в это самое кафе и посмотрю на ее реакцию. Она девушка невоздержанная на выдачу информацию, обязательно обмолвится, что уже была здесь. И не одна. Затем пара наводящих вопросов, и она, как миленькая, сдаст нам парня.
- Чего ты к нему прицепился?
- Не знаю, может, просто интересно узнать, какое он имеет отношение к двум девушкам... И имеет ли отношение к тебе...

Перед спектаклем Евлампий исполнил роль коварного соблазнителя: нежно коснулся губами щеки Зои и прошептал с придыханием.

- Я хочу поужинать с тобой, дорогая, - и снова приложился к зарумянившейся щеке девушки.

Начало фразы «я хочу...» понравилось виолончелистке, заставило сердце радостно заплодировать, но затем затормозить. Нет, оно не остановилось от разочарования, оно продолжало жить надеждой. После ужина они могут пойти к нему и... После «и» сердце заработало с новыми подачами крови, в основном в голову. Щеки наливались и наливались, словно созревали в ускоренном темпе под яркими лучами солнца. Ладони повлажнели, Зоя незаметно вытерла их об юбку и чмокнула Евлампия в губы. Тот от неожиданности отпрянул, невольно скривился, но вовремя смахнул неприятие с лица и многозначительно улыбнулся, чем окончательно добил вспыхнувшую от фривольных мечтаний Зою.

Игра на музыкальных инструментах сочеталась с игрой глазами виолончелистки, с вздохами Евлампия и с усмешками Аристарха. Блуждающая улыбка на устах девушки окончательно вывела из себя Бобика, он пожалел о придуманной затее, а по окончании спектакля призвал на помощь Ламбровского.

- Арик, ты должен пойти с нами! – приказал он.

- В кафе? Вместе с тобой и Зоей? - уточнил Аристарх и сразу резко возразил, не отставив другу надежды. – Ни за что! - И интимным тоном добавил. – Не хочу нарушать вашу идиллию.

Бобику ничего не оставалось делать, как... шагнуть в пропасть...

Ни свет, ни заря в квартире Ламбровского раздался требовательный звонок.

- Сейчас я его убью! - пообещал он, догадываясь, кто заявился в такую рань, и пошел открывать дверь.

Естественно, на пороге стояла одинокая фигура Евлампия.

- Арик, все зря! Зойка не призналась, что была в этом кафе с компанией. - приятель напрямик направился в кухню, заглянул в холодильник, оценил его содержимое, повернулся к хозяину, повторил, – все зря, - явно намекая на ненужность раннего визита по причине пустоты холодильника. Подумал, прихватил стаканчик йогурта и закрыл дверцу.

Аристарх автоматически нажал клавишу на электрическом чайнике.

- Успокойся, Евлаша, - пожалел он друга, - отсутствие информации это тоже информация.

- Сон про сон, не есть сон, - задумчиво произнес гость свою излюбленную фразу, взяв ложкой внутри стаканчика. Потом опомнился, – что ты хотел этим сказать?

- Я к тому, что Зоя явно хотела скрыть от тебя, что уже была в «Пеликане». И не одна, а в обществе мужчины! Это подозрительно. Как ты считаешь?

- Подозрительно, - согласился Евлаша, скребя ложкой внутри стаканчика.

- Или... она скрыла от тебя факт посещения «Пеликана» по иной причине, – с серьезным видом заявил он, но в глазах плясали чертенята, - боялась разбудить в тебе ревность!

- У тебя есть еще... соображения? – Голосом, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался Евлампий, разглядывая пустой стаканчик от йогурта и проверяя его на вес. Потом понял, что ударной силой он не обладает, увечий ироничному другу не нанесет и выбросил его в мусорное ведро.

- Есть! – быстро собрался Аристарх. - О том, что мы знакомы с Олесей Бондарь, Зоя, вероятно, осведомлена. Раз девушки общаются, значит, делятся секретами. Тем более у них разные объекты интересов и скрывать им нечего. – Он указал рукой на себя, затем на приятеля, будто играл в считалку.

- Ты имеешь в виду, что Олеся имеет виды на тебя, а Зойка на меня? – пораскинув мозгами, выдал Бобик, внимательно проследив за «счетом».

- Вы сегодня очень догадливы, - с сарказмом произнес Аристарх.

Евлампий не обратил внимания на сарказм.

- Вдруг она решила перейти дорогу подруге? Ты сам рассказывал, что она, как собака на сене...

- Тогда бы Зоя не проводила время с тобой, а переключилась на меня.

- А если она не знает о вашей дружбе с Олесей?

- Если не знает, то этим можно объяснить отсутствием интереса к моей персоне. Или... девушки настолько близки, что виолончелистка решила не переходить дорогу журналистке...

- Которая испытывает к тебе большое чувство, - продолжил Бобик. - Слушай, Арик, как ты думаешь, почему Олеся никогда не рассказала тебе, что в нашем оркестре играет ее подруга?.. Например, ты познакомился с человеком, не важно, мужчина это или женщина, он или она рассказывает о том, что работает в редакции газеты «Пламя». Твоя реакция?

- Я говорю, что у меня так работает одна знакомая, называю ее имя и интересуюсь, знает ли он ее, - сразу отреагировал Ламбровский.

- Молодца! – похвалил его Евламп. – Пять за открытость и болтливость!

- Мне скрывать нечего! – возмутился Арик. – Ну, есть у меня знакомая в этой редакции и что в этом плохого?
- Ничего, - успокоил его Бобик. – Если, действительно, нечего скрывать... А если, этот тип, с которым ты случайно разговорился... в поезде, ревнивый муж Олеси? Ты раскроешь правду о Ваших отношениях?
- Но... между нет никаких отношений!
- Допустим... И?
- Если между Олесей и мной существует связь, в этом случае я не стану рассказывать о своих похождениях первому встречному. И не потому, что не знаком с ее супругом. Я джентльмен. Женщине не надо волноваться, что наши отношения станут достоянием гласности.
- Ты гений! – с чувством сказал Евлампий. – Я всегда говорил, что ты гений! – Еще раз повторил он. Но пока убери нимб со своей головы... Победу праздновать рано.
- Ламбровский не понял, чему так обрадовался приятель, пригладил непослушные волосы, будто проверял наличие сияющего кольцевого облачка.
- Из всего вышесказанного я делаю следующий вывод: Зоя знакома с Олесей и почему – то скрывает это знакомство от нас. И Олеся скрывает свое знакомство с Зоей. Есть еще одна фигура в этом запутанном деле - парень, который был с ними в «Пеликане». Ни та, ни другая не упоминали его в разговоре. Значит, у них есть на то причина? Какая?.. Ревность с нашей стороны я сразу отмечаю, - поспешил он высказать свою точку зрения.
- Почему?
- Эти девицы относятся к той категории, которая мечтает с помощью ревности привлечь к себе внимание мужчины, который пока не решается перейти от дружеских отношений к более серьезным.
- Или этот парень родственник одной из них? – предположил Аристарх.
- Родственник, - задумчиво повторил Евлампий. – Эта версия мне нравится. – Они углубились в детальное сравнение лиц на фотографиях, пытаясь отыскать родственные черты между девушками и парнем. - Снимки не четкие, - разочарованно вздохнул Бобик, - да еще сделаны через тюль...
- Олеся никогда не говорила, что у нее есть брат.
- А она тебе рассказывала о своей семье?
- Нет, - покачал головой Ламбровский. – Только об увлечении альпинизмом, о работе в редакции... Олеся не такая болтливая, как Ольга Кашкина, которая только и делала, что жаловалась на свою семью...
- При упоминании убитой девушки им обоим взгрустнулось. Беседа плавно перетекла на воспоминания, а там, где воспоминания, там и разговоры о любви.
- Я боюсь сглазить, но в письмах Ксюши задора и пыла поубавилось. Сухие фразы о жизни разбавлены ностальгией. – поделился осторожной радостью Евлампий.
- Первый шаг на пути к возвращению, - расплылся в улыбке Ламбровский и хлопнул приятеля по плечу.
- Думаешь? – спросил тот, потирая ушибленное место.
- Уверен! Сейчас ты начинаешь играть первую скрипку. Приоткрываешь завесу таинственности, непрозрачно намекаешь на чувства, добавляя капельку ностальгической лирики. Кап! Потом открываешь занавес с видом фокусника, а за занавесом спряталась любовь! И снова: кап, кап! Ностальгия плюс любовь. В народе известна пытка капелью на темечко, поэтому не переборщи. Покапал и доволен. Переходи на бальзам. Будешь лить бальзам мелкими дозами на душевные раны. Пусть знает, что ЗДЕСЬ она не останется одинокой. ЗДЕСЬ ее ждет человек, который... В общем, сам знаешь.
- Мне легче выразить свои чувства игрой на скрипке, чем словами на экране компьютера.
- Если любишь, найдешь слова...

После спектакля Аристарх заметил странную суету и косые взгляды в его сторону. Складывалось впечатление, что все музыканты объединились в одно целое, а Ламбровского в это целое не приняли по непонятным причинам. Самое обидное, что ближайший друг и соратник Евлампий Бобик находился в центре назревающих событий. Аристарх терпеливо ждал, когда друг освободиться, и они пойдут домой.

Всю дорогу Евламп безумолку трещал, как акын поет свою незамысловатую песню: что вижу, о том и пою.

«Песенный речитатив» быстро наскучил Ламбровскому. Обида на окружающий мир, который не принял его в свои объятия, вылилась наружу в виду призыва.

- Помолчи, хоты бы, немного! - с горечью рявкнул он и уткнулся взглядом в тротуарную плитку. Причем сделал это с таким деловым видом, будто перед ним поставлена нелегкая задача – пересчитать кладку.

Евлампий споткнулся на полуслове и озадаченно посмотрел на приятеля.

- Арик, что случилось?

- Ни - че – го! Просто я один на целом свете! Я думал, ты мне друг, а ты...

- Ты... обиделся?

- Вправе ли я обижаться?! – напыщенным тоном произнес он.

- Ты обиделся, - перешел на трагический шепот Бобик.

Ламбровский не удостоил его ответа, посчитав неуместным дальнейшее выяснение отношений.

– Извини, если я тебя обидел, - раскаялся Евлаша, искоса поглядывая на расстроенного приятеля. - Но... я хотел... хотел, чтобы завтрашний день тебе запомнился на весь год. – пролепетал он.

Аристарх непонимающе уставился на него, даже отвлекся от тротуарного покрытия, хотя, еще минуту назад, считал этот визуальный осмотр более важным.

- Что... ты имеешь в виду? – с ужасом на лице спросил он. Сбивчивое объяснение не сулило ничего хорошего.

- Но... у тебя же завтра день рождения. Мы приготовили тебе сюрприз!

- Завтра? – удивился Аристарх, мысленно прикидывая, какое завтра число. Из-за всех переживаний он совершенно забыл о собственном дне рождения.

- Но только не проси меня поделиться секретной информацией! Я нем, как рыба! – Бобик прикрыл рот ладонью.

- Но у меня некруглая дата... Тридцать восемь лет... – он с трудом выговорил двухзначное число, которое стояло на пороге, словно на самом деле был ровесником века.

- Не грусти, - торопливо успокоил друг, - подумаешь, всего-то тридцать восемь! Когда тебе исполнится девяносто, ты будешь с ностальгией вспоминать молодые годы.

Он распрощался у дверей квартиры Ламбровского и поспешил к себе, боясь обронить лишнее слово.

Только Аристарх закрыл за собой дверь, как раздался звонок мобильного.

- Аристарх, мне нужна твоя помощь! – услышал он взволнованный голос Олеси Бондарь.

- Что – то случилось?

- Пока нет, но все возможно.... Спускайся вниз, я жду тебя в такси... Выйдешь со двора и увидишь серый «Рено».

- Иду!..

Ламбровский сразу заметил автомобиль и сидящую на заднем сидении Олесю. При его приближении девушка распахнула дверь.

- Садись! – мягко, но настойчиво пригласила она.

Аристарх подчинился.

– Это тебе! – сказала Бондарь с милой улыбкой и протянула упакованную в цветную бумагу небольшую коробочку в форму параллелепипеда. – Поздравляю с днем рождения!

Извини, что раньше времени, но думаю, завтра тебе будет... не до меня. – Она прильнула к его губам, задержавшись больше положенного времени. Поцелуй не был дружеским, и это обстоятельство не понравилось завтрашнему имениннику.

Мужчина отпрянул, автоматически приложился к губам, будто проверял, не осталось ли следов, и незаметным движением «смахнул» поцелуй. Девушка заметила пренебрежительный жест и напряглась. Затем перевела взгляд куда – то за спину сидящего рядом Ламбровского. Ему показалось, что она незаметно кивнула.

Аристарх заинтересовался и скосил глаза. В поле зрения попал молодой человек с букетом цветов. Он приблизился к автомобилю и наклонился к закрытому окну.

- Мужчина, купите цветы для своей девушки, - громко предложил он, выставляя на показ букет.

Ламбровский оглянулся на Олесю, та пожала плечами. Аристарх решил сделать ей алаверды, преподнести цветы, как знак благодарности за внимание к его персоне. Пусть и преждевременное.

Он открыл окно. Парень протянул букет.

Раздался хлопок...

И Аристарх погрузился во тьму...

Глава третья

Незапоздалое прозрение

Прозрение приходит изнутри
На пике немоты сердечных пауз,
И, вылившись в предчувствие зари,
Надежды поднимает рванный парус...
/ Alan Standar /

Я открыл глаза и увидел группу незнакомых людей: молодая красивая женщина, лысый, но довольно молодой мужчина, а с ними еще один, постарше, годившийся обоим в отцы. Я внимательно изучил лицо каждого. Только женщина мне кого – то напоминала. Ее имя неожиданно родилось в моей голове .

- Здравствуй, Вика! – поприветствовал я скрипучим голосом и попытался улыбнуться.

- Вика? – удивленно произнесли мужчины и воззрились на девушку.

- Почему Вика? – спросила девушка.

- Но тебя же зовут Вика, - пояснил я, абсолютно уверенный в этом.

- Меня зовут Ксения, - сказала она, заморожено глядя на меня.

- Ксения, - попробовал я на вкус ее имя, и оно мне понравилось.

С красавицей все более–менее понятно, я заинтересовался мужчинами. Но для начала решил представиться.

– Меня зовут... - начал я и сдулся. А как меня зовут? Я осмотрел комнату, больше похожую на больничную палату, подсказок не нашел и решился спросить у присутствующих. – Кто я? И где нахожусь?

- Тебя зовут Аристарх Ламбровский. Ты находишься в больнице, - отрапортовал приглушенным голосом пожилой мужчина, который, вероятно, был отцом Ксении. Судя по выправке и быстроте реакции, мужчина был отставным военным.

Я обратил свой взор на него.

- А Вы... кто?

- Арик, ты меня не узнаешь? – испуганно пролепетал мужчина, растеряв уверенность. Тихая напористость и собранность ушли, пришло просительное волнение. Ему хотелось, что бы я вспомнил.

Я напряг память, всмотрелся в незнакомое лицо и не нашел ничего лучше, как прикрыть глаза. Тишина палаты вскоре нарушилась шмыганьем. Я заинтересовался источником, сквозь ресницы осмотрел замершую в растерянности тройцу. Вид плачущего пожилого мужчины поверг меня в шок. В его глазах, наполненных слезами, было столько боли, что я раздумал ломать комедию и открыл глаза. Слезы потоком текли по морщинистым щекам. Я догадался, что этот процесс стал для него привычным: водопад уверенно струился по промытым каналам, как реки текут с гор по специальным рукавам, образованным природой.

Посетители не сводили с меня глаз, в которых были ожидание и надежда. К плачущему пенсионеру присоединилась Ксения, она стала вытирать платочком глаза и тихонько всхлипывать. Лысый обнял ее за плечи и чмокнул в висок. Мне это не понравилось. Я хотел быть на его месте, успокаивать женщину и чмокать в висок.

- Мне кто-нибудь может объяснить, что здесь происходит?! – гневно спросил я, устав от молчаливой трагедии.

Лысый оставил женщину в покое, что меня порадовало, присел на краешек моей кровати и внятно произнес.

- Я – Евлампий, - при этом он с уверенностью ткнул себя в грудь указательным пальцем. Ну, и имечко, - подумал я.

Между тем он продолжил представление.

- Это, – палец переехал в сторону пенсионера, - твой отец – Василий Федорович Ламбровский. Ксения – моя жена, с ней ты уже познакомился.

- Жена, - надулся я. Из всего сказанного мне это понравилось меньше всего.

- Жена, - подтвердил он. – Нашему сынишке скоро год. Его зовут Аристарх. В честь тебя.

Наверное, я какая – то знаменитость, раз в честь меня называют детей. Раньше называли в честь бабушки Ленина, например, мудроно Владлен или попросту Владимир, а теперь... Интересно, чем я прославился?

- Чем я занимаюсь? – спросил я у... близких мне людей.

- Ты скрипач. – с гордостью ответил отец, на щеках которого стали подсыхать слезы, только в глубоких ложбинках остался влажный след.

- И писатель, - подсказал лысый со смешным именем Евлампий.

- Странно, - недоуменно произнес я. – Я сочетал несочетаемое. Может, я писал об известных музыкантах?

- Ты писал детективы! – с восхищением сказала Ви... Ксения...

Почему Вика?..

- Вы... точно не Вика? – настороженно поинтересовался я.

- Точно, - подтвердила женщина и посмотрела на мужа. – Ты рассказывал Арику о... Вике?

- Нет, - покачал головой лысый. Вид у него был несколько озадаченный.

Тут я заметил, что в палате находится еще один персонаж. Судя по одежде и шапочке, это был врач, который за все время разговора не сводил с меня изучающего взгляда, словно перед ним не человек, которого он лечил, а клон. Клон – организм, генетически идентичный исходному, тому, который был в другой жизни. В той жизни, где я был писателем и музыкантом. В той жизни, где я был знаком с Викой, которая на самом деле не Вика, а Ксения, жена лысого, а лысый – мой близкий друг Евлампий, а пожилой мужчина – мой отец Василий Федорович Ламбровский. Тогда я тоже носил фамилию Ламбровский и звали меня Аристархом. Все дружно заявляют, что в этой жизни меня зовут также, но я сомневаюсь.

Наши взгляды с доктором встретились, и он решил вступить в разговор.

- Думаю, на сегодня Аристарху хватит потрясений. - он проделал руками движение загонщика кур в курятник и веско добавил, - вам пора! Завтра приходите!

Пенсионер заявил, что не сдвинется с места. Он два года мечтал, когда его сын придет в себя и теперь...

- Что! – взвыл я голосом тигра. Даже сам испугался прорезавшегося голоса, который до этого больше походил на скрип несмазанных колес телеги. Рык своим великолепием поразил присутствующих: они замерли и испуганно уставились на меня. – Что ты сейчас сказал? – Обратился я к... отцу. – Я здесь пролежал... два года? – Последние слова дались мне нелегко.

- Ровно два, - еле слышно констатировал он. – Завтра у тебя день рождения, тебе исполняется сорок лет... Юбилей...

- День рождения, - медленно повторил я. - День рождения, - снова сказал я, будто набирал код на двери в мой разум...

Я вспомнил...

Все и сразу.

Я не клон! Но неужели прошло два года?

Я оценил посетителей более осмысленным взглядом.

– Евлаша, а почему ты лысый? – это был мой первый вопрос после возвращения памяти. Я знал своего друга, он не замедлит мне все объяснить. Четко, ясно, аргументировано опровергнет сказанное отцом, и ответит на мой нехитрый житейский вопрос приблизительно так: «Решил побриться наголо, когда мы вчера расстались у дверей твоей квартиры». Он что – то говорил про сюрприз... Вот это и есть сюрприз на мой день рождения - Бобик избавился от остатков волос. И мне не сорок, а всего тридцать восемь.

- Ты... меня вспомнил! – с восхищением произнес он. – Как я рад, друг! – Он снова занял место на краешке кровати.

Доктор понял, что удалить возбужденных родственников не удастся и дал пять минут. Как дополнительное время в футболе. Я ждал дальнейших пояснений от разговорчивого Евлампия, но он с глупой улыбкой на лице молчал и смотрел на меня.

Отец и Ксения сели на стулья и тоже уставились на меня. Молчание начало тяготить.

- Я был без сознания... два года? - обреченно спросил я.

- Ты был в коме, - сказал отец и погладил меня по руке. – Ты так похудел, мой мальчик.

Сроки он опустил, понял, что упоминание о двухлетней... прострации вызывает у меня негативную реакцию. Я специально переименовал кому в безобидную прострацию.

- Но что произошло? Я помню, как мы вернулись из театра, я вошел в квартиру и... Дальше темнота.

- Тебе позвонила Олеся Бондарь... Помнишь ее? – друг с сочувствием смотрел на меня.

Я помнил Олесю Бондарь. Журналистку из редакции газеты «Пламя».

- Она... позвонила мне и сказала, что ей нужна моя помощь... - я будто считывал текст с бегущей строки моей памяти. – Я вышел на улицу, где меня поджидало такси. В нем сидела Олеся. Она преподнесла мне подарок на день рождения. Потом появился парень с букетом цветов... А мне, правда, завтра стукнет сорок лет? – Все дружно кивнули. – Значит, начинается новый этап в моей жизни, - встрепенулся я. – Сорок лет...

- Считай, что ты заново родился сегодня, - сказал отец.

- Арик, ты остался жив благодаря Василию Федоровичу, - тихо произнес Евлампий. – Твой отец начал следить за тобой с того момента, как был опубликован последний рассказ. Этот парень с букетом – младший брат Олеси Бондарь. Когда он приблизился к автомобилю, бывший опер Ламбровский почувствовал неладное. В последний момент он схватил парня за руку, но тот успел выстрелить, пуля попала тебе в голову, но немного ушла от заданной траектории. Это спасло тебя.

- И если бы отец не вмешался, я бы давно... лежал в сырой земле. – без эмоций констатировал я.

Все тактично промолчали, но потом знамя повествования подхватил отец.

- Олег Бондарь выстрелил в тебя из стандартного травматического пистолета «Оса».

Парень закамуфлировал его в букет цветов, что было несложно благодаря небольшим размерам пистолета. Когда ты открыл окно, он нажал на курок.

- Арик, вместе с открытой черепно – мозговой травмой ты получил сильный ушиб головного мозга. Но тебя быстро доставили в больницу, операция прошла успешно. Никто не думал, что ты... - Евлампий покосился на жену, прося ее о поддержке.

- Главное, что все благополучно закончилось, – с напускной радостью заявила Ксения.

- Почему я не умер за два время? Например, от... голода! - мое возмущение вызвало улыбки на лицах близких. Напряжение спало.

- Ты был подключен к аппаратам жизнедеятельности, которые вентилировали легкие, регулировали сердечную деятельность. Тебя поддерживали медикаментозно, – объяснил, как несмышленишу, повеселевший отец.

- А вы все два года так и просидели возле меня? – наверное, со стороны я выглядел полным идиотом, но мне дозволено задавать глупые вопросы.

- Почти. Сменяли друг друга, чтобы все время быть с тобой в контакте, - пояснила Ксюша.

– Мы разговаривали с тобой, рассказывали обо всем. Когда я носила сына, то делилась своими... впечатлениями.

- Когда он родится, вы назовете его Аристархом, и не будете крестить до тех пор, пока я не встану на ноги! – протараторил я, будто снова читал бегущую строку.

- Так ты, действительно, все слышал! – завопили хором отец, Евлампий и Ксения.

- Что ты еще помнишь? - привычным голосом дознавателя спросил отец.

- Многое... - пространно произнес я и покосился на приятеля. – Гражданин Бобик сначала жаловался, что Ксюша вернулась и не обращает на него внимания, потом советовался, предлагать Ксении Белкиной руку и сердце или даже не пытаться?..

Накануне свадьбы он извинялся, что церемония будет проходить без меня.

Ксюша с отцом, как по команде, повернулись в сторону Бобика, ожидая подтверждения.

- Все так и было, - протянул он. – А, может, на самом деле ты прикидывался?

- Не знаю, - после раздумий заявил я и посмотрел на отца. – Все хорошо, теперь ты не будешь один...

Он закашлялся и стал прикладывать к глазам носовой платок.

- Значит, Олега посадили, а Олеся исчезла?

- Ты и об этом знаешь? – удивилась Ксения.

- Мне отец рассказывал. А водитель такси тоже был с ними заодно?

- Нет, он просто подвез девушку к твоему дому. Когда Олег выстрелил в тебя, водитель испугался и бросился бежать, но после вернулся.

- Но почему? Почему этот парень пытался меня убить? Я его никогда не видел, и, вообще, не знал о его существовании.

- Помнишь, когда-то ты обмолвился, что один раз в своей жизни дрался. – Бобик внимательно изучал мое лицо, будто на нем хотел прочесть ответ на вопрос.

- Не помню...

- Олег нам поведал одну историю из своего детства... Случилось это, когда Олеся было двенадцать лет, а ему семь. Мальчик только пошел в первый класс. Старшая сестра всегда опекала брата, вместе ходили в школу, вместе возвращались. На переменах девочка приходила к Олегу в класс... В общем идиллические отношения между братом и сестрой, без настоячивых родительских наказов. В тот день они, как обычно, вышли из школы. Олег начал канючить: «Не хочу домой, давай погуляем, сходим в парк». Погода была хорошая, и Олеся согласилась. В парке людей почти не было. Кое – где на скамейках сидели мамы с колясками, пенсионеры с газетами, а по аллеям прогуливались собачники... Дети покатались на качелях – каруселях, и пошли домой. Они решили срезать путь, свернули на тропинку, сделали несколько шагов и увидели компанию, которая с удобствами устроилась на бревне под сенью деревьев. Один играл на гитаре и

пел, а остальные дымили сигаретами и самозабвенно слушали. При виде ребят солист умолк и криво усмехнулся. Олег потянул Олеся за руку, но они не успели скрыться. Компания хулиганов взяла их в кольцо. А далее все шло, как в лучших фильмах о джентльменах... Вдруг появился он и расправился с бандитами, спас не только малолетнюю даму, но и ее братца, которому перед разборкой отдал на хранение свою скрипку. Защитник не испугался четверых хулиганов, смело вступил в схватку и вышел победителем, но и сам немного пострадал.

- Мне губу разбили, и синяк под глазом поставили, – усмехнулся я. – В тот год я поступил в Консерваторию. Иду домой с занятий, слышу возню в кустах, ну, и заинтересовался... Мне твердили: Береги руки! Руки для музыканта – это все!.. Но я увидел девчущку на земле и рыдающего пацаненка, не удержался и... вмешался.

- Ты повел себя, как настоящий мужчина, защитил честь девочки и спас ее брата. – похвалил меня Бобик. – С тех самых пор Олеся Бондарь без памяти влюбилась в своего спасителя. Она стала твоей тенью. Ходила по пятам, интересовалась твоими успехами, пыталась «случайно» столкнуться с тобой на улице. А ты ее не замечал... Вскоре ты увлекся сложением виршей, стал ходить в редакцию газеты, как на работу. Именно, в этот период она решила стать журналистом. Окончила школу, поступила на журфак, получила диплом и устроилась в «Пламя»... И снова облом! Господин Ламбровский НЕ УЗНАЛ спасенную много лет назад невзрачную девочку, которая превратилась в прекрасного лебедя. Не удостоил ее ласкового взгляда, не прижал к своей мощной груди! Но любовь продолжала жить в ее сердце. Пораскинув мозгами, она решила привлечь твоё внимание необычным способом и...

- И пошла на преступление, – закончил я за Бобика. – Но Ольгу Кашкину... изнасиловали. Неужели, Бондарь действовала вместе с братом?

- Олеся совсем сбрендилла. Сказала, если тот не поможет, она покончит с собой. Олег очень любил свою сестру и согласился помочь. Он был соучастником во всех трех преступлениях. Вернее, в четырех...

- Я идиот! Бондарь рассказывала мне о своем увлечении альпинизмом, а я не догадался, что это она забралась в спальню Кривошеева и убила несчастного садовника.

- Никто не забирался к нему в спальню, – остудил мои бичевания отец, – как я и предполагал, незадолго до преступления в дом депутата пришел сотрудник Энергосбытовой компании, якобы для сверки показаний электросчетчиков. Незаметно сделал слепок с ключей, и Олеся спокойно попала в дом через дверь, когда все домочадцы уснули. Взяла на кухне нож и... убила Ивана Загускина. Брат в это время подстраховывал ее на улице... А с Аленкиным расправиться оказалось легче легкого. Хоть, с виду она девушка хрупкая, но ломом так шандархнула того по голове, что убила с одного удара. Лом из каморки дворника выкрал братец. После покушения на тебя все дела были отправлены на следствие, осужденных оправдали, Олег Бондарь осужден на двадцать лет, а его сестра исчезла.

- Теперь она может появиться. – сказал Евлампий и многозначительно посмотрел на меня. Жена укоризненно взглянула на него, он стушевался и постарался сгладить неловкость, – может, Олеся с горя покончила жизнь самоубийством? Или сбежала из России, от греха подальше.

- Она... ненормальная? – от полученной информации мне захотелось вернуться в коматозное состояние.

- Ненормальная – это мягко сказано, – констатировала Ксюша и поежилась, – и эта сумасшедшая до сих пор разгуливает на свободе!

- После покушения на тебя прошло несколько дней, когда я пришел в квартиру Ксении. – сказал отец. – Хотел кое-какие вещи забрать. Зашел и обомлел: все перевернуто вверх дном... Кто – то учинил обыск. При чем действовали не спеша, проверили все закутки.

- Это сделала она? – я не решался назвать девушку по имени.

- Я сразу на нее подумал, а оставленные отпечатки пальцев подтвердили мое предположение.
- Неужели, она поверила в существование миллиона евро? Решила найти свидетельство на наследство и принести его нотариусу?
- Точно, ку – ку! – Бобик покрутил пальцем у виска.
- А она знает, что я жив?
- Мы только сейчас заметили, что ты жив! – ляпнул Евлампий и получил тычок в бок от супруги. – Не обижайся, Арик, но до сегодняшнего дня ты был полутрупом. – Правдиво заявил он.
- Но почему Олеся пошла на убийство? Устала от ожидания ответных чувств и решила избавиться от объекта страсти?
- Олег сказал, что она решила устроить тебе экзамен. Преподнести подарок на день рождения, поцеловать, а ты сам должен выбрать: остаться в живых или умереть. – Последнее слово Евлампий произнес совсем тихо.
- Если я отвечу на поцелуй, то буду жить, если... - я вспомнил, как скривился и поспешно «избавился» от поцелуя. После чего девушка едва заметно кивнула, будто дала разрешение. И сразу появился парень с букетом...
- Олег Бондарь быстро согласился на предложение Олеси. Он устал от ее душевных терзаний. Ты был для нее идиолом, которому она поклонялась, не замечая, что вокруг кипит жизнь, рядом много достойных мужчин. Олег хотел вернуть сестру к нормальной жизни, освободить от фанатичной любви.
- Расчистить дорогу к светлому будущему. – я вспомнил разговор с Синявским. В своем предположении он оказался прав. Ошибался только в одном: Олеся не ходила к гадалке. Я попытался улыбнуться, - ладно, забудем о горьком прошлом и будем жить дальше... Хотя, хотелось бы еще кое-что уточнить. Например, какое отношение ко всем убийствам имеет Зоя?
- Зоя не знала, что ее подруга Олеся Бондарь расправилась с другой ее приятельницей – Олей Кашкиной, с трубачом Аленкиным и неизвестным ей садовником Загускиным. – Евлампий опередил мой вопрос. – Это не она сказала, об этом рассказал Олег, которому не было смысла прикрывать Зою. В обязанность виолончелистки входила слежка за тобой. О всех знакомствах Зойка докладывала Олесе. О твоих встречах с Ольгой Кашкиной, о ее несчастливой жизни с отчимом, о сложных отношениях Аленкина с тещей. Когда Зоя увидела нас обществе трубача, то сразу сообразила, что Виталий «делает заказ».
- Но про шиворот–навыворотные совпадения моего рассказа с убийствами Кашкиной, Аленкина и садовника депутата Кривошеева никто в театре не знал.
- Зоя знала. О твоём увлечении литературой ей поведала Бондарь. Ответная связь, позволяющая сложить два и два. Когда ты принес первый рассказ в редакцию, Олеся поняла, о ком идет речь, и порадовалась, что сможет избавиться от соперницы. После публикации рассказа и убийства Ольги Кашкиной Олеся Бондарь рассказала подруге о странном совпадении, опустив свою роль в этом деле. Зоя заинтересовалась и стала подсматривать и подслушивать. Вероятно, она случайно услышала оброненную мною фразу о Кривошееве, задумалась, потом проследила за тобой... Помнишь, ты в то время наблюдал за депутатом. Свои мысли высказала подруге. Когда ты принес новый детектив в редакцию, Олеся уже догадывалась, кто главный герой.
- Неужели, чтобы привлечь мое внимание, нужно было идти на убийство невинных людей! – ошалело произнес я.
- Чаша терпения вылилась через край, - философски заметил Евлаша.
- Все, больше не хочу возвращаться в прошлое! – отрезал я. - Скажите лучше, почему вы нагрянули в мою палату все разом?
- Я почувствовал, что ты должен выйти из комы именно сегодня, - сказал отец, не сводя с меня счастливого взгляда. – Я сказал об этом доктору, он не стал переубеждать меня,

только порадовал сообщением, что у тебя изменилась частота сердечных ударов и глубина дыхания, нормализовалось артериальное давление. Я позвонил Евлампии, и они с Ксюшей примчались в больницу, не желая пропустить момент возвращения...

Я хотел поблагодарить этих людей, самых близких, самых родных, за терпение, за внимание, а главное – за ВЕРУ. Они верили, что я вырвусь из комы, вернусь к ним. Если бы не их вера, не их разговоры, не их рассказы о текущей за окнами больницы жизни, не их пересказ незначительных на первый взгляд новостей, но очень значимых для узкого круга любящих людей, не знаю, перестал бы балансировать между жизнью и смертью?..

Я так много хотел сказать, чувства переполнили меня настолько, что... я не смог подобрать нужных слов. Говорить банальное «спасибо за все», мне не хотелось.

И вдруг я понял, что должен доказать им свою благодарность делами... У меня впереди вся жизнь, я придумаю, как это сделать...

В палату решительным шагом зашел доктор и указал присутствующим на дверь.

- Прошу! – беспрекословно произнес он.

- Доктор, бросайте курить! – спокойным тоном призвал я, - у Вас левое легкое затемнено...

В эту минуту он мне напомнил солиста, который собрался исполнить свою партию: открыл рот, но забыл слова...

Все последующие дни я диагностировал медицинский персонал больницы. Почти все мои диагнозы подтвердились. Я оплошал в двух случаях. В первом - не смог определить пол ребенка в животике медсестры Марии, хотя, отчетливо видел зародыша.

- На таких ранних сроках, даже ультразвук не определяет пол, - успокоила меня будущая мать с совершенно плоским животом.

А во втором случае я не стал говорить правду...

Как то поздним вечером ко мне в палату пришел молодой мужчина.

- Я лежу в хирургии, - еле слышно сказал он, непроизвольно прикладывая руку к левому боку. – Мне десять дней назад сделали операцию... на прямой кишке. Врачи говорят, что я иду на поправку... А я не верю... Мне очень плохо... По ночам мне снится один и тот же сон: я сижу за одним столом со своей бабушкой. Мы разговариваем, смеемся, нам так хорошо... - Улыбка тронула его губы.

- Но что плохого в этом сне? –я сделал вид, что не понял.

- Бабушка умерла год назад. Я чувствую, что скоро... встречу с ней. Там, - он возвел глаза к потолку. – Но мне всего тридцать четыре года...

- Сколько? –не поверил я и мысленно отругал себя за несдержанность.

- Болезнь не красит, - покачал он головой. - В больнице про Вас только и говорят...

Скажите, сколько мне осталось?

В голове что – то щелкнуло, и я отчетливо понял, что этому парню жить осталось три месяца.

- Моя жена ждет ребенка, только половина срока... Я хочу знать, увижу я своего первенца, подержу его на руках? – гость был отчужденно безразличен ко всему. Он спрашивал и не верил, что получит правдивый ответ. И вопрос он задал таким тоном, будто интересовался, чем закончился вчерашний фильм, который он недосмотрел...

- Увидите, - произнес я, причем постарался, чтобы голос стал моим союзником, не подвел, не дрогнул. – Верьте в благоприятный исход! Вера творит чудеса!

- Я в бога верую...

- Это хорошо, но верьте еще в себя, в свои силы. Вступите в схватку с болезнью, не дайте ей выйти победителем...

Ложь во благо, не есть ложь, - успокаивал я себя, когда парень ушел. – А что я должен был ему сказать? Тебе, друг, осталось жить три месяца. Ты не увидишь собственного новорожденного ребенка, не встретишь жену у дверей родильного дома, не услышишь первое произнесенное им слово, не порадуешься его первым шагам. Я очень хочу, чтобы

ты был рядом с ним, когда он первый раз произнесет робкое «папа». Ты с умилением будешь смотреть на него, прижимать к себе, подкидывать до потолка, как это делают все папаши, а молодая мамочка будет с замиранием сердца наблюдать за вами и призывать тебя к осторожности... Надеюсь, я посадил в его душу семя надежды, оно даст ростки и... произойдет чудо.

Чудеса бывают, надо только очень – очень верить...

После этой встречи я задумался: почему я только озвучиваю то, что чувствую и вижу? Почему не могу излечить человека, от которого отвернулись врачи? Например, в случае с этим парнем, жена которого должна родить после... Я не хочу, чтобы все радостные события произошли после его смерти. Я хочу, чтобы он стоял с огромным букетом цветов у дверей родильного дома с идиотски – счастливой улыбкой на лице! Хочу! Я должен заняться визуализацией. Я буду рисовать в уме картину совершеннейшего счастья молодой семьи, словно это и моя семья тоже. Пусть я буду старшим братом этого парня... Черт, я даже не спросил, как его зовут. Но, ничего, это легко узнать... Так, о чем я... О картинке! Я представляю, как он встречает жену, целует ее, преподносит букет цветов, берет из рук медсестры маленький комочек, внимательно изучает его лицо, находит знакомые черты, и свои, и жены, которая стоит рядом, положив голову на плечо мужа, и тоже с любовью смотрит на сына... Почему на сына? Может, это дочь? Слово не воробей, вылетело, не поймаешь...

Я долго оценивал свое состояние, не пришел к определенным выводам и решил посоветоваться с лечащим врачом, тем самым, который выставил моих родных в первый день возвращения к жизни. И который в тот же день бросил курить...

Звали доктора Дмитрий Русланович Сосновский. Я попросил его объяснить мое состояние. Кто я? В кого превратился? В вещающего медиума, в предсказателя или знахаря?

Дмитрий Русланович внимательно выслушал меня, подумал и начал издали.
- В моей практике случаев, подобных Вашему, не было. Но я всегда интересовался публикациями в научных журналах. Ученые – исследователи рассказывали о состоянии больных, погруженных в кому, а особенно делились наблюдениями о поведении таких больных после выхода из коматозного состояния. Мои коллеги считают такие публикации научным бредом, фантастикой, но у меня иное мнение. Если говорит честно, многие, побывавшие на том свете, так и остаются там, – он поднял вверх указательный палец, – но другие возвращаются... Почему это происходит? Может, сила притяжения родных людей на этом свете сильнее притяжения в невесомом состоянии? Как бы хорошо человек себя ТАМ не чувствовал, иногда он вырывается из коматозного сна, находится на границе двух миров. Он хочет услышать знакомый мир, понять, нужен он здесь, выполнил ли основную земную миссию? Или может спокойно вернуться назад. Уже навсегда. С первого раза он может не принять решения, поэтому снова погружается в глубокую кому. ТАМ ему лучше. ТАМ он чувствует себя молодым, здоровым и счастливым. ТАМ нет проблем и постоянной необходимости понимания происходящего. Там никто не помешается погрузиться в себя и все взвесить. Когда он поймет, что НУЖЕН близким людям, что они страдают и мучаются, что не все земные дела завершены, он возвращается. Очнувшись, человек понимает - он стал другим. У него изменилось отношение в жизни. Он ценит каждую минуту, не разменивается на мелочи. Он смотрит на мир другими глазами. Сначала он не может разобраться в себе. Пока однажды, поддавшись порыву, не берет в руки кисть и начинает писать картины. В предыдущей жизни, до комы, он не был художником. Он был плотником, инженером, врачом, но не художником. Несчастный случай или болезнь, которые предшествовали погружению в коматозное состояние, открыли клапан, который впустил в душу человека свет. Он вернулся в этот мир, чтобы делать добро! Чтобы творить чудеса! Приносить радость людям своими картинами. После комы у него активизировались участки мозга,

которые отвечают за творчество, как в приведенном примере. Или он обнаруживает в себе способности к целительству. Он не просто видит перед собой человека, а его скелет, его внутренности, словно просвечивает его, как рентген. И замечает очаги болезни, которая еще не дала о себе знать. Или другой пример: человек знал один родной язык, а после выхода из комы начал бегло разговаривать на иностранном языке. Были случаи, когда больной изъяснялся лишь на иностранном языке, не понимал окружающих.

- Но почему происходят такие превращения?

- Процессы, происходящие в мозге человека, когда он погружен в кому, не поддаются объяснению. Как бы ученые не ломали голову, какие исследования не проводили, к однозначному выводу прийти не могут.

- Но кто – то высказывал предположения?

- Может, у человека эти способности «дремали» с рождения, а затем произошел толчок, и они выявились... Ведь, посмотрите, как устроена человеческая жизнь: родился, после рождения начинается развитие, половое созревание, затем ему отводится двадцать – тридцать лет на воспроизведение себе подобных, далее включаются процессы саморазрушения, которые никто не может остановить, тем более повернуть вспять.

Организм – машина выполнила жизненную программу. Но, как в любом механизме, в какой – то период жизни в организме человека может произойти сбой. На любом этапе.

- Вы говорите, а у меня перед глазами встает не живой человек, а киборг. И что значит, сбой? Мы же не роботы, а люди.

- Сбой это нарушение функций человеческого организма. Например, у человека происходит инфаркт или инсульт, в результате наступает смерть, которая отрубилась шансы на раздумывания. Совсем другое – кома. Кома – это не смерть, это перезагрузка программы. Она дает человеку шанс осмыслить свою жизнь, сделать выводы. После перезагрузки и осмысления он возвращается и получает новую жизненную программу. Более сложную, чем программа прошлой жизни. Перезагрузка дает дар и требует взамен понимания и расчётливости. Она настаивает на использовании этого дара, на использовании во благо. Иначе снова произойдет перезагрузка. А восстановится ли в памяти стертый файл, захочет ли жизненная программа запуститься заново, это вопрос...

- Вы хотите сказать, что мне... дан... дар? – я спотыкался на каждом слове, чувствую себя запрограммированным роботом. Какой-то посторонний человек рассчитал схему работы этого робота, посчитав прежнюю несовершенной, и теперь будет управлять мною согласно новой разработке. Хотя, Дмитрий Русланович сказал, что человек сам делает выбор между жизнью и смертью, а потом сам выбирает путь, которым идти дальше.

- Дан, - согласился Сосновский, вырвав меня из нерадостных размышлений. – И теперь все зависит от Вас. Сможете вы распорядиться этим даром во благо, великолепно, не сможете... - Доктор посмотрел на меня с сочувствием.

- Я могу снова погрузиться в кому, и неизвестно, выйду ли из нее, - договорил я за него, - а если и выйду, то неизвестно, сколько времени займет очередное погружение в себя и сохранятся ли способности к целительству...

Дар, дар, дар, - мысленно бубнил я, как заклинание. И что мне теперь делать с этим... даром? Я даже не знаю, что я могу? Скелет человеческий вижу, притаившуюся болезнь... вижу, а как помочь человеку, не имею понятия. Может, положиться на инстинкт? Он мне подскажет и поможет в нужную минуту...

Через две недели я распрощался с Сосновским и всем персоналом больницы, в которой провел два года, а за последние недели стал ее главной достопримечательностью. Мне исполнилось сорок лет. Новый рубеж для поиска себя. Хотя, за два года я пришел к определенным выводам. Я почти нашел себя. Теперь я точно знаю, что играть на скрипке не буду, как не буду писать стихи и детективы...

Я должен доказать, что дар был послан не зря...

В первую очередь я хочу помочь больному парню. Я успел выяснить, что его зовут Василий Иванович Ноготков и что завтра его выписывают из больницы.

Как бы мне не хотелось приближаться к медицинскому учреждению, в котором я провел не лучшие годы своей жизни, но на следующий день я стоял у входа и ожидал появления Ноготкова.

Василий появился минут через пятнадцать. С нашей последней встречи он еще больше похудел. Рубашка висела на плечах, как на вешалке, брюки в поясе так были затянуты ремнем, что собирались складки, будто это не брюки, а юбка-плиссе. В руках он держал пакет, на вид совсем легкий, но в его худеньких ручках – веточках казался набитым кирпичами.

- Здравствуй, Василий! – сказал я, пожал руку и забрал пакет. Он не стал сопротивляться.

- Здравсти... А ты... А Вы что здесь делаете? – безучастным тоном спросил он. – Я слышал, Вас выписали?

- Давай на «ты», - предложил я. – Да, меня вчера выписали. Я пришел встретить тебя и проводить домой.

- Спасибо. Катя не знает, что меня отпустили домой. Я... отработанный материал. Зачем занимать чужое место? Помочь мне никто не может, а портить показатели... - он кивнул в сторону больницы, не желая произносить надоевшее слово вслух, - я не хочу. Лучше дома... умереть. В родных стенах.

- Ты не хочешь верить в чудо!

- Из детского возраста я давно вышел. В сказки не верю.

- Я призываю тебя поверить в чудо исцеления, а не в сказку.

- Все одно, - отмахнулся он и пошаркал в сторону остановки.

Я удержал его за руку.

- Вась, поехали ко мне?

- Зачем?

- Пока не знаю... Но я очень хочу тебе помочь.

- Вы... ты сказал мне неправду, - обиженно произнес Ноготков. - Ты обещал, что я... увижу своего ребенка, а врач... Я подслушал... Он сказал... Он сказал, мне от силы осталось жить три месяца... - Молодой мужчина был похож на мальчика, который не желает показывать слезы в присутствии незнакомца.

Я понял: Василий уже готов подвести итог недолгой жизни. Диагноз он принял, как установку, и бороться не собирается.

Что предпринять для встряски? Как разбудить в нем веру в самого себя?

- Поехали! – приказал я, остановил такси, бережно усадил Ноготкова и повез к себе домой.

- Это Вася, - представил я гостя отцу. – Он поживет пока у нас.

- Хорошо, - сразу согласился Василий Федорович, - может, чаю выпьете? Я только заварил.

- Нет, спасибо, - покачал головой Ноготков и опустился на стул. Его лоб покрыла испарина. Я взял его за руку и ужаснулся, она была ледяной.

- Пап, ты можешь оставить нас одних? - попросил я. Тот сразу удалился, не задавая лишних вопросов. – Вася, если ты не желаешь верить в свои силы, то должен поверить мне. Ты готов? – Он кивнул. Мне показалось, что в его глазах мелькнул малюсенький лучик надежды. – Но мысленно ты должен сказать себе, что **ОЧЕНЬ** хочешь жить! **ОЧЕНЬ!**

Парень подобрался, выпрямился на стуле и ушел в себя. Я внимательно следил за его внутренним настроением. Потом сосредоточился на процессах, происходящих внутри организма.

Я видел, что опухоль подобралась к желудку, как удав подбирается к добыче. Еще немного и удав проглотит очередную жертву и двинется дальше...

Я стал действовать инстинктивно, мною кто-то руководил, а я только выполнял чужие приказы...

Когда я учился в Консерватории, моя мать увлеклась сеансами Алана Чумака. Она ставила перед телевизором банку с водой, усаживалась на стул и внимательно следила за манипуляциями целителя. Я посмеивался, но вслух не высказывался: хочет человек верить, пусть верит, лишь бы здоровью не вредило...

Сейчас я вспомнил об этом не зря. Мои руки стали проделывать похожие манипуляции возле живота Ноготкова. Я хотел сосредоточить опухоль в одном месте и вытащить наружу. Сначала она не реагировала на мои призывы. Я настойчиво продолжал «закручивать» ее. Очередной вихревой поток заставил опухоль «зашевелиться». Она, нехотя, оторвалась от желудка и пошла в обратном направлении. Я походил на чистильщика, смывающего с внутренностей ненужную грязь. Когда благодаря моим усилиям она сгруппировалась в одном месте, представляя собой змеиный клубок. Я ухватился на выступающий хвостик, потянул на себя и стал быстро разматывать, вытягивая опухоль наружу. На моих глазах опухоль стала все уменьшаться и уменьшаться, пока не исчезла совсем...

Мне показалось, что процедура заняла несколько минут, на самом деле прошло полтора часа.

Я понял, как должен чувствовать себя грузчик, который перенес на своем горбу несколько десятков мешков с мукой. Мои руки горели, словно их натерли наждаком, спина ныла, голова гудела.

- Можно я посплю немного, - раздался рядом тихий голос Василия.

Я кивнул в сторону дивана. У меня не было сил ответить на элементарный вопрос. Ноготков, шатаясь, переместился на указанное место.

Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель просунулась голова отца. Наверное, мы оба выглядели как два боксера, которые провели на ринге все положенные раунды. Родитель решил войти и обеспокоенно взглянул на меня.

- Как ты себя чувствуешь, сынок?

- Нормально, только очень устал... Но мне кажется, что я совершил невозможное. – я не стал утверждать, будто сотворил чудо. Я просто чувствовал, что хорошо выполнил свою работу и совершенно разбит.

- Будем надеяться, - сказал Василий Федорович, помог мне подняться и повел в другую комнату. Там он уложил меня на свою кровать, заботливо укрыл одеялом и присел рядом, - поспи, мальчик мой, поспи...

Мы с Ноготковым проспали почти сутки. Когда я открыл глаза, то увидел счастливое помятое лицо Василия.

- Аристарх, вставай, пора обедать!

- Пора, пора, - поддержал его отец и пригласил нас к столу.

Ноготков съел большую тарелку борща, потом две котлеты с пюре и запил тремя чашками чая с маковыми булками. Я с испугом наблюдал за этим обжорством. Не потому, что мне было жаль съестные припасы, а потому, что боялся за здоровье Василия.

- Спасибо, - с трудом произнес он, откидываясь на спинку стула и поглаживая себя по животу.

- Болит? – осторожно спросил я.

- Не – а! – расплылся в улыбке Ноготков. – Мне показалось, что вчера ты вытащил из меня какую – то гадость. Я почувствовал, как она выходит из меня. Ты тянешь ее, а она все выходит и выходит. А когда боль ушла, мне стало очень легко и захотелось спать. – Он сладко зевнул. – Я так крепко и долго давно не спал.

- Тебе нужно сходить к врачу, - сказал я. – Пусть... обследуют тебя...

- Но у меня ничего не болит. Я хорошо себя чувствую.

- Я прошу тебя. Мы должны убедиться, что ты окончательно выздоровел. – заявил я, посмотрел на его живот и никакого пожара не увидел.

Неужели, я смог вылечить парня всего за один сеанс? – подумал я, продолжая изучать его внутренности.

- Я обязательно пройду обследование, но не сегодня... Я соскучился по Кате. Можно, я пойду домой? – голосом прилежного ученика, отсидевшего шесть уроков, спросил он.

- Иди, но помни... - Василий снова опустился на стул, словно я пригвоздил его к месту своим странным голосом, - ты должен сделать выводы! Правильно ли ты жил до болезни? Почему тебе было послано испытание? Проанализируй свое поведение, найди ответы и постарайся провести работу над ошибками, чтобы не повторять их впредь.

- Обещаю... Но мы еще увидимся?

- На крестинах твоего сына...

Но мы увиделись через неделю. Василий пришел не один, вместе с женой Катей, симпатичной круглолицей девушкой с остреньким небольшим животиком. Они долго благодарили меня.

- Вы сотворили чудо! – восхищалась Катюша. Она не выпускала руку мужа, смотрела то на меня, то на него, постоянно поглаживала свободной рукой животик.

- Ты... настоящий волшебник! – с чувством сказал Ноготков. – Теперь я верю в сказки.

- Я счастлив, что помог тебе...

Когда молодая чета удалилась, отец обнаружил на тумбочке в прихожей конверт.

- Здесь пятьсот долларов. – Василий Федорович веером разложил в руке купюры и посмотрел на меня.

- Я догоню их и верну.

- Подожди, сын... Я понимаю, что ты вылечил парня не корысти ради, но... На одну мою пенсию мы не проживем... Тем более, тебе нужно арендовать кабинет для приема людей, которые нуждаются в твоей помощи. Ты не можешь приглашать их в нашу квартиру... Я, конечно, не возражаю, но ты сам будешь чувствовать себя неловко.

Я осмотрелся и только сейчас заметил, что наше жилище давно нуждается в ремонте. На это тоже нужны деньги. Но...

- Я не могу брать деньги с несчастных больных людей.

- Я не предлагаю тебе устанавливать тарифы с преискурантами, - вздохнул отец, - прошу только, если кто – то решит заплатить, ты не отказывайся. Мне твоих денег не надо, но ты сам должен научиться зарабатывать себе на жизнь... Вдруг со мной что – то случится?! – едва слышно добавил он.

- С тобой не может ничего случиться, - успокоил я отца, - рядом с тобой живет целитель, который не даст тебе... отделаться от него.

- Ты можешь взять на работу Евлампия. Он будет у тебя... администратором. Им с Ксюшей нелегко живется. Она пока не работает, с сынишкой сидит, а отец семейства... - отец махнул рукой, - сам знаешь, сколько музыкант зарабатывает. А Евлашка парень проницательный, он тебя клиентурой быстро обеспечит.

Последняя фраза покорила меня. Я не могу зарабатывать деньги на чужом горе...

После раздумий я пришел к выводу: никогда не буду требовать деньги! У малообеспеченных больных, вообще, не возьму ни копейки, а у богатых... придется брать, но требовать не буду. Сколько дадут, столько дадут.

Я выхватил конверт из рук отца, аккуратно вложил в него купюры и побежал догонять Ноготковых...

На следующее утро позвонил Евлампий и предложил прогуляться в парке.

- У меня сегодня выходной, Ксюша с тещей затеяли генеральную уборку, а меня с сыном выставили из дома. Предлагаю присоединиться к нам.

Конечно, я принял его приглашение. Со своим тезкой я успел познакомиться еще в больнице. Он приходил с родителями меня поведать, но «поговорить» нам не удалось: годовалому мужчине в больнице не понравилось. Он стал хныкать, и родители поспешили его увести...

Бобик сидел на скамейке и читал книгу, рядом в коляске, полусидя, дремал Арик.
- Привет, - шепотом поздоровался я. – Все–таки сын очень на тебя похож, - улыбнулся я и осторожно погладил мальчугана по голове.

- У него такой же лысый череп, как у меня, - усмехнулся Евлаша. – Ксюша его наголо побрила. Она утверждает, что тогда он не будет лысым уже в тридцать лет.

Я пожал плечами, выказывая сомнение. Если родственными генами тебе предназначено облысеть в молодости, то против этого не попрешь.

- Арик, я хотел спросить... - Бобик замялся. – Это правда, что ты безнадежно больного парня вылечил?

- Болтун Василий Федорович – находка для шпиона.

- Не обижайся на отца, он хотел поделиться с кем-то, рассказать о твоих необычных способностях. Не у всех сыновья видят, как устроен человек... Если ты можешь помогать людям, ты должен это делать! Когда больной стоит на пороге смерти, он хватается за любую соломинку, чтобы остаться на этом свете. Вокруг столько шарлатанов, которые только выкачивают деньги. В итоге драгоценное время уходит, шансов на выздоровление все меньше и меньше. А ты... настоящий целитель. И не должен стоять в стороне!

- И мой дорогой папаша призвал тебя на помощь! Он хочет, чтобы ты стал моим администратором, прорекламировал меня и народ повалил бы валом. Я не машина... И не шарлатан, выражаясь твоими словами. Я не могу поставить дело на поток. Это... дар, им нельзя размениваться.

- Я тебе этого не предлагаю. Я хочу, чтобы твой дар приносил пользу нуждающимся.

- И качал из этих нуждающихся деньги! – возмутился я.

- Но без денег не проживешь... Коммунизм в отдельно взятой стране так и не построили.

А почему бы нет? – подумал я. – В моих силах выбирать людей, которые, действительно, нуждаются в исцелении.

Я выдержал паузу, затем снизошел и поделился выводами, к которым пришел накануне. Евламбий с моим решением согласился.

- Хорошо, хорошо, будем брать оплату только с богатых, - протараторил он.

От громких споров проснулся Бобик-младший, соловело посмотрел на меня, затем приветливо улыбнулся, как старому знакомому.

Мы погуляли пару часов, потом Евламбий с сыном отправились домой, Арика пора было кормить.

Я тоже пошел домой. Мой путь лежал через соседний двор. Не знаю, почему я отправился непривычной дорогой, но кто–то меня повел в обход.

Во дворе я заметил большую группу людей, облаченных в траур. Они стояли кольцом у гроба. Я просто шел мимо. Но вдруг неведомая сила заставила меня остановиться. Но это еще не все, она втянула меня в самый эпицентр горя.

В гробу лежала молодая девушка. Рядом с гробом сидела женщина. Она не сводила взгляда с лица покойной. Женщина не плакала, гладила покойницу по руке и еле слышно приговаривала.

- Доченька, ты такая красавица. Ты не умерла, ты просто заснула.

За спиной матери стоял мужчина, скорее всего отец девушки. Он тоже не сводил взгляда с дочери и одновременно произносил слова утешения жене.

Я встал рядом с мужчиной и всмотрелся в лицо покойной.

Меня затрясло, словно я подключился к источнику электрического тока.

В моей голове родилось страшное видение...

Глаза девушки открываются. Она не понимает, где находится, и кто накрыл ее с головой покрывалом? Сбрасывает с лица покрывало, желая увидеть свет, но вокруг мгла.

Усиленно трет глаза, потом ощупывает свое лицо, ее локти упираются во что-то. Начинает исследовать шелковую ткань, которая прикрывает твердую поверхность. Упирается в нее, пытается сдвинуть. Но тщетно. Потом она понимает, что воздуха катастрофически не хватает. Хочет вдохнуть полной грудью, дыхание перехватывает, кровь пульсирует в висках, сердце колотится. Девушка начинает метаться по ограниченному пространству.

- Помогите, - произносит она из последних сил, - спасите, я зады... Мама... помо...

Потом я увидел холмик свежей земли, большой портрет улыбающейся девушки и море цветов...

- Что вы делаете? – возмутился я. К скорби на лицах присутствующих добавилось возмущение и скрытый интерес. – Вы хотите ее похоронить? Но она...

Мне не дали договорить. Рядом со мной выросли два молодца, подхватили меня под руки и постарались вывести из толпы. Я не отличался недюжинной физической силой, но желание донести правду позволило освободиться. Я вернулся к гробу, схватил за локоть отца девушки и громко произнес:

- Я целитель и знахарь!

Меня несло по течению, но мне было все равно, что я говорю, главное – убедить родителей, что они совершают ужасную ошибку.

– Я вижу людей насквозь, вижу... могу видеть их будущее и прошлое. – я не зря поправился: такие опыты я еще не проводил. – И убежден - ваша дочь жива! Она просто спит. У нее летаргический сон... - Наверное, я произносил непонятные слова. Но я хотел достучаться до родителей, чтобы не дать им совершить страшную ошибку. - Вы делали вскрытие?

- Нет, - отец, наконец, пришел в себя и начал изъясняться. – У моей дочери большое сердце...

Понятно, зачем нужно вскрытие, если причина смерти и так ясна. А на самом деле, девушка не умерла, она устала от борьбы с недугом и взяла небольшую передышку, дав организму кратковременный отдых, чтобы потом с новыми силами включиться в борьбу за жизнь. Я, мысленно, похвалил ее и снова обратился к родителям.

- Я вижу, как бьется ее сердце. Еле – еле...

- У нее... нет пульса, - заморожено глядя на меня, произнесла ее мать. В ее глазах я не увидел недоверия.

- Такие случаи бывают, сердце находится в режиме ожидания. Отдохнет и снова запустится... - уверенным тоном пообещал я.

Родители переглянулись, будто спрашивали друг у друга о дальнейших действиях.

- Что нам делать? – взял на себя роль переговорщика отец девушки.

- Вернуться домой, положить ее на кровать, накрыть одеялом и ждать пробуждения.

Толпа загудела, как улей. Из общего гомона я вырывал обрывки фраз о моей недружбе с головой. И другие неллицеприятные замечания в мой адрес. Но они меня мало беспокоили. Я смотрел на притихших родителей.

- А когда Леля проснется? – настороженно спросила мать.

- Думаю, скоро, - пространное ответил я. – Могу ускорить процесс, но думаю, мое вмешательство нежелательно. Ваша дочь – сильная личность, она сама знает, когда ей вернуться.

Такого народ еще не видывал. Отец взял на руки дочь и пошел с ней в подъезд. Рядом семенила мать. У входа она повернулась и махнула мне рукой. Я расценил этот призыв, как предложение следовать за ними. Но перед тем, как зайти в дом, оглянулся.

Вокруг пустого гроба замерла непонимающая толпа. Потом толпа стала рассасываться. Их место заняли бомжи, внимательно изучили гроб, в котором еще недавно лежала девушка, оглянулись по сторонам, прихватили гроб и быстро исчезли...

Через четыре дня Леля проснулась, а через день я начал борьбу с ее больным сердцем...

В этой схватке я вышел победителем...

Как быстро в нашем миллионном городе разносятся новости. Будто это небольшая деревушка в шесть домов.

Вскоре у меня не было отбоя от клиентов. Я брался только за серьезные случаи, когда больному врачи не оставляли надежды. На разные мелочи, типа головной боли или вывихов и переломов, я не разменивал свой дар. Спасибо моему администратору, который всегда стоял на страже и легко изолировал меня от настойчивых клиентов.

Я не только занимался врачеванием, но и поиском пропавших людей. И ценных вещей. Надо же было на что-то жить целителю с отцом и его администратору с семейством.

Но не материальные блага двигали мною, я хотел проверить другие грани моего дара.

Я мечтал отыскать сестру Ксении.

Пока ее мать не вернулась в Австрию, я должен получить сведения из первоисточника и заняться поисками...

Когда у Белкиных родились девочки – близнецы, они удивились. Никто не предвидел такого исхода. Врачи не заметили, что в животе молодой матери в унисон бьются два сердца. Девочки родились крошечные: старшая Вика весила два килограмма сто граммов, а Ксения – килограмм девятьсот. Они пролежали в родильном доме больше положенного срока, пока обе не набрали по триста граммов, после чего были переданы на руки счастливому отцу семейства.

С первых минут пребывания в доме Вика заявила о себе громким криком, от которого проснулась сестра. Родители решили, что Ксюша присоединится к ее сольному выступлению, получится дуэт, от которого неоправившаяся от родов мать впадет в ступор. Помощников в лице бабушек у Белкиных не было. Они оба были воспитанниками детского дома. Елена напряженно замерла, готовая сама разреветься вместе с девочками. Но ее дочь Ксения не поддержала сестру. Она только недовольно скривилась, покряхтела, почмокала губками и закрыла глазки, показывая всем видом, что ей глубоко безразлично вызывающее поведение Вики. Так они и жили: Ксения ела и спала, Виктория – ела и редела. Покой наступал, когда Елена выходила на прогулку. Девочки сладко спали на свежем воздухе, а уставшая мать сидела на скамейке и клевала носом.

Однажды накопившаяся усталость так «усыпила» Елену, что, открыв глаза, она увидела в коляске одну Ксюшу...

Поиски ни к чему не привели. Девочка, как воду канула...

- Вот такая грустная история, - подвела итог рассказу Елена Александровна.

Воспоминания дались ей нелегко. Она постоянно прикладывала к глазам носовой платок, останавливая поток слез. Левая рука постоянно лежала на левой стороне груди, в области сердца.

- Извините, что заставил Вас заново пережить трагедию, - покаялся я.

– Столько лет прошло, а я до сих пор надеюсь, что откроется дверь и пойдет Вика. – вздохнула женщина. - Сначала мы думали, что дочь украли ради выкупа. Ждали звонка, но никто не позвонил... Потом я стала оставлять Ксюшу на соседку и бродила по вокзалам, рынкам, по местам сборища попрошайек. Я думала, что дочь украли нищенка, чтобы просить милостыню. Женщина с младенцем вызывает жалость у прохожих. Однажды прочла в газете заметку о том, что арестовали банду, которая занималась киднеппингом. Они продавали детей за границу на органы... Ужас! Я как представила, что... Даже говорить страшно. Если бы не Ксюша, я точно лишилась рассудка. Или покончила с собой. В исчезновении Вики я винила только себя... Так в поисках и ожиданиях прошло несколько лет. Меня мучили кошмары, я видела свою девочку на руках нищенки в грязных лохмотьях. Или под скальпелем хирурга... Меня спасла одна статья в журнале. В ней рассказывалось об одном племени в лесах Малайзии. Племя сенуа. В конце семидесятых годов их обнаружили два американских этнолога. Вся жизнь

этого племени была подчинена снам. Сенуа не знали насилия и душевных болезней. Они работали ровно столько, сколько было необходимо для выживания. Племя сенуа называли «народом сна». Каждое утро они начинали с рассказов о сновидениях, увиденных прошедшей ночью. Мир снов у сенуа был более познавательным, чем реальная жизнь. Они анализировали сны, следующей ночью пытались увидеть продолжение, если увиденный сон считался незавершенным. Сенуа утверждали, что перед тем, как заснуть, надо определить тему сна, решить, что вы будете делать в нем, какова ваша роль. Или, что вы хотите узнать с помощью этого сна. Сенуа говорили, что познать науку сновидений нелегко, все надо делать постепенно. Детям хватит пяти недель, чтобы научиться управлять снами, взрослым – несколько месяцев... Вы догадались, Аристарх, что я решила познать учение «народа сна», но пошла своим путем, приобщила к этому дочь. Каждый вечер перед сном я рассказывала Ксюше сказку про двух девочек, как две капли воды похожих друг на друга. Это были разные истории их жизни, иногда веселые, иногда грустные, но главное – девочки были вместе. Потом я целовала дочь на ночь и желала ей и себе увидеть во сне другую девочку, которую зовут Виктория... Ксении было года три, ей нравились рассказы о сестре. Она подходила к зеркалу, смотрела на свое отражение, тыкала пальчиком и говорила: «Это Вика!» Потом переводила пальчик на себя и заявляла: «Это Ксюша». Смотреть на это без слез было невозможно. Но я заставляла себя снова и снова рассказывать о Виктории. Каждое утро я спрашивала Ксению, что ей снилось. Она была маленькой, но очень умненькой девочкой, с хорошей развитой речью... Но, увы, дочь рассказывала о снах, в которых не было Вики.

- А Вам, что снилось? – не удержался я от вопроса.

- Мне снилась только Ксения.

- Вы уверены, что это была Ксения, а не Вика?

- Молодой человек, только материнское сердце умеет распознать близнецов. – с болью сказала Елена Александровна.

- Значит, вам обеим так и не удалось овладеть учением племени сенуа?.. Кстати, они так и живут в лесах Малайзии? – заинтересовался я, будто собрался сию минуту сорваться с места и мчаться на и поиски.

- Племя исчезло, когда вырубил леса. Был «народ сна» и пропал, словно не существовал на самом деле, а стал продуктом сна американских этнографов. Или сенуа так погрузились в счастливый мир снов, что решили не возвращаться... А нашла ли я ответ на вопрос с помощью их учения, не знаю... Одно могу сказать с уверенностью - вечерние сказки о девочках-близнецах немного успокоили мою душу, исчезли кошмары, я стала верить, что моя дочь Вика жива и у нее все хорошо.

- А что все-таки рассказывала о своих снах Ксения?

- Был один... интересный сон, мы сначала попытались с мужем его расшифровать, но потом поняли, что он навеян посещением цирка.

- Вы водили дочь в цирк, и после этого ей приснился вещий сон?

- Вещий? – Елена Александровна задумалась. – Я не знаю, почему мы тогда не придали значения восторженному рассказу Ксении.

- Наверное, Вы решили, что девочка получила массу впечатлений от представления и захотела стать артисткой цирка? Желания детей приобрести ту или иную профессию меняются еженедельно, в зависимости от увиденного... Но вы помните сон дочери?

- Конечно, я постоянно прокручивала его в уме. Однажды утром Ксюша проснулась и заявила: «Мама, зачем ты меня разбудила?» Я начала объяснять про детский сад, в который мы опаздываем, а она вздохнула и говорит: «Мы с Викой были принцессами, я так хотела увидеть, что будет дальше, а ты...» - С Викторией? – встрепелась я. – Вы были на новогодней елке? – Я подумала, что Ксении приснилось, будто они с Викторией принимают участие в костюмированном новогоднем представлении. Я постаралась говорить спокойно, чтобы не испугать дочь. Хотя, мне хотелось кричать... А ей хотелось поделиться сказочным сновидением, и она с удовольствием продолжила: Мы

танцевали на арене цирка в красивых платьях с блестками, кружились, как снежинки, потом вышла тетя в облегающем костюме, она была похожа на змею. Тетя села на перекладину и ее подняли под самый купол. Мы с Викой начали махать ей руками, будто провожали ее в полет... Она... - девочка замялась. - Воздушная гимнастка, - подсказала я. Ксюша подумала и согласилась. – Тетя - гимнастка очень смелая. Я бы ни за что не поднялась на такую высоту! - А вы с Викторой разговаривали? – Немного. Она успела сказать, что, когда вырастет, тоже станет настоящей циркачкой, только не воздушной гимнасткой, а дрессировщицей. А потом ты меня разбудила...

Наш разговор с Еленой Александровной прервало вернувшееся с прогулки семейство Бобик. Я не обрадовался их приходу. Евлампий заметил недовольную гримасу на моем лице и увел сына и жену в другую комнату. Две однокомнатные квартиры Ксения и Евлаша поменяли на одну трехкомнатную в этом же доме. Им нравился дом, удаленность от дороги и наличие небольшого живописного оазиса, утопающий в зелени и цветах, где можно провести время с любимым чадом...

Я ждал, что Белкина спросит, на чем мы остановились, но она без наводящих вопросов продолжила прерванную беседу.

- Может, в этом сне был ответ на мой вопрос?

Я непроизвольно взял руку Елены Александровны, легонько сжал ее своими ладонями и закрыл глаза. Евлампий предупредил тещу о моих... странностях, поэтому она не удивилась поведению приятеля своего зятя, только напряглась.

- Расслабьтесь и думайте о Вике. Вспомните в деталях еще раз увиденный Ксенией сон. Мысленно перескажите его...

Я увидел молодую Елену Белкину, которая сидела на скамейке в парке. Она склонилась на поручень двухместной коляски и мирно спала вдали от суеты главной аллеи. Здесь прохожих почти не было. Мать специально выбрала это место, чтобы ее малышек никто не потревожил. Только на дереве «веселились» неугомонные воробьи, которые радостно приветствовали приход весны. На чистом голубом небе повисло солнышко, направив лучи на усталую мать и ее коляску, будто осветило их прожектором. Может, оно хотело предупредить о надвигающейся опасности. Но молодая женщина не реагировала на устремленный ей в спину солнечный луч...

Но аллее шла другая женщина, она даже не шла, а еле перебирала ногами, цепляя носками туфель тротуар. Невидящим взглядом она смотрела вдаль, изредка подносила руку к щекам и смахивала бегущие по лицу слезы.

- Этого не может быть? Почему это произошло со мной? – едва слышно вопрошала она. – Да, я сама виновата, что не прекратила выступление, как только узнала, что жду ребенка, но я думала, что срок небольшой и ему это не повредит, - оправдывалась она перед собой, непроизвольно дотрагиваясь до живота. – Теперь там никого нет. И уже никогда не будет... Не будет... Никогда...

Она не заметила, как свернула на тропинку и опустилась на ближайшую скамейку. Сначала молодая женщина не обратила внимания на соседку, а потом скользнула по ней взглядом, уткнулась в коляску, не удержалась и заглянула в нее.

- Какие хорошенькие детки! – восторженно произнесла она и покосилась на спящую мать. – Счастливая... А я... Почему у тебя двое, а у меня ни одного? – Шепотом спросила она у спящей. – Вижу, ты устала... Хочешь, я сделаю так, что тебе станет легче? – В глазах женщины появился нездоровый блеск. Не дожидаясь ответа, она осторожно взяла на руки ребенка, который был ближе к ней и быстро удалилась...

-...Где ты взяла этого ребенка? – спросил муж, когда Нелли вернулась в гостиницу.

- Нашла, - односложно заявила она.

- Ты его... украла? – задохнулся он, не сводя удивленного взгляда с жены.

- Мне его... подарили, - спокойным тоном сказала Нелли. – У них было двое, они решили поделиться со мной. Ведь, у меня не может быть детей, хотя, мне всего восемнадцать лет... – Она развернула сверток и с восторгом произнесла, - смотри, Дим, это девочка!

- Ты сошла с ума!

- Я сойду с ума, если ты отберешь у меня эту девочку. Ее зовут Вика, смотри на пеленке вышито ее имя.

- Но как мы объясним, откуда у нас появился ребенок? - уже тише спросил любящий муж.

- Все в цирке знали, что я жду ребенка, но никто не знал, что случился выкидыш...

- И у тебя сразу появилась дочь. Ты ее родила на пятом месяце беременности, а она весит при этом... больше пяти килограммов? Далеко пошла наша медицина, - с сарказмом произнес Димитрий.

- Я все придумала. Я возвращаюсь в свой родной город, прихожу в отделение милиции и заявляю, что я артистка местного цирка. Мне пришлось прервать гастроль в связи с рождением дочери. По дороге у меня украли все документы. Называю место прописки, идет проверка, а затем мне восстанавливают паспорт и выдают свидетельство о рождении дочери. Тихо живу вместе с дочерью, когда она подрастет, я присоединяюсь к цирковой труппе. Скажу, что родила Вику семимесячной. Кто заметит разницу в три – четыре месяца?

- В таком возрасте заметна каждая пара недель...

- Но она родилась... крупная, хоть, и недоношенная. И хорошо набирала вес...

- Ты так уверенно рассуждаешь, что я сам начинаю верить, что все так и было, и Вика наша дочь.

Нелли с девочкой на руках подошла к мужу, поцеловала его и тихо сказала.

- Спасибо, что нас теперь трое...

Уже на следующий день цирк отправился дальше, а Нелли Витковская, воздушная гимнастка и жена дрессировщика, отбыла в родной город. Димитрий заявил, что она легла в хорошую клинику на сохранение, не уточняя, где эта клиника находится...

Все дети цирковых артистов живут в своем замкнутом мире, в котором особых запахов, особые отношения и абсолютная уверенность в будущем предназначении. Разница лишь в том, пойдешь ты по стопам отца или матери.

Вика пошла по стопам отца, сначала была ассистенткой в его номере «Танцы индийских слонов», потом посчитала себя самостоятельной и перешла на дрессуру собак.

Семья Витковских исколесила с цирком всю страну, была за ее пределами, лишь один город для Димитрия и Нелли оставался запретным. Город, где жили настоящие родители Вики. Витковские были уверены, что они не сменили место жительства, они не могут себе позволить оборвать ниточку, связывающую их с пропавшей дочерью. Цирковые артисты установили себе запрет на въезд в город, где прошлое может в любой момент заявить о себе и перевернуть их спокойную жизнь...

Когда Нелли исполнилось тридцать шесть лет, она решила уйти «на пенсию». Двадцать лет, которые она проработала под куполом цирка, ей это сделать позволяли. Подвести черту она решила на выступлении в родном городе. За этой чертой должна начаться неизвестность, которая ее пугала. Муж Димитрий успокаивал, уговаривал ее стать его ассистенткой.

- Зачем тебе пенсионерка, - вздыхала она с грустной улыбкой. – Найди себе молоденькую девочку.

- Ты слишком самокритична. Когда вы с Викой идете по улице, вас принимают за сестер. – Димитрий заметил, как Нелли вздрогнула при упоминании слова «сестра». – Прости, я был нетактичен. Такой же неловкий, как мои слоны... – Он прижал к себе хрупкую жену.

- Все хорошо. – Нелли резко отстранилась и вышла из примерки мужа.

Вернувшись к себе, она села перед зеркалом, внимательно оценила лицо на количество морщинок и заявила своему отражению.

- У меня еще есть время, чтобы решить, как жить дальше...

На последнем выступлении Нелли Витковская сорвалась и получила травмы несовместимые с жизнью. Два дня она безуспешно боролась со смертью, перед тем, как уйти, открыла глаза, посмотрела на дочь, потом перевела взгляд на мужа и еле слышно произнесла.

- Я расплатилась за несчастье, которое принесла людям...

Восемнадцатилетняя Вика осталась вдвоем с отцом.

Сначала Дмитрий посчитал последние слова жены, как просьбу рассказать обо всем дочери, но потом с ужасом подумал о том, что останется один. Один на всем белом свете. Как бы он не был привязан к работе, к цирку, к животным, семью все это не заменит. Поэтому смалодушничал, а на вопрос Вики, что имела в виду Нелли, лишь недоуменно пожал плечами.

Через полгода после смерти жены Дмитрий Витковский увлекся артисткой кордебалета. Легкомысленная интрижка без серьезных последствий разорвала отношения отца и дочери. Вика не могла простить отцу, что он быстро утешился после смерти супруги.

Девушка всегда легко решала вопросы, даже жизненно важные. Поэтому без особых колебаний написала заявление об увольнении из цирковой труппы и исчезла в неизвестном направлении...

- Получается, что Вике в ту пору было около девятнадцати лет? - задумчиво произнесла Елена Александровна после того, как внимательно выслушала мой рассказ, который родился в моей голове. Но помогла мне в этом сама Белкина, руку которой я все время держал в своих руках. Через мать я установил связь с потерянной дочерью.

- Таким способом, ты можешь узнать, где скрывается Олеся Бондарь. – услышал я. Повернул голову в сторону двери и увидел возбужденного Евлампия.

- Что за дурные манеры, стоять под дверью и подслушивать! – скривился я. Бобик испуганно глянул на тещу, но она находилась в состоянии шока, поэтому на нашу короткую перепалку не отреагировала.

- Я серьезно, - прошептал Евлаша, усаживаясь на диван, - пока эта зараза ходит по земле, неизвестно, каких сюрпризов от нее еще ждать.

- Об этом мы поговорим позже, - резко оборвал я друга и указал, где находится выход.

- Ладно, ладно, уйду. – недовольно пробубнил он, поднимаясь с дивана, - но я твой администратор, поэтому имею право быть в курсе всех твоих дел.

Я подумал и разрешил ему остаться. Физиономия приятеля расплылась в довольной улыбке. Потом он снова посмотрел на тещу, и улыбка исчезла, уступив место тревоге.

- Арик, мне кажется, ее нужно вернуть, - озадаченно произнес он.

- Елена Александровна, о чем вы задумались? – душевным голосом поинтересовался я и провел рукой перед лицом женщины, словно «убирал» невидимую стену, разделяющую нас.

Белкина несколько раз моргнула.

- Извините, я задумалась... Но где же нам искать Вику?

Всезнающий Евлампий уже открыл рот, чтобы вмешаться, но я опередил его.

- Теперь мы знаем фамилию Вики. – внятно сказал я, будто разговаривал с несмышленным ребенком.

- Но у каждого циркового артиста есть сценический псевдоним, - не выдержал и встрял Бобик. – Вероятнее всего, у Вики в паспорте другая фамилия, раз она вдрызг разругалась с отцом. С этим... Дмитрием.

И Белкина, и Евлампий вопросительно уставились на меня, как на последнюю инстанцию, которая вынесет окончательный вердикт.

Я задумался: предположение приятеля имеют под собой почву.

- Может, продолжить эксперимент, - предложила Елена Александровна, не дождавшись моих умозаключений.
- Не думаю, что это хорошая мысль, - высказался за меня Евлампий, заметив мою полную энергетическую истощенность и чрезмерную усталость.
- Да, - быстро согласился я. – Давайте перенесем все выяснения на завтра.
- Если ты будешь готов к продолжению. – добавил Бобик, обеспокоенно глядя на меня. Последнее слово, как всегда, осталось за ним.

Когда я поднялся на ноги, то понял, как сильно устал. Ноги в прямом смысле не держали меня. Евлаша помог мне дойти до соседней комнаты, заботливо уложил на кровать и накрыл мохнатым пледом.

- Позвони отцу и скажи, что я у тебя... задержусь. Пусть не волнуется. – это были мои последние слова перед тем, как погрузиться в глубокий сон...

Когда я открыл глаза, то долго не мог понять, где нахожусь, потом память стала медленно возвращаться. Я сел, прислушался к себе, понял, что прекрасно себя чувствую, даже очень хорошо, потому что пребываю в эйфории. Во сне я получил недостающие ответы. Может, мне помогло учение племени сенау, я в последний миг успел задать интересующий меня вопрос и во сне получил долгожданный ответ на него.

Ламбровский, ты гений! Так быстро овладеть их наукой, дано не каждому, - мысленно похвалил я себя.

Дверь резко толкнули, и на пороге появился мой крестник – Аристарх Бобик собственно персоной.

- Иди сюда, - позвал я ребенка. Малыш поковылял ко мне, не доходя нескольких шагов, хлопнулся на мягкое место. Не заплакал, стал на четвереньки и преодолел оставшийся путь более легким способом. Я не вмешивался и с интересом наблюдал за мальчиком. – Молодец, - похвалил я тезку и посадил на колени. – Хочешь, я расскажу тебе сказку? – Малыш засунул в рот палец и выжидательно посмотрел на меня, молчаливо объявляя о своей готовности и одновременно призывая меня к повествованию.

Начал я с того, как злая колдунья выкрала у доброй женщины одну из дочерей...

- ...Теперь Виктория живет в Запорожье, она замужем, работает адвокатом в известной в городе адвокатской конторе, она замужем, воспитывает дочь, которую по странному стечению обстоятельств назвала Ксенией... Вот такой конец у сказки...
- Это не конец.

Я вздрогнул. В этом семье есть традиция незаметно подкрадываться, подслушивать, а затем высказывать свое мнение.

Я так увлекся рассказом, что не заметил, как появились Елена Александровна и Ксения. Они с недоверием выслушали мою сказку. Последнюю фразу произнесла мать.

- Арик, ты... сейчас правду говорил или... фантазировал? – спросила Ксюша.
- Правду. Мне помог «народ сна».
- Мам, - обратилась она к Елене, - ты и об этом успела рассказать Аристарху? Это племя, действительно, существовало? Оно не родилось в твоей бурной фантазии?
- У тебя все фантазеры, одна ты реалистка, - отмахнулась от нее мать. – Значит, Вы, Аристарх, уверены, что Виктория живет в Украине?
- Совершенно уверен!
- Но раз она вышла замуж, то теперь она не Витковская? – поинтересовалась она с надеждой в голосе.
- Она... Белкина.
- Как? – хором произнесли мать и дочь, словно я сделал научное открытие, за которое получу Нобелевскую премию, часть которой отдам семейству Бобик.
- Виктория Димитриевна Белкина...
- Анатольевна, - автоматически поправила меня встревоженная Елена Александровна.

Я не стал спорить, хотя, о том, что Вика на самом деле Анатольевна, она не догадывается.

- Вышла замуж за... Анатолия Белкина, - уверенно сказал я, будто «читал» их свидетельство о браке, потом перешел к другому документу. – У них родилась дочь – полная тезка нашей Ксюши, которой сейчас десять лет. Виктория - преуспевающий адвокат с хорошей репутацией...

- Неужели... это правда? – Елена Александровна терпеливо ждала подтверждения. – Но как же... цирк.

- Обида на отца... на Дмитрия Витковского отрубилась все желания работать в цирке. Вика выбрала профессию, которая ей не будет напоминать о погибшей... Нелли и о предателе Дмитрие. – я чуть не сказал о матери, но вовремя поправился, чтобы не ранить сердце Белкиной.

- Откуда ты почерпнул эти сведения? – недоверчиво спросила Ксения.

- Из сна... Как бы я вас обеих не уверял, вы должны убедиться во всем сами...

Им хватило месяца. Они нашли Викторину Белкину. Она, действительно, проживала с семьей в Запорожье. Сначала она не поверила двум женщинам, которые объявили себя ее матерью и сестрой, потом Вика обратилась за разъяснениями к отцу. Тот сразу признался и все рассказал...

В этой истории остался один недовольный. Это я. Еще забыл о Витковском, который после всех выяснений окончательно потерял дочь. Но так и должно было случиться. Поздно или рано.

Я был очень разочарован: Виктория оказалась замужней женщиной. Я потерял последнюю надежду жениться.

Но кто знает, может на моем пути еще встретиться сильная женщина, готовая связать себя узами брака с человеком, который получил дар... Способная понять его и принять вместе с тараканами в голове...

Бобик не переставал донимать меня призывами найти Олеся Бондарь и запрятать ее в тюрьму за все совершенные злодеяния. Я, наконец, сдался.

- Чтобы ее найти, надо восстановить с ней невидимый контакт через одного из ее родственников. – сказал я, не особо надеясь на удачу.

- Ее родители ушли из жизни, когда поняли, каких монстров они воспитали. – доложил Бобик, который получил эти сведения еще в то время, когда шел суд над Олегом Бондарем. – Кроме брата, у нее никого не осталось. Но Олег в колонии. Сюда его не доставишь...

- Значит, мы поедem к нему на свидание, - решительно заявил я.

- А ты знаешь, куда ехать? – с иронией спросил Евламп.

- Если ты думаешь, что свой дар я буду разменивать по мелочам, то глубоко ошибаешься. Я попрошу отца навести справки...

- Облом! Полный облом по всем направлениям! – запричитал Евлампий, когда услышал новость об Олеге, которую принес мой отец: Бондарь умер от туберкулеза легких полгода назад. – В общем, все умерли, - заключил он и вопросительно уставился на меня.

- Я не могу узнать, где скрывается Олеся! – сразу отрубил я все попытки к убеждению и уговорам. – Вспоминая слова Салтыкова – Щедрина о пороке, который не остается безнаказанным, так как быть порочным уже наказание, я могу заключить, что Олеся Бондарь давно понесла наказание. – констатировал я, поставив жирную точку.

- Может, ты все же попытаешься, - попытался уговорить меня обеспокоенный отец. – Я, сынок, не молод, и ходить за тобой по пятам, чтобы предупредить еще одно покушение, не могу.

- Я не думаю, что эта женщина совершит еще одну попытку, - монотонным голосом заметил я.

Желание искать Олесю у меня не возникло с самого возвращения с того света, как я теперь именовал мое двухлетнее коматозное состояние. Раз оно не возникло, следовательно, в этом нет необходимости. Я не знал: успокаивал я себя таким заверением или хотел вычеркнуть из памяти то время, когда находился под контролем убийцы?

Если мое «я» восставало против вяло текущей безрадостной жизни каждые десять лет, то всплески или жизненные корректировки совершались каждые два года. Два года я ждал, пока убийца заявит о себе покушением на меня, на два года впал в коматоз... Возникает резонный вопрос: Чего ждать от следующих двух лет жизни? Новое отклонение от заданного курса, который мне указали свыше? Наказание за неправильное использование дара и снова глубокий сон, за которым последует окончательное прощание с земным существованием, или возвращение к близким людям, но уже без дара?

Я задумался...

Не знаю, какой выбор сделали бы вы, а я выбираю второй путь.

Возможно, пока я не осознал, чем меня осчастливили? Но вокруг миллионы нормальных людей, и они не казнят себя за то, что они не наделены сверхспособностями. Они просто живут. Работают, любят, мечтают...

Если вдруг произойдет перезагрузка, и я снова стану обычным человеком, всего лишь третьей скрипкой в оркестре, то пусть рядом со мной, в минуту пробуждения, будут мой отец, мой друг и... еще один человек, который в ТОЙ новой жизни, будет свободен от уз брака и полюбит простого скрипача...

Судьбу недаром называют злодейкой: она никогда не преподнесет сюрприз, не попросив что – то взамен...

Потом у меня не было времени на раздумья об обмене с судьбой – злодейкой. Жизнь целителя и предсказателя закружилась в круговерти чужих проблем. Больших и не очень. И все люди хотели их разрешить, прибегая к моей помощи...

Однажды ко мне на прием пришел молодой человек. Он представился Эдуардом Витюшкиным.

- У меня через неделю свадьба. Родители решили сделать нам подарок – купить квартиру. Но зная мой придирчивый вкус, предоставили мне возможность самому подобрать будущее жилье. Я убил на это целый месяц, наконец, нашел то, что хотел. Вчера я должен был пойти в риэлтерскую контору и составить купчую на выбранную недвижимость... Короче, еду я на автомобиле, остановился на светофоре, смотрю по сторонам и вижу – мой школьный кореш Дениска Врубов! Он лет пять назад уехал в Новый Юренгой. С тех пор его не видел. Сначала подумал, что обознался, но все равно припарковался, вышел из машины и окликнул. Точно, Дениска! Ну, в общем, отметили мы встречу! Хорошо отметили! Куда делся дипломат, в котором лежали два с половиной «лимона», не помню... Ладно бы мои деньги, а то родителей... Они продали дом в деревне, добавили многолетние накопления и все отдали любимому сыночку на квартиру, а он оболтус...

Парень совсем сник. Я решил ему помочь. Но не успел задать ни одного вопроса.

- Бывает, - встрял в разговор неугомонный Бобик.

- Евлампий Владимирович, у Вас есть свои дела? – поинтересовался я со зловещей улыбкой на устах. Администратор не стал дожидаться, «когда я превращу его в жабу», как он любил говорить, и быстро ретировался, оставив нас один на один с несчастным Витюшкиным.

- А теперь Эдуард изложите мне все подробности. – я понял по взгляду молодого человека, что восстановление памяти вызывает у него затруднения в виду выпадения из

жизни на определенном этапе, поэтому разрешил изложить мне только то, что предшествовало моменту беспамятства.

Много времени рассказ не занял. Приятели заехали в ближайший ресторан. Причин для веселья было несколько: предстоящая женитьба Эдуарда Витюшкина, возвращение Дениса Врубова в родной город, покупка квартиры и еще несколько не менее важных поводов для поднятия тостов. Как то крепкая мужская дружба, здоровье родителей, здоровье будущих детей и так далее. На каком тосте Эдик «сломался», он не помнил. Но утром он обнаружил свое тело в собственной постели. Витюшкин вернул себя к жизни при помощи ледяного душа и пары чашек крепкого кофе. Но лучше бы он этого не делал. Сразу возник вопрос: Где дипломат с миллионами? Куда он пропал? Денис на поставленный вопрос не ответил. Он только помнил, что, когда они заходили в ресторацию, коричневый дипломат был в руках приятеля. На момент ухода из заведения все внимание Врубова было сосредоточено на Эдуарде.

Витюшкин устремился в ресторан. Авто скучало в ожидании хозяина, дипломата в нем, естественно, не было. Молодой человек надеялся на чудо: вдруг он автоматически положил его в салон автомобиля, и отправился в компании Дениса домой.

- А Врубов знал, где вы живете? – спросил я.

- Нет, - покачал головой Витюшкин. – Эту квартиру я снял три месяца назад, тогда еще не знал, что родители готовят нам сюрприз.

- Значит, вы назвали Денису адрес, он препроводил Вас до дома, будучи в более – менее стойком состоянии, однако дипломат с деньгами почему – то выпал из его поля зрения.

- Вы намекаете на то, что Дэн присвоил себе чужие деньги?! – возмутился Эдуард.

- Нисколько. Я прослеживаю цепочку.

Я с любопытством наблюдал за лицом парня. Недовольство исчезло, на смену снова пришла растерянность. Он тоже смотрел на меня, но в отличие от моего изучающего взгляда с одновременным погружением в его мысли, Эдик смотрел на меня недоверчиво и вопросительно – вызывающе. Как все молодые люди он не слишком доверял шарлатанам типа меня, но беда привела его ко мне. Я был последней инстанцией. Он возлагал надежды, но в глубине души возмущался своим приходом и мучился от того, что этот приход станет достоянием гласности, что в свою очередь приведет к насмешкам со стороны молодых повес, не верящих ни в черта, ни в бога, тем более в осчастливленных дарованием личностей.

- Я не верю, что Дэн...

Я не стал дожидаться продолжения. Еще один плюс Витюшкину за веру в мужскую дружбу.

- Очень хорошо, что вы полностью доверяете школьному другу. – похвалил я Эдуарда.

- Сейчас вы скажите, что люди со временем меняются, что я не знаю, чем Дэн занимался в своем Уренгое?!

- Не скажу, потому что не хочу терять время на голословные обвинения. Я хочу поговорить с Врубовым. – я догадывался, что свой приход ко мне он желает сохранить в тайне, но желание найти деньги перевесило.

- Хорошо, я ему позвоню, и попрошу приехать...

Денис не заставил себя ждать. Уже через полчаса он сидел передо мной. Я попросил его начать рассказ с того момента, как они покинули ресторан.

- Мы вышли на улицу. Я надеялся, что Эд очухается на свежем воздухе, но его еще больше развезло. Я долго добивался, куда его отвезти. Где он жил в школьные годы я знал, но про съемную квартиру он что – то говорил, но я... позабыл. Это было еще в самом начале застолья... Потом я купил в ларьке бутылку холодной минералки, Эд сделал пару глотков, а остальную воду я вылил ему на голову. - заметив возмущенный взгляд Витюшкина, Денис сказал, - извини, друг, я просто хотел привести тебя в норму, чтобы узнать твой адрес.

- Узнал? – набычился Эдуард.

- Узнал, - совершенно счастливым голосом произнес Врубов, словно выпытал у вражеского шпиона секретную информацию.

- Что было после освежающего душа? – поторопил я рассказчика.

- Мы поехали в район Петушки, где Эд снимал квартиру, долго плутали среди домов, пока не нашли нужный. Поднялись на лифте на шестой этаж, я нашел в кармане приятеля ключи и попытался открыть дверь. Но она вдруг открылась сама по себе, в дверном проеме нарисовалась дама с тюрбаном на голове, она начала так верещать, что Эд пришел в себя. Но ненадолго, но в этот короткий миг я успел выяснить, что мы хотели проникнуть в чужое жилище. У Эда дом номер семь, а у этой... с тюрбаном на голове, семь дробь один... Ошиблись маленько... Мы переместились в соседний дом, но, как назло, лифт не работал. Мы потопали на шестой этаж... Нелегкая это работа тащить на заливке восьмидесятикилограммовую тушу.

- Да, ладно, - отмахнулся Витюшкин, - я вешу всего семьдесят два.

- Я мне показалось, что больше, - усмехнулся Денис. – В общем дошли. Я открыл дверь, уложил Эда в постельку и пошел домой... Все...

Я осмыслил рассказ. Меня заинтересовал пеший подъем на шестой этаж.

- Вы делали остановки? - напряженным голосом спросил я.

- Кажется, - задумчиво ответил Денис.

- Кажется или делали? – допытывался я. – Поймите, это важно...

- Мы... останавливались где – то... на середине подъема. – деловым тоном произнес Врубов, словно перед ним сидит не один человек, а группа репортеров, и они им рассказывает о восхождении на Эверест.

- Значит, приблизительно на третьем этаже.

- Не на самой лестничной клетке, а возле... мусоропровода. Эду совсем заглохло...

- Заглохло, - повторил я новое слово. Затем повернулся к Витюшкину. – Поезжайте домой, и поищите свой дипломат с деньгами возле мусоропровода. Проверьте на всех этажах. Если его там нет, то спрашивайте у соседей. Я с абсолютной уверенностью заявляю, что Вы его оставили у мусоропровода, где Вам... заглохло...

Уже через двадцать минут мне позвонил Эдуард и срывающимся голосом доложил, что дипломат с двумя с половиной миллионами рублей спокойно лежал за мусоропроводом между третьим и четвертым этажами...

Любой человек для меня – открытая книга. Однажды я понял, что чертовски устал от чтения. Скоро год, как я ковыряюсь в чужих головах и внутренностях.

Приближался очередной день рождения, и мне захотелось улизнуть из города. Все равно, куда...

Пару месяцев назад я купил новый внедорожник, нанял водителя и теперь решил опробовать покупку в действии, отправившись в путешествие. Евлампий возжелал присоединиться ко мне, но его желание не совпадало с моим: мне хотелось уединения. На выручку пришла Ксения, она заявила, что муж останется дома, а через пару месяцев они всей семьей отправятся к морю. Арик уже подросток, ему нужны новые впечатления.

Я мысленно похвалил Ксюшу за поддержку и подсказку. Теперь я знал, куда отправлюсь. Не в конкретное место, а в сторону морского побережья, а там будет видно. В этом преимущество путешествия на автомобиле.

Михаил был опытным водителем. Его нашел Евлампий. Внушительные габариты парня подсказали Бобику, что в его обязанности будет входить не только управление транспортным средством, но и исполнение роли телохранителя. Поначалу я возмутился, по веские доводы, который привел администратор, меня убедили: я стал в городе известной личностью, мало ли как поведет себя человек, которого я отказался принять в виду несерьезности его проблемы. Или кто– то может посчитать мои наставления некорректными, и ему захочется жестоко отомстить.

В общем, я в сопровождении телохранителя и водителя в одном лице отправился в южном направлении...

Сначала красоты за окном меня не вдохновляли. Поля, степи, невзрачные кустарники. Радовало глаз то, что свежая майская зелень еще не покрылась серой пылью, как это случается в жаркую июльскую пору.

Вскоре появились горы, дорога извивалась у самого подножия, и я с интересом стал рассматривать скальные наслоения.

Это сколько должно пройти лет, чтобы слой укладывался на слой, и выросла такая гора? – задумался я. – Или, наоборот, произошел разлом, а дорога, по которой мы едем, это трещина. Широкая трещина... - Я окинул оценивающим взглядом окружающее пространство, сделал вывод, что географ из меня никудышный, и каждый должен заниматься своим делом. Я терпеть не могу, когда с умным видом начинают рассуждать о том, в чем не разбираются. Причем делают это в присутствии ученых мужей, которые в силу своей интеллигентности лишь молчат и недоуменно поглядывают на выскочку. Не это ли профанация, опошление чужих научных идей?..

Потом мне наскучило и это. Я ждал появления морских просторов, но они не спешили открыться моему взору. Тогда я решил занять себя другими философскими рассуждениями, так и время быстрее пролетит, и я свои извилины расшевелю.

Из будущих проблем самой неприятной был очередной день рождения. Мне сорок один. Прошел год после выхода из коматозного состояния. Интересно, произойдет ли жизненная корректировка еще через год? Или мне надо ждать пятидесятилетия, чтобы повернуть в другую сторону? Перезагрузиться и начать жизнь заново в другом статусе. И кем я могу стать? Раз я все время брожу около творческих специальностей, целительство и предсказательство я тоже отношу в этой категории, то могу надеяться, что далеко от творчества не уйду. Я стал перебирать разные профессии, в итоге, ни одна меня не привлекла, и пришлось отбросить пустую затею. Это все равно, как воду в ступе толочь. Вот если произойдет перезагрузка, то тогда я... Что будет, то и будет, как любила говорить моя покойная мать.

Надо забыть об исчислении прожитых лет. Забыть о дате, когда ты появился на свет. Человеку столько лет, на сколько лет он себя чувствует. Я чувствую себя двадцатипятилетним парнем. У меня со здоровьем полный порядок, жизнь наладилась, дар используется на полную катушку... Только загвоздка с личной жизнью, но заикливаться на этом я не желаю. Может, судьба – злодейка отберет у меня что-нибудь и даст взамен способность любить? Или просто даст, без обмена, за мое примерное поведение.

Значит, решено, забываю о дне рождения. Или исчисляю его со дня выхода из комы... Нет, в этом случае, я слишком мал. Меньше своего тезки. Просто забываю... Какая глупость, поздравлять с днем рождения. Я понимаю, когда к тебе приходит гость и поздравляет тебя с появлением на свет.

- Дорогой Аристарх Васильевич! – с душевной теплотой в голосе говорит он, - в этот день Вы увидели наш прекрасный мир в первый раз! Не важно, сколько лет назад произошло это событие, главное – оно случилось. Это прекрасно, когда является ЧУДО! Любой ребенок это чудо, никто не знает, какие черты характера или внешнего облика он возьмет от своих многочисленных предков. Это, как создание гениальным художником очередного шедевра: у автора есть задумки, наброски, но каков будет конечный продукт его труда, неведомо... Неизвестно, какие коррективы он внесет в почти готовое полотно...

Хорошая речь. Проникновенная. А то заявляют: поздравляю с днем рождения!.. Возникает непонимание: славят тебя, как чудо, появившееся на свет в этот день, или сам день, а ты имеешь к нему всего лишь отдаленное отношение...

Философское рассуждение меня порадовало и уверило в правильности курса. Тем более, если ты хочешь собраться с друзьями и послушать хвалебные речи в свой адрес, то необязательно привязываться к определенной дате.

В один миг я забыл обо всем.

На меня набросилась бескрайняя синяя гладь моря. Она заключила в объятия, приласкала и мягкой волной выбросила все из головы.

- Красота! – не удержался я от восклицания.

- Точно! – поддержал меня немногословный водитель Миша.

Я понял, что должен любоваться бескрайним морем не из окна автомобиля, пролетающего мимо красот, а в непосредственной близости.

«На лету» нельзя получить удовольствие, только вызвать обиду...

Мне хотелось вырваться из салона, вдохнуть в себя неповторимый морской воздух и опьянеть от избытка чувств.

Я попросил Михаила остановиться. Море раскинулось где-то внизу и зазывно плескалось. Идешь, идешь? – спрашивало оно. - Иду, - мысленно заверил я и обратился к Михаилу.

– Подожди меня здесь! - попросил я и стал спускаться по тропинке. К нему, к морю, которое от нетерпения пошло легкой рябью.

Цивилизация с коттеджами и рынками начиналась неподалеку. Но я смог отгородиться от нее и почувствовать себя единственным человеком на земле. Я и водная стихия. Сейчас она лежала у моих ног, как ластящаяся кошечка и мурлыкала. Но, как всякая природа, море обманчиво. Как и женщина. Я небольшой знаток прекрасного пола, но за последний год проник в их загадочную психологию. Их настроение переменчиво, как погода за окном, как море. С утра тихое и спокойное, потом внезапная перемена: дождь, переходящий в ураган, усиливающийся шторм, который все больше и больше заглывает песчаный берег. И вдруг... полный штиль. Море вернулось в положенные рамки – границы, будто и не было волнения. Выхлестнуло эмоции и забрало их с собой вместе с отливом. Затуманенный взор, который еще несколько минут назад метал молнии, стал похож на морскую пучину после шторма. Хочется, очень хочется утонуть в этой пучине и заглушить последствия урагана одной фразой: Все хорошо. Если мы рядом.

Главное, чтобы две стихии не столкнулись лбами. Тогда последствия будут непредсказуемы и возможны жертвы.

Поэтому, когда одна стихия взбунтовалась, другой лучше залечь на спокойное дно и переждать бурю. Или уйти подальше, чтобы не смыло набежавшей волной. Но после обязательно вернуться...

Я забыл о времени. Когда очнулся, то понял, что майское солнце помахало мне напоследок рукой и почти скрылось за горизонтом, словно разделило море и небо, которые до этого сливались в одно целое. Конец мая – уже не весна, но еще не лето. Стало свежо. Ветер сменил направление – теперь он дул с остывшего побережья в сторону моря. Дневное светило совсем погасло, море и небо потемнели, но я не хотел покидать пустынный берег. Мне расхотелось продолжать путешествие, я боялся расстаться с морем, не думая о том, что оно тянется вдоль трассы. Дальше оно будет другим и не вызовет у меня чувство совершеннейшего счастья.

Я вернулся к автомобилю и предложил водителю остановиться здесь.

Михаил подъехал к ближайшему указателю, который докладывал путешественникам, что еще немного, и они окажутся в прекрасном городе Туапсе.

- Порт, промышленный центр, - коротко, но понятно объяснил немногословный мужчина.

- Не хочу! – так же «литературно - витиевато» высказался я.

- Понял, - кивнул головой водитель и показал мне еще на один указатель, где черным по белому было написано «Агой».

- Поселок? – «доходчиво» поинтересовался я у «разговорчивого» Миши.

Он театрально повел рукой в левую сторону и я, наконец, заметил красочные дома, прилепившиеся на пологом склоне. Весь обзор занимали разросшиеся строения разных форм, высот и размеров с различными типами и цветовыми оттенками крыш. Я хорошо их рассмотрел: здесь, на возвышенности, было светлее, чем на берегу моря, будто я преодолел не пятьсот метров, а перешел из одного часового пояса в другой.

- Думаю, снять дом не составит труда. Не сезон. – вылезая из салона, произнес водитель и скрылся из вида.

Тьма опускалась быстро. Потянуло горной прохладой вперемежку с морской влажностью. Я оказался на месте соединения двух воздушных потоков, поежился и захлопнул дверь автомобиля. Вскоре появился Михаил, завел двигатель и без объяснений тронулся. Он свернул на узкую дорогу, проехал метров сто и остановился.

- Нам сюда! – он указал на трехэтажный дом с веселыми огоньками во дворе. У ворот стояла женщина и приветливо улыбалась.

- Здравствуйте, - поприветствовала она, – меня зовут Любовь Трофимовна.

- Здравствуйте, - откликнулся я, - Аристарх Васильевич. А это мой водитель Михаил.

- Очень приятно. – она показала, куда поставить машину, и пригласила в дом.

Мы заняли два номера на втором этаже. Кроме нас с Мишей других постояльцев в доме не было.

- У нас наплыв отдыхающих в июле – августе, - объяснила хозяйка. – Вы располагайтесь, а потом спускайтесь на первый этаж, я вас ужином накормлю.

- Спасибо, - поблагодарил я, - очень кстати, мы с Михаилом проголодались.

Немногословный водитель удивленно уставился на меня: он не предполагал, что люди с необычными способностями типа меня испытывают чувство голода. – Я не питаюсь святым духом, - усмехнулся я, чем еще больше шокировал мужчину. Он не думал, что к феноменальным способностям мне при раздаче еще добавили чувство юмора.

Мы умяли огромную сковороду жареной картошки на сале с квашеной капустой.

Простая незамысловатая еда была очень вкусной. Потом выпили по две кружки чая с пирогами. Я налегал на сладкие пироги с клубничным джемом, а Миша – на пироги с капустой. Уже на второй чашке чая я начал с трудом фокусировать свое зрение на окружающих предметах, которые странным образом расплывались перед глазами. Сквозь туман я услышал голос Любовь Трофимовны.

- Ой, а Аристарх Васильевич уже «клюет» носом.

Я встрепенулся, попытался отогнать сонливость, но через пять минут попытка продолжилась. Я уступил в неравной схватке, отправился на второй этаж и безвольно сдался власти сна.

Проснулся я рано. Солнце еще не появилось, через открытую форточку проникала легкая прохлада, я натянул на голову одеяло и снова погрузился в сон.

Когда человек пропахал без отдыха целый год, то его сны отражают накопившуюся усталость. Мне приснился ишак, впряженный в повозку. Доктор Сосновский загружал в повозку тяжелые мешки. Ушастый ишак повернул к нему голову и моим голосом спросил.

- Что ты делаешь?

- Отгружаю тебе положенную порцию дара. Будешь ездить по городу и раздавать его людям.

Я так возмутился, что проснулся.

На улице светило солнце. Но благодаря необычной тишине создавалось чувство подвешенного состояния между мирами: еще не сон и уже не пробуждение. Я недолго думал, к какому миру примкнуть, выбрал полудрему и прикрыл глаза. И только стал падать в пропасть, как резкий голос заставил меня вернуться.

- Поди вон! – рявкнул женский голос.

Мне стало интересно. Я закутался в одеяло, открыл окно и примостился на подоконнике. Передо мной, как на ладони, открылась панорама соседнего двухэтажного

дома, расположенного через накатанную гравийную дорогу. Желтое строение с коричневой крышей пялилось на улицу большими глазницами окон, упакованными в металлопласт цвета корицы. В глубине двора, чуть правее дома, виднелся бассейн с прозрачной голубой водой. Возле него в шезлонге расположилась темноволосая женщина в бикини, рядом с ней, понуро опустив голову, стояла девочка лет двенадцати. Из воды показалась голова мужчины, он подмигнул девочке и весело сказал.

- Марго, маму надо слушать!

- Пошел ты, - взвилась девица.

Однако, - подумал я, - ну, и вольные отношения в благородном семействе. Следующая реплика многое мне объяснила.

- Кто ты такой, чтобы мне указывать?! Альфонс! – слово -плевок ударило в лоб молодому мужчине.

Он скривился и обратился к матери.

- Виола, твоя дочь безобразно воспитана!

Женщина не ответила. Мужчина вылез из бассейна, несколько минут постоял на всеобщем обозрении, предоставляя возможность двум дамам оценить его накаченный торс по достоинству. Марго скривилась, а ее мать провела языком по губам, будто приготовилась отвесть мужское тело на завтрак. Свежесть майского утра не позволило Альфонсу далее демонстрировать свое тело, он поиграл мышцами, подхватил протянутое Виолой полотенце и набросил его на плечи. Только теперь мать оторвала взгляд от мужчины, и повторила те же слова, которые выдернули меня из пропасти. В них было столько яда, что мне захотелось превратить ее в змею и поместить в террариум. А ее кавалера в крысу, которая послужит ей неплохой пищей.

Девочке надоело препирательство, и она удалилась. Вскоре калитка открылась и из нее вышла Марго. Губы девочки были плотно сжаты. Мне показалось, что она еле сдерживается, чтобы не разрыдаться.

- Бедный несчастный ребенок, - вздохнул я и перевел взгляд на парочку, сидящую у бассейна. Их игры зашли слишком далеко, я почувствовал неловкость и тихо прикрыл окно.

За завтраком я «случайно» завел разговор о соседях и получил от Любви Трофимовны интересующую меня информацию о Виоле, ее дочери Маргарите и любовнике Жорже.

- Жорж! – недовольно произнесла хозяйка и скривила губы. – Жорка он. Работает спасателем в санатории в Небуге. Это недалеко отсюда. Но больше специализируется на другом: оказывает богатым дамочкам интим – услуги. Виола с дочерью живет в Москве. У нее там бизнес. Но сюда часто навещается. Только приедет, а этот... Жорж тут, как тут... Я понимаю, Виола женщина одинокая, ей внимание мужчин необходимо, но не таких, как Жорка. К тому же она девчонку постоянно гнобит. Относится к ней хуже, чем к падчерице.

- Может, она ей и, правда, падчерица, - предположил я, поедая четвертый блин со сметаной.

- Будто бы дочь, а там кто его знает...

Три дня пролетели быстро. Я купался в холодной морской воде, которая не превышала шестнадцати градусов, и чувствовал себя прекрасно. Целебное море вобрало в себя мою усталость, освежило голову, вселило бодрость и молодой задор.

Однажды я заметил обращенные на меня женские взгляды, мгновенно приосанился, подобрал еле заметный животик и расправил плечи.

Аполлон, - мысленно усмехнулся я и пожалел, что рядом нет Евлампия. Мне захотелось приключений и развлечений, выдумщик Бобик обязательно что-нибудь придумал.

Моя мысль материализовалась или у меня галлюцинации?

В поле видимости показался Евлаша, который приставил руку ко лбу в виде козырька и обозревал просторы пляжа. Я отвел взгляд в сторону, затем снова вернул, надеясь, что

видение исчезнет.... Теперь оно не только осматривалось, но и махало мне рукой. В замедленной съемке я проделал ответный жест. Теперь... оно шло ко мне.

- Арик, здорово, дружище! – оно хлопнуло меня по плечу, а потом перешло к объятиям.

- Евлампий? – затравлено поинтересовался я, разделяя имя по слогам. Сомнения пока не покинули мою гениальную голову. – Но этого не может быть! Я только подумал о тебе и вот... Ты откуда?

- Мне сказать банальность, типа, от верблюда? Или более умное, что из родного города.

Али сочинить что-то более заковыристое, дабы порадовать твой изощренный ум?

Например, спустился на парашюте или прилетел на воздушном шаре вместе с компанией коротышек из Цветочного города. Они совершали перелет по маршруту «Цветочный город – Южное взморье», но тормознули в нашем городе, чтобы захватить меня. Решили исполнить мою мечту - встретиться с другом, с которым не виделся целых три дня и успел за это время соскучиться, – на одном дыхании выдал Евлампий.

Теперь я убедился, что это он. Мой единственный, мой самый близкий и надежный друг!

- А где Ксюша? Где Арик?

- Они дома. Моя жена приняла близко к сердцу мои мытарства и отпустила с легким сердцем. Когда ты уехал, я заскучал. Сначала навел порядок в бумагах, потом генеральную уборку дома, затем стал «лезть, куда не надо», как выразилась моя любимая жена и вот я здесь!

- Как я рад, что ты приехал! – с восторгом произнес я и заключил его в объятия.

- Слушай, хватит обниматься, - высвободился Бобик, - на нас косо поглядывают. – Он скользнул взглядом по отдыхающим, которые усердно делали вид, что наш разговор их не касается. – Арик, да у тебя здесь появились поклонницы! Надеюсь, ты уже отужинал с какой-нибудь красоткой?

- С ума сошел! – возмутился я, словно друг высказал непристойность. – Я здесь на отдыхе.

- Ну, да, ужин в обществе дамы это тяжелый физический труд, - с иронией заметил он. – Ар, а окружающие о твоём даровании пока не осведомлены?

- Нет, - я испуганно покачал головой, будто я звезда, которая боится быть узнанной.

- Это правильно! – похвалил он меня. – Не ровен час очередь на прием выстроиться.... А твое внимание никто не привлек?

- Ты приехал, чтобы состряпать мне ангажемент для выступлений в местном театре для демонстрации феноменальных способностей? Или все же составить компанию по ничегонеделанью?

- Если ты продолжишь возмущенную речь в той же тональности, то вся округа прознает о твоём даровании, - еле слышно сказал Бобик и мотнул головой в сторону притихшего окружения, которое явно заинтересовалось вылетевшей фразой про феноменальные способности.

- Извини, - покаялся я.

- И ты меня извини, - улыбнулся Евлаша и провел рукой по своей лысой голове.

Настроение это ему не испортило. Мне показалось, что он радуется, что нашел в себе силы и опередил уборочную технику. – Я голоден, как волк! Пойдем, успокоим брожение в желудке! – Он указал на небольшое кафе, притулившееся на углу пляжа. Мужчина кавказской национальности разводил огонь в мангале. – Скоро-скоро будет шашлычок! – Кровожадно усмехнулся приятель. - Хочу много мяса и вина! Красного тягучего домашнего вина с привкусом виноградной косточки!

За короткий путь до кафе, которое носило название «У Анны», а при быстром прочтении вслух, получалось «В ванне», я успел задать интересующий меня вопрос.

- Как ты меня нашел?

- Все-таки ты, Ар, сочетаешь в себе гениальность и мирскую неприспособленность с добавлением детской недогадливости... Поэтому... Объясняю медленно и внятно: у меня есть мобильный телефон, я набрал номер Михаила, задал элементарный вопрос и получил

на него короткий ответ. Потом сел в автомобиль, в отличие от тебя, лентяя, я сам кручу баранку. Не прошло и пяти часов, как я у ваших ног!

- Но почему ты не позвонил мне?

Евлаша посмотрел на меня, как на человека, находящегося на первой степени эволюционного развития.

- Сюрприз! - коротко, но доходчиво пояснил он. – Еще один вопрос, и я попрошу джигита, чтобы он зажарил на мангале тебя!..

Любовь Трофимовна с радостью приняла нового постояльца. Принявший «на грудь» два стакана вина, Евлампий был в ударе: сыпал комплименты в адрес хозяйки, как зерно в благодатную почву. Она была покорена моим приятелем уже через десять минут после знакомства. В благодарность она выставила на стол огромный бутыль с темной жидкостью.

- Мое вино самое лучшее во всем поселке! – заверила Любовь Трофимовна присутствующих и в подтверждении вышесказанного налила себе фужер и опустошила его одним махом.

Мы с уважением посмотрели на хозяйку и с удовольствием присоединились к ней...

- Марго, ты мне надоела! – взвыл голос. Он был такой страшной силы, будто на мою голову опустили кирпич. Я приложился к черепу, проверил, нет ли повреждений. Наружных не было, но внутри гениальной головы звучала токката миминор Себастьяна Баха в фортепианной транскрипции. Мне захотелось оторвать пальцы этому пианисту. Хотя, его вины не было.

Когда мы вчера прикончили первую бутыль, Любовь Трофимовна выставила на стол следующую. За приятной беседой мы «уговорили» и ее. Причем, чувствовал я себя вполне вменяемо. Чего не скажешь, о сегодняшнем утре. Тут еще пианист и сольная партия Виолы, матери или мачехи Маргариты. Опять ей девчонка мешает предаваться разврату...

Я накрыл голову подушкой, но гневные высказывания с соседнего двора буравили мой мозг.

- Женщина, убавьте громкость вашего радио! - раздался возмущенный голос Евлампия, который впервые услышал словесную экзекуцию над Марго. – Слишком раздражительная пьеса для прекрасного утра.

- Территория моя, как хочу, так и разговариваю! Ты слышал, Жорж, какая– то деревенщина меня жизни учит!

Жорж решил постоять за свою даму.

- Эй, ты, выйди, поговорим! – призвал он пискляво – противным тенорком, что совершенно не соответствовало его мускулистой фигуре.

- Сейчас я выйду! – услышал я многообещающий бас моего телохранителя из соседнего окна. Его габариты не могли не впечатлить Жоржа. Он явно сник.

- Дядя, вы спускайтесь и побеседуйте с этим Альфонсом, - развеселилась Марго.

Мне очень захотелось увидеть ее довольную мордашу. Я первый раз услышал радостные нотки в ее звонком голоске. До этого она напоминала мне поникший цветок. Но выглянуть в окно я не посмел, все внимание соседей было направлено в сторону нашего дома, не хватало еще и мне присоединиться к Евлампию и Михаилу.

В каждом окне по любопытному мужику, - усмехнулся я, представив это воочию.

- Если я еще раз услышу, как вы оба изгаляетесь над девочкой, я вам рыла начищу! – пообещал доходчивым тоном мой водитель. Сегодня его красноречие побило все рекорды.

Перепалка меня развеселила и заставила забыть о музыке Баха. Еще недавно я не знал, как запихну в себя бутерброд, а теперь представил скворчащую яичницу и облизнулся.

За завтраком Любовь Трофимовна поведала Евлампии историю о девочке Маргарите, ее любвеобильной матери и спасателе Жорже, дополнив ее деталями, о которых мы не слышали, посчитав Бобика более достойным слушателем.

- Виола появилась в Агое вместе с мужем, когда Риты еще не было. Купили участок и начали строительство. Они часто сюда приезжали и всегда вдвоем. Отдыхали, строителей контролировали, а жили у меня. Потом Риточка появилась, стали и ее с собой брать. Виолка при муже совсем другая была: счастливая, веселая и не дерганная, как сейчас. Хорошая была пара...

- Развелись? – спросил Евлампий.

- Виола сказала, что он умер.

- Давно?

- Года... два. Точно, два года, как она в Агой стала сама ездить. Иногда Маргариту с собой брала. Муж, конечно, постарше Виолки был, но еще не старый... Но что интересно, в прошлом году они приехали в июне, тут же появился Жорка. Мать с дочерью стали ругаться, а девчонка возьми, да скажи в сердцах: Вот папа вернется, я ему все расскажу!.. Вот, горе горькое...

- Может, от девочки скрыли, что отца больше нет? – предположил я.

- Ты сам понял, что сказал? – отмел мою буйную фантазию приятель. - Это маленьким деткам сказки рассказывают, что папа улетел на небо, но обещал вернуться.

- Грешно смеяться над чужим горем, - задумчиво пожурил я приятеля без особой жалости к Виоле.

В меня вселился дух безразличия, чего до сегодняшнего дня не было. Я остро реагировал на человеческую беду. Это до ко комы я относился к людям отстраненно–безразлично, но после... я всегда старался помочь. Одно упоминание, что у кого – то «горе», пусть то болезнь, потеря близкого человека или просто неприятность, воздвигнутая до наивысших рамок, заставляло мгновенно реагировать. Может, виновата судьба–злодейка, которая забрала у меня сострадание к людям? Или есть другая причина? В любом случае я должен разобраться...

Разбирательство я начал с самокопания: прислушался к себе, представил соседей и мысленно повторил: чужое горе. Потом на распев: чужое горе. И с удовлетворением заметил, что горе не витает рядом с Виолой и ее дочерью. Это означает, что банкир жив? Если он жив, то возникает резонный вопрос: Почему жена объявила его мертвым? И что знает Маргарита?

Для полного понимания мне необходимо ближе познакомиться с Виолой и ее дочерью.

К раскрытию тайны исчезновения банкира меня никто не привлекал, но я сам загорелся желанием узнать правду. Или мне захотелось удержать девочку от необдуманного шага, который может привести к страшным последствиям.

Импульсы на подкорке мозга подавали предупредительные сигналы.

Моя задумчивость была воспринята Бобиком, как сигнал к действию.

- Любовь Трофимовна, а Рита заходит к Вам в гости?

- Редко. Она не хочет, чтобы ее жалели, а я не выдержу, да и всплакну. Пыталась образумить Виолу, но она прожгла меня взглядом и заявила, чтобы я не лезла не в свое дело!

- А Рита увлекается чем–нибудь? – Евлампий продолжал искать наживку, на которую можно поймать девочку.

- Шахматами, - вспомнила хозяйка. Сидит целыми днями над доской и сама с собой играет.

- Шахматами, - раздосадовано повторил администратор. – Жаль, я не умею...

- Но у тебя есть возможность научиться, - вставил я свою реплику.

Евлаша обреченно вздохнул, почувствовав себя подопытным кроликом.

- Хорошо, что не надо обучаться джигитовке.

Завтрак затянулся. Любовь Трофимовна устала от одиночества, поэтому без устали говорила и говорила. Поделилась с нами, что дом, в котором мы остановились, принадлежит ее брату. Он живет в Питере, а на сестру возложил обязанности по управлению «гостиничным бизнесом», как с усмешкой заметила хозяйка.

- Какой из меня управляющий, - отмахнулась она, - всю жизнь бухгалтером проработала на нефтеперерабатывающем заводе в Туапсе.

- А дети у Вас есть? – бесцеремонно спросил Евлампий.

- Дочь. Она на том же заводе работает, а в выходные приезжает в Агой.

- Замужем? – теперь я начал вторжение в чужую личную жизнь.

- Была, но давно в разводе. Она у меня и симпатичная, и хозяйственная, а все одна и одна. У подруг дети скоро в институты будут поступать, а моей девочке, наверное, стать матерью не судьба. Как мне бабушкой. А так хочется внуков понячить, - запричитала Любовь Трофимовна.

- Не переживайте, - успокоил ее Бобик, - наш Аристарх Васильевич тоже не женат.

Я посмотрел на друга с немим укором. Его намек был настолько прозрачен, что захотелось собрать вещи и быстренько смыться, пока меня не повели в ЗАГС.

- Никто тебя насильно не женит, - шепотом заметил он. Повысил тон и обратился к хозяйке. – Любовь Трофимовна, а сколько Вашей дочери лет?

- Тридцать шесть стукнуло.

- Совсем молодая, - протянул Евлампий, - сейчас многие женщины рожают, когда им перевалит за пятый десяток. А сколько Вам было лет, когда появилась дочь?

- Мне?.. Я... - женщина почему-то занервничала.

- Но Вы же бухгалтер, проведите нехитрые математические вычисления. Свой возраст минус возраст Вашей дочери. – прицепился к ней Бобик.

Я зна:, приятель никогда не отступит, если решил что – то выпытать. Я не вмешивался, мне тоже захотелось побольше узнать о дочери хозяйки.

- Я родила Вику в двадцать шесть лет, - с гордостью объявила Любовь Трофимовна. Было заметно, что рождение дочери – главное событие в жизни. Другие делают открытия в науке, снимают фильмы, получают премии и награды, а простой бухгалтер Люба произвела на свет чудо и считает это своим достижением. А то, что дочь стала хорошим человеком это награда матери за бессонные ночи, за волнения, за правильное воспитание.

- Значит, Вашу дочь зовут Викой? – Радостно восторженно вскрикнул Евлаша. – Это любимое женское имя Аристарха.

- Прекрати! – не выдержал я.

- Сегодня пятница, - заявила Любовь Трофимовна не к месту. Сначала мы не поняли, куда она клонит, но быстро получили пояснение. – Вика приедет или вечером, или завтра с утра.

- Отлично, - потер руки Бобик.

Не знаю, до чего бы он договорился, но нашу беседу прервал осторожный стук в дверь. НЕ дождавись приглашения, в дом проскользнула Маргарита, дочь Виолы.

- Привет, баба Люба! – девочка прижалась к женщине и чмокнула ее в щеку. А потом повернулась к нам. – Здравствуйте, - с важным видом произнесла она. Мы нестройно ответили. – Здорово Вы отбрили этого придурка Жоржа! – Восхитилась она, обращаясь к Михаилу.

«Многословный» водитель на сегодня исчерпал словарный запас, поэтому лишь пожал крепкими плечами, что в переводе с его языка означало: Извините, так получилось. Девчонка была не годам догадлива.

- Не извиняйтесь, Вы правильно поступили. Вы бы видели, как этот Альфонс испугался! – Рита начала так призывно хохотать, что мы не удержались и заулыбались. – Моя мать не ожидала, что Жорж такой трус. Что он недоумок, она давно поняла... Конечно, он стал уверять, будто ни капельки не испугался, сейчас пойдет и покажет этому типу... Это он Вас имел в виду, - Марго дернула головой в сторону Миши, - но матери его блянье

быстро наскучило и она его выгнала. – От радости девочка начала пританцовывать на месте.

- Успокойся, егоза! – обратилась к ней Любовь Трофимовна. – Садись с нами завтракать, я блинчиков напекла.

- А мед есть?

- Есть и мед, и варенье из айвы, твое любимое.

Девочка села за стол, уже взяла в руки горячий блинчик, потом опомнилась.

- Ой, мы не познакомились. Я Маргарита.

- Меня зовут Евлампий Владимирович, - склонил голову Бобик.

- Евлампий? – улыбнулась девочка. – Классное имя.

- Главное, редкое, - подсказал я.

- Можно я буду называть Вас дядей Лампиком?

- Меня жена называет Лампиком, - усмехнулся Бобик, тем самым выражая согласие.

Девочка вопросительно посмотрела на меня.

- Аристарх Васильевич. – представился я и протянул руку для рукопожатия. Даже привстал для этого, чтобы дотянуться. Прямоугольный стол мог спокойно уместить человек пятнадцать, а мы «разбросались» по нему в свободном порядке. Марго быстро вытерла руку салфеткой и сделала ответный жест.

- Маргарита... Андреевна.

Я удержал ее ладошку в своей руке и облегченно вздохнул: крамольных мыслей в ее голове не было. Возможно, они были до изгнания Жоржа и выветрились вслед за ним.

Мой водитель не спешил представляться, поэтому я сделал это за него.

- Михаил Иванович. – я указал на мужчину, а он недоуменно уставился на меня, не сразу сообразив, что речь идет о нем. К такому обращению он не привык, но перекошенный рот, намекающий на робкую улыбку, убедили, что ему понравилось, когда к имени паровозом прицепилось отчество.

Потом Рита побила рекорд по болтливости, который до этого принадлежал по праву нашей хозяйке. Разговорчивый дядя Лампик попытался вставить в ее монолог пару фраз, ему это не удалось, и он умолк. А баба Люба возилась у плиты и в беседе участия не принимала.

Так мы узнали, что девочка с отличием окончила шестой класс, что она победила на районной олимпиаде по шахматам, а теперь поедет на городские соревнования, и если займет там первое место, то ей прямая дорога на Всероссийские слет юных шахматистов.

- Молодец! - похвалил ее дядя Лампик. – Я давно хотел научиться игре в шахматы, - заявил он и уставился на девочку в ожидании.

- Не думаю, что у Вас получится, - высказалась Марго после раздумий. – Сразу видно, что Вы человек творческий, далекий от точных наук. Вы... какой-то воздушный. Вам лучше брать уроки живописи. Или игры на скрипке... - При этом она скривилась, посчитав оба занятия несерьезными.

- На скрипке, говоришь? – серьезно спросил Евлампий. Девочка кивнула. – Я подумаю над твоим предложением... - Он покосился на меня. Я заметил, что приятель еле сдерживается, чтобы не покатиться со смеху.

Об отце мы вопросов не задавали, посчитав это преждевременным.

- Вы на пляж пойдете? – спросила Маргарита, отваливаясь на спинку стула.

- Пойдем, - дружно ответили мы.

- А мне можно с вами?

- Рита, не навязывайся людям, - встряла Любовь Трофимовна. – Да, и мать будет возражать.

- Почему она должна возражать? – вскинула брови девчушка. – Ей даже лучше, когда меня нет дома.

- Мы тоже не будем возражать, если ты пойдешь с нами, но у мамы надо спросить разрешение, - сказал я.

Девочка моментально исчезла и через десять минут снова вернулась.

- Она разрешила!

- Может, надо было и маман пригласить? – шепотом спросил Бобик.

- Не надо было вступать с ней утром в полемику, - так же шепотом напомнил я.

- Напротив, она должна быть мне благодарна: освободилась от Альфонса.

- Но теперь Виола будет страдать от одиночества.

- Такой женщине нужен мужчина не только для адюльтера, но и «для поговорить».

- Я понимаю, к чему ты клонишь: хочешь предложить соседке наши кандидатуры в качестве собеседников?

- Зришь в корень!

Мы повернулись к притихшей Маргарите. Она не прислушивалась в нашей беседе, целиком погрузившись в игру в шахматы. Маленькая доска лежала у нее на коленях, а девочка, закусив губу, задумалась над очередным ходом.

- О, великая шахматистка! Обрати свой взор на плебеев, едва знакомых с этой занимательной игрой! – нараспев произнес Евлампий. Девочка откликнулась на его зов. – И скажи нам правду: мама, действительно, разрешила тебе идти на пляж с незнакомыми мужчинами? – В его голосе чувствовалось сомнение. По лицу девочки было заметно, что мой приятель недалек от истины. – Как Вы думаете, Аристарх Васильевич, не поинтересоваться ли мне у самой Виолы... Как ее по батюшке? – Обратился он к Рите.

- Викторевна, - недовольно подсказала она.

И администратор отправился на разведку в соседний дом. Марго поерзала на стуле, потом поняла, что исправить ситуации не в ее власти и снова склонилась над доской...

Ожидание затянулось. Прошла четверть часа, а Евлампий не возвращался.

- Ну, вот, теперь и дядя Лампик попался в ее сети, - с недовольством констатировала девочка, не поднимая головы. – Я думала, он не такой, как все...

- Он не такой, - не удержался я от высказывания в защиту Бобика. Мой друг однолюб. У него прекрасная жена и маленький сынишка. – Мне не понравилось, что я оправдываюсь перед этой пигалицей.

- Арик, на тебя одна надежда! – с азартом вскричал появившийся в дверях Бобик, словно я был запасным вратарем и должен немедленно выйти на замену основному голкиперу.

Марго не удержалась и многозначительно хмыкнула. Пришел черед оправдываться Евлампию.

- Рита, Аристарх Васильевич – человек с...

Я понял, что сию минуту произойдет страшное – мое инкогнито будет раскрыто, новость облетит всю округу с быстротой молнии, и мне придется покинуть райское место. И тогда я... никогда не увижу дочь нашей хозяйки, которую зовут Виктория...

- Стоп! – замахал я руками. Жаль, у меня не было красной карточки, а то я с удовольствием показал ее нарушителю и удалил с поля до конца игры. Ошалевший от встречи с красавицей-соседкой администратор сразу опомнился, понял, что чуть не проболтался и более – менее осмысленным взглядом посмотрел на меня. - Евлампий Владимирович, Вы можете внятно объяснить, что произошло?

- Могу, - согласно кивнул Бобик и исподлобья начал сверлить меня глазами.

- Виола Викторевна... неважно себя чувствует? Ей нужны... какие-то лекарственные препараты? – внушительным голосом я добивался «правды».

- Вы врач? – сразу смекнула Маргарита.

Наконец, Бобик скинул колдовские оковы окончательно и вернулся к пониманию ситуации.

- Он... фармацевт. Знаешь, есть такие люди, которые делают лекарства.

- Вы решили, что я маленькая, - с недовольством заметила Рита. Мы уже подумали, что нас раскусили, но... - Я знаю, кто такие фармацевты, - на лице появилась

разочарованная гримаса. Было понятно, что рейтинг моей профессии и я сам упали ниже плинтуса.

- Так у Вас найдется лекарство от головной боли для Виолы Викторовны? - снова обратился ко мне догадливый Евлаша.

- Найдется, - быстро отреагировал я. – Пока идите с Ритой на пляж, я навещу больную, а потом присоединюсь к вам.

- Ну – ну, - криво усмехнулась девочка, а Бобик незаметно мне подмигнул. Скоро у моего администратора начнется тик. Он с таким желанием включился в игру по подбору невесты для меня, что уже растерялся кому отдать предпочтение - Вике или Виоле? Думаю, к вечеру в список будет включена еще парочка женщин, которые привлекут внимание Евлампия на пляже.

Дядя Лампик с «племянницей» ушли, я решил подняться в свой номер, чтобы переодеться и собраться с мыслями перед визитом к Виоле Викторовне. Но на пороге снова возник запыхавшийся Бобик и скороговоркой выпалил.

- Она ничего не знает о твоих способностях. Я просто намекнул, что ты интересная личность, много знаешь, много умеешь. В общем, выкручивайся сам! – и убежал догонять Маргариту.

- Легко сказать...

На долгие раздумья времени не было, поэтому я решил «напустить тумана» и о себе ничего не рассказывать: Чем только не пришлось в жизни заниматься! Эх, помотала меня судьба! Слишком напыщенно, по–есенински протяжно, но ничего другого в мою гениальную голову не пришло...

Я перешел улицу и нажал кнопку звонка. Почти сразу раздался щелчок и дверь открылась.

Я перешел границы чужого царства.

На пороге дома стояла Виола.

Красоту не испортит даже головная боль. Женщина–вамп, женщина-тигрица с желтыми глазами, с гривой русых волос и фигурой песочных часов. Она была одета в комбинезон оливкового цвета, который подчеркивал все ее достоинства. О ее недостатке я уже знал. Увы, несносный характер присущ большинству красивых женщин. При муже была ласковая женщина- кошечка, без мужа превратилась в тигрицу.

Мы поздоровались, познакомились, и я вошел в дом. Всего в нем было в меру: цвета, света, мебели, картин, всяких штучек - дрючек... Чувство меры – первый признак стиля. Не консерватизм, а индивидуальность и умение сделать свою жизнь гармоничной... Но почему эта особенная стильная женщина ведет себя, как грубиянка и скандалистка?

- Я хочу извиниться за свое поведение, - нерешительно произнесла она, потупив взор, словно подслушала мои мысли и решила скорректировать мнение о себе. Было заметно, что женщина не привыкла извиняться, чувство неловкости и недовольства собой старательно прятала.

Так не пойдет, уважаемая Виола Викторовна, - подумал я, - мне нужны Ваши глаза, Ваше лицо, чтобы разобраться и получить ответы на вопросы, которые я мысленно законспектировал перед приходом в Ваш дом.

Я молчал. Она ждала, что я скажу какую-нибудь банальность, типа, ерунда, с кем не бывает, дело житейское... Но я упорно молчал и ждал, когда женщина поднимет глаза.

Наверное, ей надоело рассматривать носки моих итальянских туфель. Она скользнула взглядом по джинсам известной фирмы, потом по футболке с логотипом спортивной фирмы в виде закругленного штриха... И вот наши глаза встретились. Виола склонила голову на бок, словно оценивала соответствие лица и внешнего прикида. Мои непослушные каштановые волосы давно забраны сзади в хвост, их не тронула даже легкая седина, глаза все так же напоминают цветом перезрелую вишню, проведенные в коме годы не состарили меня, а наоборот, скинули пару годков, «заморозив» меня на

время. А человеколюбие и человекопонимание, которые переполняли меня, уж, точно убавляли мне возраст, чего не скажешь о моей собеседнице.

Ее светло – карие, почти желтые, глаза отливали старым позеленевшим золотом. Я сместился чуть правее и снова заглянул в эти удивительные очи. Теперь зеленый отлив исчез, а сами глаза из светлых и лучезарных превратились в обычные карие. Необычная женщина с необычными хамелеоновидными глазами, - подумал я.

Хозяйка заметила мои перемещения и повышенный интерес к ней, но от вопросов и заключений воздержалась. Она пригласила меня присесть, сама опустилась на один из двух диванов, при этом непроизвольно приложилась к вискам. Я не стал садиться и сразу приступил к делу.

Головная боль – это мелочь для такого целителя, как я: всего пара круговых вращений руками над головой, ладонь, как магнит, притягивает к себе боль, затем сильное встряхивание конечностями, словно ты сбрасываешь болезнь, как капельки воды с пальцев. И все.

Виола прислушалась к себе, повертела головой, опять замерла, проверяя, ушла боль совсем или притаилась и вот–вот заявит о себе вновь? Улыбка тронула ее красиво очерченные губы, и я понял, что женщина чувствует себя нормально.

- Вы... феномен? – спросила она и призывно протянула руку в сторону бежевого дивана, напротив того, на котором сидела сама. Я опустился на прохладную кожаную поверхность.

- Нет, - покачал я головой, - я... обычный человек.

- Обычный человек с необычными способностями, - усмехнулась она.

Я не мог сосредоточиться на разговоре, я желал одного – дотронуться до ее руки, а еще лучше – взять ее ладонь в свои руки и слушать ее. Я видел, что при совершенно здоровом теле, эта женщина все равно больна. Ее душевное состояние меня волновало. Сначала я решил, что в недалеком прошлом Виола переболела гепатитом. Об этом говорил желтоватый ореол глазного белка, но «просветив» печень, я понял, что болезнь не посещала ее организм, даже переболев в легкой форме, гепатит все равно оставил бы отпечаток.

Опять я вспомнил свою мать. Когда у нее случался приступ стенокардии, она заявляла, что у нее грудная жаба. В детстве я с интересом осматривал мать, пытаюсь отыскать эту жабу, затем понял, что она притаилась внутри груди моей матери. Успокоения это не приносило. Я знал, что жабу надо извлечь, иначе она перекроет дыхание. На помощь приходил отец: он давал матери таблетку и боль отступала. Жаба ушла, - успокаивала меня мать.

Я не зря вспомнил про грудную жабу. Сейчас она сидела внутри Виолы, но на стенокардию это не походило. Жаба напоминала большую кляксу желто–зеленого оттенка. Откуда в этом месте желчь? – задумался я.

Я не боялся выглядеть со стороны человеком со странностями. Несмотря на мою сосредоточенность в области груди, я заметил, что женщина перестала задавать вопросы, видно ей надоело бросать их в пустоту. Теперь мы просто сидели и смотрели друг на друга. Виолу заинтересовал мой сосредоточенный вид, сначала уголки ее губ подрагивали, а глаза сверкали зеленым золотом, затем она испуганно замерла, приложилась рукой к груди и тяжело вздохнула. Я догадался, что привел в движение желтую кляксу.

Любопытство перевесило боязнь раскрытия инкогнито. Рука непроизвольно вытянулась вперед, ладонь взметнулась параллельно груди женщины.

Клякса не реагировала на мой призыв выйти наружу. Она продолжала видоизменяться, но уменьшаться не собиралась. Желчь беспокоила Виолу, жгла ее.

Я должен определить природу заболевания. Сделав пару шагов, я преодолел расстояние, разделяющее нас, сел рядом с женщиной и взял ее за руку. Она не попыталась

вырваться, только отодвинулась от меня, посчитав выбранное расстояние достаточным для установки невидимого барьера.

Клякса – это обида и злость.

Она сидит внутри Виолы и ест ее. Как огромный червь поедает лист за листом на дереве, так обида ест внутренности. Хрум – хрум... Было зеленое молодое деревце, и вдруг превратилось в трухлявый пенёк с засохшими ветвями – крюками. Была молодая красивая женщина, и исчезла. Осталась одна оболочка, а внутри пустота. Желчная ядовитая обида выела все внутренности.

Откуда она появилась? Что явилось толчком к возникновению этой желчной боли?..

Я легонько сжал кисть руки женщины между своими ладонями и закрыл глаза...

Виола Якубова с дипломом переводчика вышла из стен родного ВУЗа и облегченно вздохнула. Наконец! Наконец, пять лет каторжного труда позади! А впереди счастливая жизнь, хорошо оплачиваемая работа, любящий муж, свой дом за городом и самое главное - дети. Послушные умные красивые дети. О работе можно забыть. Она не будет мотаться по салонам красоты, не будет все заботы о детях перекладывать на плечи няни, она будет заботливой и любящей матерью, которая всегда будет рядом, чтобы услышать первое произнесенное слово малыша, чтобы поддержать, когда он сделает осторожный шаг, чтобы ответить на жизненно важные вопросы: Почему трава зеленая, а небо голубое или серое? Почему самолет летает, птицы летают, а люди нет? Чтобы выполнить основную миссию любого умного родителя – вовремя вмешаться и вовремя не вмешиваться...

Однако мечты не спешили воплощаться в жизнь.

Будущая работа преподавателя английского языка ее не прельщала, ничего другого дипломированному переводчику никто предлагал. Виола серьезно задумалась, углубилась в изучение предложений на рынке труда, проанализировала и сделала вывод: наиболее востребованной профессией является секретарь-референт. Перед глазами сразу возник обаяшка-руководитель: представительный мужчина, внимательный и умный, интеллигентный и корректный, свободный от уз брака, который спит и видит, когда Виола Якубова придет наниматься к нему на работу, чтобы влюбиться в нее с первого взгляда, и мечта о детях и загородном доме воплотится в жизнь.

В общем, мечта могла постепенно воплотиться в жизнь.

Могла, если Виола станет секретарем – референтом...

Якубова решила присоединить к диплому переводчика еще одну корочку, где черным по белому будет написано, что она окончила курсы секретарей – референтов. К диплому и «корочке» прилагалась эффектная внешность претендента на секретарское кресло, которая является необходимым приложением к требованиям при приеме на работу. Поэтому любой руководитель будет рад видеть в своей просторной приемной Виолу Якубову.

Но одного не учла девушка: серьезные организации берут на должность секретаря – референта людей с опытом работы и рекомендациями.

Когда она это поняла, то совсем отчаялась. Что же делать? Виола не могла размениваться «по мелочам», ей сразу хотелось занять место в иерархически высших организациях. Терять время и зарабатывать очки в организациях «без претензий», девушка не желала...

Последний шанс! – мысленно произнесла Виола и переступила порог мраморного дворца, больше похожего на малахитовую шкатулку громадных размеров, который скромно именовался Банком.

Ей всегда претила ложь, но ложь во благо она могла объяснить. Сейчас наступил, именно, такой момент. Чтобы поймать благо, выражающееся в хлебе с маслом, про икру на время забудем, надо немножечко... приврать. Чуточку...

Первой инстанцией по отсеиванию явно непригодных кандидатур был менеджер банка по персоналу – противная девица с прыщавым лицом и крысиным хвостиком. Виола поняла, что возжеленное место уплывает: такая «красавица» станет стеной, а конкурентку в банк не пропустит. Якубова положила перед ней папку с документами. Та быстро просмотрела и коротко спросила.

- Где трудовая книжка?

Девица желала изучить послужной список кандидатки. Кандидатка в свою очередь решила удержать в руках уплывающее место: заморгала глазами и недоуменно взглянула на менеджера и кивнула на папку.

- Здесь ее нет. – «огорошила» ее менеджер по персоналу.

- Не может быть! – парировала Виола и углубилась в изучение собственных документов. К ней присоединилась и девица, заинтересовавшаяся странной пропажей. – Она... была, но... - Со слезами на глазах заявила Якубова, придумать продолжение она не успела, поэтому после «но» повисла пауза, прерываемая редкими всхлипами и вздохами.

В этот ответственный момент в кабинет, как ураган, ворвался мужчина, на ходу кинул папку на стол менеджера и скороговоркой произнес.

- Элла, я отлучусь, если... - теперь пауза наступила после слова «если»...

Тормозной денек, - подумала про себя Виола, промакивая глазки малюсеньким платочком. Но не забыла при этом выпрямить спину и незаметно подтянуть повыше юбочку.

- Что случилось? – резко спросил вбежавший. Голос обжег холодным металлом.

Снова не мой день, - обреченно решила Якубова.

- Элла, я у тебя спрашиваю?

Значит, холодность направлена на менеджера, - мысленно констатировала претендентка и подняла на мужчину глаза. Стрелять ими не решилась, все - таки серьезная организация. На первое место должны выйти деловые качества претендента, даже если этот претендент хорош собой.

- Девушка потеряла трудовую книжку, - пояснила Элла с сочувствием. Мгновенно Виола прониклась к ней симпатией и решила переманить ее на свою сторону, принять в группу поддержки.

- Я стояла на перроне метро, вдруг какой – то мужчина... крупных размеров зацепил меня плечом, папка выскользнула из рук, документы разлетелись в разные стороны, а тут... - Виола закатила глаза. Слушатели подобрались, ожидая продолжения, - подошел... поезд. Все ринулись на посадку, я ползаю на коленях, собираю бумаги... - Девушка потеряла колени, напоминая о полученных увечьях. – Думала, что все собрала, а оказалось... - Она поднялась на ноги, показывая, что готова удалиться.

- Вы не расстраивайтесь, - поспешил успокоить ее мужчина, - пойдите на прежнее место работы и получите подтверждающий документ, что Вы там работали.... Я думаю, что все будет хорошо... - Обнадеживающе произнес он.

- Я... не могу пойти на прежнее место работы! – с отчаянием заявила Якубова.

- Почему? – дружно поинтересовались Элла и доброжелательный мужчина.

У Виолы чуть не вырвалось: Откуда я знаю? Дайте время, и я придумаю...

Но времени не было. В приемной ожидала очередь из кандидатов-конкурентов, желающих любой ценой отобрать заманчивое местечко у переводчика с английского, не имеющего ни дня трудового стажа.

- Понимаете, - нерешительно начала она, - это... очень личное.

- Ты была любовницей босса, о вашей связи узнала жена и выгнала тебя с позором, - «догадалась» Элла, переходя на дружеское «ты».

По лицу мужчины было заметно, что высказанная версия ему не понравилась. Еще минута и он даст отбой предыдущему предложению, одновременно указав на дверь несостоявшемуся секретарю – референту.

Руссо девушка - облик морале! – вдруг всплыло в память, да так крепко там засело, что вымело все другие, более умные мысли.

- Ну, чего молчишь? – попыталась встряхнуть ее Элла. Виоле показалось, что она действует намеренно, чтобы замарать имя, которое еще не успело заявить о себе должным положительным образом.

Зараза, - зло подумала Якубова и перешла в нападение, одновременно вычеркнув Эллу из группы поддержки.

- Ты... очень похожа на нее... - рассеянно произнесла Виола.

- На кого? – спросил мужчина, а Элла странно затаилась, словно чувствовала за собой грешок.

- На ту, которая увела мужа из семьи. Из хорошей дружной семьи...

- Я у тебя... никого не уводила. – испуганно заявила менеджер по персоналу.

- Я не замужем, - со вздохом поведала Виола. - Теперь мы с мамой остались одни... Нет, отец не выгонял меня с работы, я сама ушла... В знак протеста... Он председатель Совета директоров банка... Я не хочу говорить, какого. Это известный банк...

- Ваша фамилия Якубова? – заглянул в документы мужчина. И шепотом повторил: Якубов, Якубов...

- Не ломайте голову, у меня фамилия матери. Никто не знал, что я... дочь своего отца. Теперь даже не знаю, как скажу матери, что меня не приняли на работу... Она очень больна... Не каждая женщина может вынести предательство любимого мужчины, с которым прожито столько счастливых лет. – Виола покосилась на Эллу. Мужчина присоединился к ней. Они сверлили девушку взглядом, будто пытались заклеить позором.

- Это... не я! – начала отрешиваться менеджер по персоналу.

- Элла, - перебил ее мужчина, - ты отлично осведомлена, что в нашем банке порочащие связи не приветствуются.

- Все служащие должны быть облик морале! – не выдержала Якубова и внесла свою лепту в клеймение «аморальной» личности.

- Вот именно! – поддержал ее мужчина, почти приняв в дружные ряды сотрудников банка.

Элла с надеждой посмотрела на Виолу, та быстро сообразила, что приобрести подругу в лице противной Эллы совсем не помешает, и пошла ей на выручку.

- Вы... - она вопросительно посмотрела на мужчину.

- Эрнест Давыдович Плужников, - не замедлил представиться он.

- Эрнест Давыдович, мне кажется, мы зря набросились на бедную Эллу. Я внимательно присмотрелась к ней и поняла: это не она! Элла – не разлучница! Она не уводила моего отца из семьи!

Вздых облегчения вырвался из груди менеджера. Она благодарно кивнула Якубовой. Плужников еще минут пять изучал лицо своей подчиненной, убедился, что с такой непривлекательной внешностью, действительно, сложно увести мужика, и пригласил Виолу в свой кабинет. О том, что он куда-то спешил, Эрнест уже забыл.

Плужников давно стоял у барьера, преодолев который мужчины остаются холостяками навсегда. Даже самая эффектная дама не может задержаться в квартире такого закоренелого холостяка более, чем на одну ночь. Он был сторонником мимолетных связей с бывшими одноклассницами, однокурсницами. Встретились, поболтали, вспомнили былое, получили удовольствие и расстались без сожаления. С сотрудницами банка Эрнест был подчеркнута сух. До той поры, пока в малахитовом здании не появилась Якубова.

Виола помнила про «облик морале» и не отвечала на ухаживания Плужникова. Эрнест был заместителем директора по управлению персоналом. А директором банка, секретарем - референтом которого стала Якубова, был Андрей Терентьевич Захаров.

Когда Виола увидела его впервые, у нее засосало под ложечкой от неусыпной обиды: почему такие мужчины, как Захаров, давно разобраны? Вот, свезло кому – то, так свезло, - мысленно раздосадовалась она. - Усы и шпага – все при нем, как пелось в одной песне.

Усы были, но шпага отсутствовала. Но все равно Андрей Захаров очень походил на мушкетера. Этаким собирательный образ из Боярского– Д’Артаньяна и Старыгина - Арамиса.

Якубова сразу настроила себя на невозможность НИКАКИХ отношений, кроме служебных, с Захаровым.

Когда она заходила к нему в кабинет и невзначай ловила «мурлыканье» с женой, у нее снова начинало сосать под ложечкой. Как у больного язвой. Ей нужно было срочно съесть белочку или бутерброд, чтобы заглушить боль отчаяния. Почему? Почему одним Захаровы, а другим – Плужниковы. Нет, Эрнест, вполне привлекательный мужчина, с должностью и приличной заработной платой, но занудный педант. И жмот. Последнее еще хуже. Жадный мужчина не может полюбить женщину по-настоящему, в его сердце место уже занято другой любовью – любовью к деньгам. Такие мужчины до противного расчетливы. Когда Эрнест приглашал Виолу в ресторан, она боялась поперхнуться: он так сосредоточенно на нее смотрел, будто подсчитывал в уме, на сколько денег она наест. Якубова в такие минуты представляла себя Дюймовочкой, а Плужникова - скупердяем Кротом. Ее посещали странные мысли об оправдании: ей хотелось доказать, что половина зернышка в день – это очень мало. И тут же она себя одергивала: а почему я должна что – то ему доказывать!/? Сейчас закажу себе миску черной икры и буду лопать ее столовой ложкой... без хлеба. Так больше влезет. И тогда посмотрим, господин Плужников, захотите ли Вы пригласит меня в ресторацию еще раз?

Однажды Виола «не стала мелочиться» и потребовала самое дорогое блюдо. Проявила знание физики, вспомнила правило левой руки: закрыла название блюд, оставив только преискурант, и выбрала. На свой страх и риск. В душу закралось волнение: а вдруг жлоб Эрнест улизнет, предоставив ей возможность самостоятельно расплатиться за ужин? Но на лице замдиректора не дрогнул ни один мускул. Он продиктовал официанту выбранное дамой блюдо, даже приложился к ее ручке. То ли показывал, что приветствует ее вкус, то ли прятал рвущийся наружу оскал. В любом случае дружеский ужин прошел в приятной атмосфере, Эрнест недовольство не выказал, поэтому получил поощрение: Виола, наконец, согласилась заехать к нему на чашку кофе.

Идиотизм, - думала она, сидя в теплом салоне автомобиля, - до каких пор секс будет называться испитием чашки кофе на ночь? Сейчас мужчина внутренне ликует, а я волнуюсь - гнетут сомнения в правильности принятого решения. Но с другой стороны, человек пригласил меня... на чашку кофе, что в этом неприличного? Приедем, хлопнем по минзурочке накрепчайшего, я помашу дяде ручкой и отбуду в родные пенаты...

Она представила огорченную физиономию мужчины и хмыкнула.

- Что – то не так? – испугался Эрнест.

- Все так...

С тех пор меркантилизм был вычеркнут из списка отрицательных черт Плужникова благодаря любви к Виоле Якубовой. Девушка порадовалась и только. Она пока не могла ответить на его чувства. В банке они не афишировали своих отношений, но сотрудники прознали: кто – то видел их в парке, кто – то в кинотеатре, кто – то входящими в подъезд Эрнеста. К себе Виола его не приглашала, хотя, «о лжи во благо» не удержалась и рассказала. Плужников только рассмеялся, удивился ее находчивости и порадовался, что она – дочь простых инженеров. Родители были людьми старой закалки и не принимали «вольных отношений» дочери с молодым человеком. Воспитательный процесс наскучил Якубовой, она решила снять квартиру и уйти от родителей, но Эрнест предложил переехать к нему. Не замуж выйти, а переехать. Девушка сначала отказалась, но затем

приняла его предложение. Ладно, проживу пару дней, а потом найду квартиру, - успокоила она себя.

Пара дней превратилась в пару месяцев, затем в пару лет. Чувства к Плужникову у Виолы так и не появились, а у Эрнеста они зацементировались. Такие железобетонные чувства без всплесков, когда фраза «я тебя люблю», произнесенная будничным голосом, больше походит на фразу «я купил хлеб». Купил и хорошо! Не купил, ну, что ж, ничего страшного. Главное – в доме тишина и... насточертевший идеальный порядок! А так хочется взять в руки любимую вазу Эрнеста, которую ему подарила бабушка на восемнадцатилетие, высоко поднять над головой и шмякнуть оземь. А на обломках сплясать твист, растирая куски в труху и царапая идеальный пол.

Уйду, - утром принимала решение Якубова, а к вечеру забывала о нем. – Он неплохой, - уговаривала она себя. – Я сама виновата, что не смогла полюбить Эрнеста. Он устал от моей холодности. Устал биться о стену безразличия. Смирился и успокоился. Я здесь, рядом с ним, и это для Плужникова главное. Вакуумная тишина в гигиенически чистом доме и умиротворенность...

Время шло, а любовь не приходила, зато терпение достигло той точки, когда и разбитая посуда уже не помогает...

Вскоре душевные терзания отступили на второй план, на первый вылезло физическое недомогание: частые головокружения, утомляемость и отсутствие аппетита.

- Неврастения, - поставила себе диагноз Виола. – Неврастения от внутренних переживаний и неудовлетворенности жизнью.

Элка, давно ставшая не только подругой, но и плакательной жилеткой, заметила темные круги под глазами, заторможенность, полное безразличие к окружающему миру и предложила Якубовой обратиться к врачу. Та лишь отмахнулась, но Элла не оставила подругу в покое.

- А не сходить ли тебе в аптеку, - произнесла она с улыбкой на устах, словно предлагала посетить театральную премьеру, на которую с трудом достала билеты.

- Зачем? – непонимающе пожала плечами Виола. – Таблеток от депрессии еще не придумали.

- Зато придумали хорошее и быстрое средство для... - намекнула Элла без продолжения.

- Для... чего? – сердце Якубовой начало отбивать марш, причем он напоминал не марш Мендельсона, а траурный. Торжественная скорбность накрыла ее, сердечные удары начали отбивать ритм в замедленном темпе. Одновременно с этим в голове засела мысль: Неужели я серьезно больна? Скорее всего, так оно и есть. Элке со стороны виднее...

- Почему ты так дрожишь? - испугалась подруга. - Я... не хотела тебя напугать, - начала она оправдываться, - просто хотела сказать, чтобы ты пошла в аптеку и купила тест на беременность, но если ты боишься, то я сама...

- Тест на беременность? – опешила Виола. – Но... Элка, наверное, ты права... - Сердце перешло на обычный ритм, хотя, нотки марша Мендельсона норовили прорваться.

Новость обрадовала Якубову. Я беременна, - мысленно пела она оставшуюся часть рабочего дня. – Не сомневаюсь, что Плужников будет на седьмом небе от счастья. Иметь ребенка от любимой женщины это ли не счастье?

Андрей Терентьевич Захаров заметил радостное выражение лица секретаря, которая до этого целую неделю пребывала в задумчиво-зеленом состоянии, как он назвал ее внутреннюю отстраненность в сочетании с бледно – зеленым цветом лица. Теперь Виола парила в облаках, была несколько вырвана из реальности, но смотрела на босса осмысленным взором. Глаза засияли, по щекам невидимый художник «мазнул» розовой краской. Вопросов Захаров не задавал: ни тогда, ни сейчас. Он придерживался давно установленной теории: никаких дружеских и тем более любовных отношений на службе не должно быть. У него их не было и вне службы.

Все мысли Андрея занимала прикованная к постели сестра Алла, которая несколько лет назад попала в аварию и повредила позвоночник. Холостяк Захаров так и остался

холостяком. Он не хотел приводить в дом женщину, которая возненавидит больную и станет доставать вопросами: Почему он не определит сестру в дом инвалидов? Почему приносит себя в жертву? Андрей не считал себя жертвоприносящим, он считал себя виноватым перед старшей сестрой за неспособность ей помочь. А она, в отличие от брата, нашла в себе силы, взяла на себя все заботы о нем, когда не стало родителей. Алла не вышла замуж, всю любовь она отдала Андрею, без остатка, на других мужчин ее любви просто не хватило. Так утверждала сама Аллочка. Захаров несколько раз на дню звонил сестре. Она сохранила в больном теле здоровый дух, в беседе с братом выдерживала иронично – веселый тон. Ирония была адресована ей самой, а бравурность в голосе предназначалась Андрею. Тем самым Алла старалась убедить брата, что у нее отличное настроение, бодрый жизненный настрой и неиссекающая вера в исцеление. Больная сестра заряжала энергией здорового брата. Не поговорив несколько часов с Аллой, Андрей разряжался, как аккумулятор. Он снова набирал знакомый номер и слушал ее голос.

- Андрюшка, как ты? У меня все отлично. Я прошла на лыжах пять километров и жутко устала. Только решила вздремнуть, а ты, негодник, помешал...

Захаров представлял Аллу, идущую на лыжах, веселую, раскрасневшуюся и непроизвольно улыбающуюся. Каждый раз сестра придумывала новое «занятие», которое перекликалось со временем года и ее настроением. Иногда она перечитывала ему стихотворение, которое тронуло ее. Или обсуждала политические новости. Андрей не представлял, как бы он жил без Аллы. Она была источником информации, зарядным устройством, любимым человеком, о котором он заботился и главное – советчиком. Каждый шаг он обсуждал с сестрой. Алла не ворчала по поводу неправильных поступков, не навязывала своего мнения, она внимательно выслушивала брата и говорила в конце: «Ты молодец, Андрюшка, у тебя все получится!» И он верил в это.

Про новую секретаршу Захаров рассказал Алле. Сестра впервые уловила заинтересованные нотки в голосе брата.

- Она тебе понравилась? – спросила Алла. Без настороженности и испуга. Без ревности и негодования.

- Она... смешная, - подумав, сказал Андрей.

Потом до него стали доходить слухи о связи Якубовой с Эрнестом Плужниковым.

- Ты должен бороться за нее! – призвала к действию Алла.

- Зачем? – недоумевал Захаров. – Зачем вмешиваться в отношения двух любящих людей.

- Ты уверен, что Виола любит Плужникова?

- Не знаю.

- Ты хороший физиономист, - напомнила сестра, - и психолог. Ты обязан прочесть ответ по ее лицу, должен разобраться в ее чувствах...

Андрей послушал Аллу, присмотрелся к секретарше и понял, что чувств-с к Эрнесту нет! Есть лишь позволение любить себя...

- Это неправильно! – высказала свое мнение сестра.

- Я должен объясниться с Виолой?

- Должен.

- С чего ты взяла, что она ответит на мою любовь? Может, она неспособна на ответные чувства.

- Ты, дурачок, Андрюша! Неужели твое сердце тебе не подсказало, что девушка к тебе неровно дышит? Просто она не делает первый шаг к сближению.

- Откуда такие познания о внутренних переживаниях моей секретарши?

- Оттуда! – Алла приложила к голове. – Сiju целый день в инвалидном, - ой, простите, в волшебном кресле, которое возит меня по нашей шикарной квартире, и размышляю...

Служащие банка не догадывались, что Андрей Терентьевич Захаров не женат, а его телефонным абонентом, с которым он мило беседует, является его сестра.

Андрей наблюдал за лицом Виолы, когда он ворковал с Аллой. Недовольство проносилось и исчезало, словно его и не было. Но голос после подслушанного разговора у Якубовой подрагивал, спрятанная ревность пыталась вырваться наружу.

- Трус! – рубила правду с плеча Алла. – Я не верю, что таким тебя воспитала!

- Я... не могу, - отмахивался Андрей. – Якубова живет с Плужниковым в гражданском браке уже два года. Следовательно, ее все устраивает.

- Есть категория женщин, которые боятся остаться одни. Они живут без любви, без элементарного уважения к человеку, с которым спят в одной постели.

- Такое возможно?

- А как объяснить тот факт, что женщина живет с азартным игроком, который тащит все из дома с одной целью - отыграться.

- Ты впадаешь в крайности!

- Какая же это крайность, если так живут многие женщины, оправдывая свое поведение тем, что делают это ради детей. О детях они думают в последнюю очередь! Ребенку нельзя жить в семье, где ему некомфортно. Он чувствует себя изгоем, потому что одет хуже всех, мозги работают хуже, чем у других учеников в классе вследствие плохой наследственности и неправильно развития. Матери некогда им заниматься, она каждый день пребывает в ожидании очередной выходки мужа. Дети должны рождаться в семьях, где царят любовь и уважение...

Никакие призывы не действовали на Захарова. Пока однажды он не оказался свидетелем одной уличной сцены с участием знакомых ему людей...

Виола выскочила из дверей банка. Эрнест стоял у автомобиля и безрадостно взирал на мир. При появлении Якубовой его настрой не изменился.

- Дорогой, у меня для тебя приятная новость! - срывающимся от волнения голом заявила девушка.

Новостей Плужников не любил: ни хороших, ни плохих. Размеренность и спокойствие – вот его жизненные принципы. Была бы его воля, он бросил работу в банке и погрузился в размышления о смысле жизни подобно Обломову. Излюбленным местом пребывания стал бы диван, где Эрнест думал о высоких материях, отбросив ненужную бытовуху. Виола на цыпочках входила бы к нему с завтраком на подносе... или обедом, молча, ставила перед ним и удалялась... Еще ругают «обломовщину»! Можно подумать, такое времяпровождения кому – то мешает. Не приносит пользы обществу? Это, да, но и вреда не наносит... Но если все начнут приносить пользу, это приведет к перенасыщению, а любой избыток идет во вред. Везде по дорогам будут снова огромные фуры, где большими буквами написано: «Польза». Фуры ездят из города в город, но на складах никто не желает брать эту пользу, своей все забито...

Вот такие заковыристые мысли посетили голову Эрнеста Плужникова, когда он услышал заявление Виолы о счастливом известии. Он произвольно скривился, еще не услышав саму новость. Якубова была настолько счастлива, что перекошенного лица гражданского мужа не заметила. Виола понимала, что лучше сообщить о беременности в привычной для них домашней обстановке, а не с наскока. Сейчас они приедут, она приготовит праздничный ужин, они с Эрнестом сядут за стол, поднимут... Нет, поднимать ничего не будут: беременным женщинам нельзя ни грамма спиртного. Или можно поднять стакан с соком в честь будущего члена семьи. Завтра же они пойдут в ЗАГС и подадут заявление: ребенок должен родиться в полноценной семье. Может, все-таки не говорить? - задумалась будущая мать, - но я и так держала в себе радостное известие целых полдня!

- Эрнест, я...

- Ты хочешь сообщить мне пренеприятное известие! – напомнил недовольным тоном Плужников. Ему не нравилось, что все работники банка притормаживают рядом с ними и прислушиваются к их разговору. Быть в центре внимания Эрнест не любил. Виола знала

об этой особенности, поэтому недовольство поняла. Хотя, избитая фраза из «Ревизора» ее покорила. Она посчитала ее неуместной для такого случая, тем более добавление про «пренеприятность».

Молодая женщина глубоко вздохнула, как перед решительной схваткой и тихо сказала, прикрыв глаза.

- Я беременна.

И замерла, даже дышать перестала.

- Что? – в коротком вопросе не было эмоций, простое непонимание.

Не расслышал, - подумала Якубова. Отругала себя за трусость, открыла глаза и доходчиво и с выражением заявила.

- Эрнест, я беременна, у нас будет малыш. Я очень счастлива, мне уже двадцать восемь...

- Что? – теперь в голосе была угроза.

Угроза ей и ЕЕ неродившемуся ребенку. То, что он будет только ее, Виола поняла сразу. Всего один короткий вопрос и... будущая семейная жизнь помахала рукой. Добавлением к угрозе был неприязненный взгляд человека, который своим вопросом заявил, что не желает стать отцом своего ребенка.

- Пошел вон! – внятно произнесла она.

Если мужчина не хочет ребенка, значит, никогда не полюбит его. А она не могла позволить, чтобы ее малыша не любил собственный отец. Из всего этого вытекает вывод: такой отец им не нужен!

Плужников не пустился в объяснение, не извинился, только посмотрел на нее отстраненным взглядом, в котором ясно читалось: «Это твой выбор!» Он слишком поспешно сел в свой автомобиль, видно боялся, что женщина передумает, и уехал.

А она осталась. Брошенная беременная женщина.

Стояла и смотрела вслед убегающему от нее человеку, который ей когда-то клялся в верности и любви. Обиды не было. Было громадное разочарование.

- Кому теперь верить? – произнесла Виола вслух.

- Мне. – услышала она в ответ.

Якубовой не надо было поворачиваться, чтобы понять, кто это сказал.

- Усы и шпага все при нем, – прошептала она.

- Что? – не сообразил босс. В этом коротком вопросе было столько нежности и тепла, что она разревелась, как белуга. Не дождавшись ответа, он приблизился к ней, стал за ее спиной, наклонился к самому уху и произнес.

- Я люблю тебя, Виля. Выходи за меня замуж.

Виля, - мысленно повторила она. Он, будто не по имени назвал, а погладил по голове, как маленькую девочку, которую обидел чужой дядя. Виола намеренно отклонилась назад, чтобы почувствовать его. Ее начала бить дрожь. Неужели для понимания того, что ты безумно любишь человека, необходимо услышать его признание?

Она повернулась к мужчине, заглянула в его глаза, чтобы убедиться - это не шутка. И не жалость. И не способ заглядывать чужую вину.

- Андрюша, - она с легкостью избавилась от отчества. – Я жду ребенка... от другого человека. И ты... женат.

- Я все слышал. Только... не увидел другого человека. Здесь были только я и ты. Ты сообщила мне радостную новость, а я растерялся и не успел сразу сказать, что безумно счастлив. Вилечка, я безумно люблю тебя! И у меня нет жены! И никогда не было!

А рядом шли люди, который огибали их островок счастья, чтобы случайно не помешать и не разрушить едва зародившуюся общность двух частиц. Мужчина и женщина не реагировали на броуновское движение пешеходов.

Неужели я, наконец, решил и произнес эти слова? - размышлял мужчина, прижимая к своей груди ее руки и не отрывая взгляда от ее лица.

Какая я идиотка, - думала женщина, - почему раньше не догадалась, что люблю его? Он всегда был рядом, мой любимый, мой дорогой, мой храбрый и робкий, мой трогательный и закрытый, мой наблюдательный и хитрый усач.

- Вилечка, девочка моя, я так люблю, когда ты улыбаешься, когда прикладываешь пальчики к вискам. Любуюсь, когда ты легкой походкойходишь в мой кабинет и замираешь перед моим столом с блокнотом и ручкой в руках. Люблю, когда ты приносишь мне кофе, подходишь совсем близко, и я чувствую аромат твоих духов. Люблю, когда ты недовольно кривишься, когда становишься непроизвольной свидетельницей моего телефонного разговора с сестрой... Она замечательная! И все знает о нас. Больше, чем мы сами знаем о себе...

Признание в любви немолодого мужчины, похожего на мушкетера, «цепляло» прохожих искренностью. Люди, словно приобщались к их радости и сбрасывали груз незначительных проблем, которые еще минуту назад пугали своей глобальностью и неразрешимостью. Все проблемы – чепуха, если рядом любимый человек...

Они поженились через месяц. А через неделю умерла Аллочка. Она выполнила свою миссию – передала брата в надежные руки...

- Что же случилось после стольких лет счастья и любви? – спросил я. Недавнее прошлое закрывала желто – зеленая клякса.

Виола открыла глаза. Сначала она не могла понять, где находится, затем повертела головой, будто искала кого – то.

- Его нет. И больше никогда не будет, - с отчаянием произнесла она.

- Он... умер?

- Умер. Для меня. – женщина вырвала свою руку и моих тисков.

- Муж... предал Вас? – я понимал, что своим вопросом вскрываю едва начавшую затягиваться рану.

- Знаете, Аристарх Васильевич, я не могу понять, зачем человек на протяжении нескольких лет клянется в любви, если на самом деле не испытывает к тебе никаких чувств? С какой целью он это делает? Никто не просил его жалеть меня.

- То есть Вы сами объясняете предложение Андрея жениться на Вас жалостью? – Виола утвердительно кивнула. – Мужчины никогда не женятся из жалости. Они женятся по любви, из корыстных соображений и в случае необходимости. Последняя причина подходит для мужчин, вообразивших себя джентльменами или тех, которые заключают фиктивный брак на взаимовыгодных условиях. Фиктивный брак я, вообще, браком не считаю, фикция и только. Штамп в паспорте.

- Вы считаете, что настоящие джентльмены вымерли, как динозавры, вследствие неблагоприятных климатических условий?

- Женщины сами виноваты, что джентльменство кануло в лету. Они стали с мужчинами на одну социальную ступень, привыкли во всем полагаться на себя, разбаловали сильный пол, те почувствовали себя комфортно в таких условиях и превратились в эгоистов и лентяев.

- Всегда вину за развод возлагают на женщину! – вяло возмутилась она.

- Неправда, в разводе всегда виноваты оба супруга, только признать этого не желает ни та, ни другая сторона.

Из фраз, брошенных Виолой, я мог сделать определенные выводы: ее муж скорее жив, чем мертв, он ее оставил ради другой особы. Отсюда и болезнь в виде желчной обиды, засевшая в груди. Я должен обрисовать ей болезнь, предупредить ее развитие. Виола Викторовна женщина впечатлительная и решительная одновременно, она соберет волю в кулак и вернется к нормальной жизни, в которой не будет грызущей обиды на бывшего супруга...

Якубова слушала мой рассказ с недоверием, но я старался быть убедительным.

- Я вам не верю, - сказала она, выдерживая паузы после каждого слова, будто разделяла их на отдельные предложения.

- Что мне сделать, чтобы Вы мне поверили?
Она задумалась.

- Если Вы... маг и волшебник, то...
Я знал, о чем она меня попросит.
И я рассказал ей то, о чем узнал, сжимая ее ладошку между своих рук...

- Откуда... Вы все это знаете?

- Вы мне сами рассказали. – про считывание информации с подкорки мозга, я умолчал.

- Я?... Не помню... - она замотала головой.

- Я хочу услышать продолжение этой грустной истории.

- Все до противного пошло и банально. К нам в дом пришла журналистка. Она хотела взять интервью у Андрея. Записала его рассказ на диктофон и ушла, пообещав показать ему черновой вариант будущей статьи.

- Какова цель интервью?

- Ее интересовал не банкир Захаров, а человек Захаров, его быт, его семья, в общем, его жизнь вне стен рабочего кабинета. Журналистка впечатлилась нашим бытом и поставила себе цель улучшить свои бытовые условия за счет Андрея Терентьевича. Она написала статью и пришла к нему на работу, чтобы обсудить еще кое-какие детали. Муж всегда избегал общения с желтой прессой, не любил, когда «норовят забраться в постель». Так он говорил. Но журналистка проделала это в прямом смысле. Как ей удалось это сделать – остается загадкой до сих пор. Все началось с ее визита. С тех пор моя жизнь превратилась в кошмар. Захаров стал совершенно другим человеком. За все годы жизни, он ни разу не напомнил мне, что Рита не его дочь. А после общения с этой... - Виола закусила губу, чтобы не расплакаться.

Я не знал, как ее утешить, пока сам не разберусь в ситуации. Неужели, такое возможно: страстно полюбить женщину, много лет строить по кирпичику дом – семью, а затем в один миг все разрушить собственными руками.

- А... как выглядит эта журналистка? – задумчиво спросил я и заметил недоуменный взгляд женщины.

- Как обычная ведьма! – сразу нашелся ответ. – Она околдовала моего мужа.

Избитая фраза, дающая резкую характеристику разлучнице, - решил я.

Виола догадалась по моему взгляду, что повела себя, как обычная брошенная баба, сменила тон и стала рассказывать.

- Мне доложили «доброжелатели», что при первой встрече он вел себя с журналисткой подчеркнуто корректно. Он всегда был таким на службе: наглухо застегнутым на все пуговицы. Даже никогда не улыбался. Девушка, которую взяли на мое место, принесла им по чашке кофе и удалилась, услышала только, как Андрей выговаривает ей за длинное описание нашего загородного дома. Он еще обронил фразу: Вы же не из журнала «Архитектура и дизайн», а «Бизнес с человеческим лицом». Для Вас главное – раскрыть внутренний мир делового человека, а не описание убранства его дома и содержимое шкафов... Она кинула фразу про скелеты, раз речь зашла о шкафах, но Захаров ее поставил на место, заявив, что у него безупречная репутация, и он ею дорожит. И вот проходит полчаса, журналисточка выпархивает из кабинета Андрея, а он... провожает ее до дверей приемной, при этом мило улыбается и поддерживает под локоток. Секретарь от увиденной картины едва под стол не упала. Шеф провожает до дверей только очень важных гостей, а тут журналистка заурядного журнала...

Я закрыл глаза и постарался представить себе картину произошедшего...

...Захаров читает статью и делает пометки на полях. Вдруг звонит телефон, он поднимает трубку, секретарь докладывает, что звонит такой – то такой – то, он приказывает соединить его с абонентом, прокручивается на стуле, тем самым поворачиваясь к журналистке спиной. Та быстро вытаскивает из сумочки маленький

пакетик, похожий на пакетик с сахаром, который прилагают к чашке чая в поезде. Она не сводит глаз с Захарова, приподнимается со своего места и высыпает содержимое ему в чашку. Пустой пакетик исчезает в сумке, а девица с безразлично – напускным видом смотрит в окно. Андрей Терентьевич заканчивает разговор, возвращается в исходное положение, делает глоток из чашки, при этом продолжает читать статью...

До сих пор я не верил в привороты. Но в жизни всякое случается. Бывает, человек долгое время провел в коме и за выдержку получает награду - дар целительства, дар предсказания. А как он распорядится этим даром, решать ему. Не все целители приобретают дар, иногда он переходит к ним по наследству. Жаль, что некоторые идут на сделку с совестью. Причина ясна – жажда наживы. Неблаговидными делами всегда можно больше заработать. «На честности далеко не уедешь!» - заявляют корыстные целители, которые нарекли себя колдунами. К одному такому любителю обогатиться пришла журналистка и попросила приворотного зелья. Колдун, увы, не оказался шарлатаном...

- Вы помните, как звали эту журналистку? – задал я вопрос.

- Ольга Кашкина. - ответила Виола, вложив голос все накопившееся презрение.

- Как? – удивленно протянул я и потряс головой, будто возвращал себе потерянный слух.

Женщина повторила, хотя, произносить имя разлучницы ей не доставляло удовольствия.

- Вы... можете ее описать?..

Когда я слушал, то чувствовал, как волосы на голове пришли в движение, а по телу прошла легкая дрожь.

– Не может быть... - простонал я. - Мы ее похоронили двенадцать лет назад...

- Кого... похоронили? – испуганно спросила женщина, замерев на полуслове.

- Ольгу Кашкину, виолончелистку из нашего оркестра.

- Она журналистка, - напомнила Виола.

- Но по описанию один в один Оля...

Конечно, брошенная женщина не может адекватно описать соперницу, но данное описание, пусть не совсем корректное, подтвердило, что в роли журналистки выступала погибшая виолончелистка.

Я сосредоточился и попытался проверить свои ощущения при произношении сочетания: журналистка Ольга Кашкина. Я сидел и бубнил, меняя слова местами, и прислушивался к внутренним ощущениям, будто ждал, что вот – вот и мой организм согласится с таким сочетанием.

Он его не понимал и не принимал.

Мой организм напоминал терминал оплаты, которому хотят всучить фальшивую купюру.

Я заинтересовался, где подвох: в сочетании имени и фамилии или в указанной профессии? Я перешел на раздельное осмысливание.

- Ольга Кашкина, - тихо произнес я и прислушался к себе. У меня сразу возникли следующие ассоциации: жалость к девушке, чувство вины, безвременная потеря, желание наказать преступника... - Оля умерла, - с уверенностью заключил я.

- Аристарх, почему Вы решили, что это та самая Ольга Кашкина?

Я не отреагировал на вопрос и перешел к ассоциативному сочетанию к слову «журналистка». И сразу рядом с ним встала... фамилия другой девушки. Всплывшая в памяти фамилия намертво «приклеилась» к профессии. Они срослись, как две половинки разорванной купюры.

- Журналистка Бондарь, - едва слышно произнес я.

Внутреннее ощущение сказало громкое «ДА». Неужели это Олеся? Но... эти девушки абсолютно разные, ничего общего... Может, только рост и фигура. У Кашкиной были русые волосы до плеч, а у Бондарь – короткая мальчишеская стрижка, и она темноволосая... Доводы показались мне неубедительными: волосы можно отрастить,

обрезать и перекрасить. Мне не хватало кое-каких деталей, поэтому я обратился к Виоле.

– Сколько лет той особе?

- Лет тридцать пять.

- Бондарь приблизительно столько же, - задумчиво произнес я. - Она исчезла из нашего города три года назад. Решила перебраться в Москву, там легче затеряться, сделала себе новые документы, зачем – то назвалась именем жертвы, единственно, что охранила – свою профессию. Потом Олеся поручили проинтервьюировать Захарова, она приходит в его дом, видит картину семейной идиллии, загорается желанием все разрушить и на обломках построить все гнездышко. С чужим мужем. Богатеньким и положительным во всех отношениях.

- Неплохо придумано! – вмешался в мои размышления вслух знакомый голос. Я повернулся на звук.

– Евлаша, что ты здесь делаешь?

- Знаешь, сколько прошло времени с тех пор, как мы расстались?

- Почти четыре часа! – подсказала Маргарита без тени недовольства.

- Не может быть! – воскликнул я.

- Я не понял, зачем ты произносишь имя нашего заклятого врага? - заинтересовался Евлампий.

- Врага?! – подобралась Виола, почувствовав в нас собратьев по оружию...

- Ты должен наказать ее, Арик! – призвал меня Бобик после «краткого» изложения беседы с Виолой.

- Я не занимаюсь такими делами. Вспомни, что сказал доктор: я могу снова погрузиться в кому, если буду использовать дар во вред человека.

- Я помню, - разочарованно вздохнул Евлампий.

Уверен, он уже представлял, как я «награждаю» Бондарь неизлечимой болезнью, от которой она будет мучительно умирать.

Затем мой приятель пустился в пространные размышления на тему: можно ли считать человеком убийцу трех безвинных людей? Тема захватила Виолу и Маргариту, они попросили Бобика поделиться секретом, что он с великим удовольствием сделал, не забыв о покушении на меня и последующих за этим событиях. После красочного рассказа, они долго пребывали во взволнованных чувствах, обсуждали детали и сошлись во мнении, что разлучница, конечно, и есть убийца Бондарь, которая должна быть наказана.

- Должна, но не мною, а судом. – констатировал я, бросая на друга гневные взгляды.

Судя по лицам моих собеседников, такой исход дела их не устраивал. Я решил смягчить свое заявление.

- Но я не могу насильно вернуть Виоле мужа. – и обратился к ней самой, - Вы этого хотите?

- Мы очень хотим, - ответила за мать Маргарита. Девочка прижалась к ней, Виола поцеловала ее в макушку, обняла, но с ответом не спешила.

- Я пойду на это, если Вы подтвердите, что Андрей пошел на связь с журналисткой не по доброй воле, - сказала она после паузы.

- Я думаю, Андрей Терентьевич был... неадекватен. – без особой уверенности сказал я и еле сдержался, чтобы не добавить: таких женщин, как Вы, Виола, не бросают. Но сейчас было не до комплиментов, тем более я на комплименты не мастак. У меня что ни слово, то банальность, исключая искренность. Женщина открыла рот, чтобы задать вопрос, но я ее опередил, - мы должны увидеть эту журналистку, чтобы разобраться, кто она: наша старая знакомая Олеся Бондарь или полная тезка погибшей Ольги Кашкиной?

- Вы хотите поехать в Москву? – заинтересовалась Рита. Мы с другом подтвердили. – Значит, мы тоже поедem? – обратилась она к матери.

- Без вас нам там делать нечего, - ответил я за Виолу.

Я хотел откланяться, но у Бобика появились еще вопросы, на которые он желал получить ответы здесь и сейчас.

- Вы разведены официально? – деловым тоном спросил он, словно после отрицательного ответа собрался представлять интересы бывшей супруги в суде.

- Нет. Я не подавала на развод, а Андрей... тоже не делал этого. Просто попросил нас с Ритой пожить в городской квартире, а сам обосновался с журналисткой в загородном доме.

- Ясно, этот дом стал для Бондарь идеей фикс. – догадался Евлаша. – У вас есть средства на достойную жизнь?

Любой другой подумал о его далеко идущих планах. Но не я. Я знал его, как облупленного. Женщины тоже не почувствовали в вопросах двойной подтекст.

- Андрей поступил по-джентельменски, - женщина непроизвольно покосилась на меня, вспомнив наш недавний разговор, - мне принадлежат два салона красоты и элитный бутик итальянской одежды. Этот дом в Агое, квартира в центре города. – перечислила она. - Мы не бедствуем. Так что распродавать недвижимое имущество я не собираюсь. Тем более этот дом. Здесь мы были так... счастливы.

- Воспоминания рвут душу, вы начинаете злиться и выплескиваете горечь обиды на свою дочь, - не удержался от колкости Бобик. Я удивленно посмотрел на друга: он разобрался в ситуации, не обладая никаким даром.

Виола не обиделась, еще крепче прижала к себе Риту и произнесла еле слышное «Прости». Девочка погладила мать по руке и прошептала: «Я люблю тебя, мамочка!» И получила взамен шуршащий ответ: «И я тебя, доченька...»

Мы почувствовали себя лишними.

- Не уходите! – испугалась Маргарита, завидев наши сборы.

- Нам пора, Любовь Трофимовна давно ждет к обеду. – Евлампий взглянул на часы, - хотя, время ужинать. – И тихо добавил, повернувшись в мою сторону, - наверное, Вика уже приехала...

Я не устаю удивляться своему другу: он с легкостью перескакивает с серьезных тем на юмор и незлобную иронию.

- Живем рядом, а я с тетей Любой почти не вижу. - напряженным голосом произнесла хозяйка.

Мне показалось или Виола напрашивается к нам в гости?

- Вы не боитесь острых вопросов? – поинтересовался я. – Любовь Трофимовна говорила, что Ваш муж умер.

- Я не могла ей сказать, что он жив и счастлив, что бросил нас с Ритой ради другой женщины. Мне было стыдно... Но теперь я... почти поверила, что он сделал это не по своей воле. Обида отступила, появилось желание начать борьбу за Андрея. Раньше я боялась унизиться, ранить свою гордость и позволила другой женщине легко увести моего мужа. Надо было бороться за него, не унижаться и ползать на коленях, умоляя не бросать меня и дочь, а сесть и поговорить, обсудить ситуацию, заглянуть ему в глаза и попытаться понять, чем вызван разрыв: ушедшей любовью ко мне и нагрывшими чувствами к другой женщине или невозможностью оценить свое поведение. Мне не приходило в голову, что всему виной подсыпанная в чай дрянь. Одно мое ласковое слово или поцелуй могли сотворить чудо, а я отвернулась от него. Гордая и неприступная. Одинокая и несчастная.

В ее голосе я почувствовал раскаяние. Теперь она не перекладывает вину на мужа, на дочь. Она сама стала адекватной и способной вернуть Андрея. Но я не оставлю ее, в любую минуту я могу вмешаться и скорректировать ситуацию в зависимости от обстоятельств.

И пусть она цепляется за соломинку, пусть верит непроверенным фактам. Здесь коренное слово «вера». Она придаст ей силы.

Я совсем забыл о кляксе, произвольно опустил взгляд на то место, где она царила и правила, и не поверил своим глазам: от нее осталась едва заметная дымка...

За кухонным столом сидели две женщины, одна из них была нашей хозяйкой, а другая... невероятным образом похожа на жену Бобика. Мы замерли в дверях.

- Если бы ты не нашел сестру Ксюши, я подумал, что это она. И заметь, ее тоже зовут Вика. – сказал приятель, скривив рот.

Мы стояли столбом и смотрели на женщин, которые с увлечением лепили вареники. Они были так заняты работой и беседой, что нас сразу не заметили.

– Надо позвонить теще и спросить, может, у нее была еще одна дочь? - снова сказал Евлаша.

Женщины оторвались от лепки. Судя по обращенным на нас взглядам, вид у нас с Евлашом был впечатляющим.

-Э-э-э, - протянул мой некогда находчивый приятель и умолк, не придумав продолжения своему «э».

- Здравствуйте, - поприветствовал я, немного приходя в себя, но с места не двинулся.

За меня это сделала Рита, которая вместе с матерью появилась позже и теперь норовила пролезть мимо двух чудиков, перекрывших проход.

- Добрый вечер, - дружно ответили хозяйка и ее дочь, обращаясь к нам четверым.

Потом Любовь Трофимовна затянула монолог, что Михаил нас обыскался, не дождавшись к обеду, ходил на пляж, но там не нашел, звонил на мобильник, но никто не ответил, он и сейчас рыскает по всему поселку и надо ему позвонить и успокоить, пока он не добежал до Сочи...

- Позвоним, - согласился с хрипотцой в голосе Бобик. – А Вы Виктория, дочь нашей милой хозяйки? - Великосветским тоном поинтересовался он, приближаясь к молодой женщине и не отрывая взгляда от ее лица.

- Да, я Виктория, - кивнула она и недоуменно спросила, - с моим лицом что – то не так? Я, наверное, в муке испачкалась?

- Все нормально, - встрял в разговор я, - просто Вы очень напомнили моему другу его жену. – Я последовал за Бобиком. Теперь столбы переместились к столу и снова «вросли» в землю. – Аристарх Ламбровский, - представился я, - а это мой друг...

- Немирович – Данченко, - продолжил за меня огорошенный приятель.

Состояние шока было сильнее, чем я думал. Едва заметным движением руки я коснулся его головы, будто смахивал пылинку с лысины, и поспешил пояснить.

- Это Евлампий Бобик. У него великолепное чувство юмора.

- Я успела это оценить, - усмехнулась Вика.

- Простите, задумался, - «очнулся» Евлаша и потряс головой, - я ничего не пропустил?

- Ничего, - успокоил я друга, - к вареникам мы еще не приступили.

Виола бросилась помогать Любви Трофимовне, к ним присоединилась Рита, которая больше мешала, и вскоре все сели за стол, включая запыхавшегося Михаила, которому успел позвонить Бобик.

Мы сидели в беседке, увитой виноградом. Молодые листочки еще не доросли до нужных размеров и смешно смотрелись на новых тоненьких отростках, вылезших их старых задеревеневших ветвей. Мы ужинали и вели легкую светскую беседу ни о чем. Необыкновенная смесь горной чистоты и морской свежести витала в воздухе и пьянила меня не хуже вина. Или я пьянел от близости Вики? Подобное состояние я испытывал, когда впервые увидел Ксению Белкину. И характеризовалось оно двумя словам – заторможенность и косноязычие. Но, слава богу, можно не выставлять напоказ оба компрометирующих меня качества: роль тамады за столом взяла на себя неутомная Любовь Трофимовна. Первый тост она подняла за выздоровление Андрея Терентьевича. Виола успела рассказать ей обо всем, пока варились вареники.

Все дружно поддержали хозяйку, с сочувствием поглядывая на его супругу. Затем были еще тосты: за дружбу, за счастье, за взаимопонимание, и, естественно за здоровье. Говорят, только русские люди пьют вредные алкогольные напитки за здоровье.

О чем говорили за столом, я понимал с трудом, лишь действовал инстинктивно, когда присутствующие поднимали бокалы с вином. Я смотрел на Вику, которая сидела напротив меня, и снова был простым человеком, не наделенный даром целительства. Перед глазами был туманный мир, на фоне которого выделялось лишь лицо женщины, очень похожей на Ксению.

Человек со сверхспособностями, который легко разбирался в чужих болезнях и проблемах, тупо смотрел на женщину и не мог понять, что с ним происходит.

Я не знал, что делать с зародышем чувства, которое поселилось в моем сердце. Избавиться от него, пока не поздно? Я могу с легкостью это проделать, пока любовь не растекалась по кровеносным сосудам, не заполнила все тело. Взять и удалить его одним движением руки, как тромб в полости сердца, и спокойно жить дальше. Или повременить?

По обыкновению я прислушался к себе, желая получить ответ. Много времени процесс не занял: я наслаждался своим новым состоянием, как нерадивый ученик, который по причине недомогания может пропустить уроки.

Я ощущал легкость во всем теле и одновременную тяжесть в голове, которая отказывалась соображать и воспринимать весь окружающий мир, а не отдельного человека в нем. По правде сказать, человека я воспринимал однополярно: любое ее действие сравнивал с музыкой природы. Вика хмурилась – голос походил на шум дождя, улыбалась – на журчание ручейка, даже ее молчание напоминало мне легкий шелест листвы. Когда понял, что чувства переполнили меня до такой степени, что могу захлебнуться, я встал и громко сказал.

- Виктория, я люблю Вас и прошу Вас стать моей женой.

Я сам удивился своей храбрости. Опомился и испугался... отказа. Я не знал, как буду жить без нее. Моя судьба решалась в эту минуту. Моя жизнь повисла на волоске. Именно сейчас, а не в тот день, когда получил серьезное ранение в голову.

За столом воцарилась мертвая тишина. Присутствующие люди не удивились моему предложению, будто под воздействием домашнего вина превратились в прорицателей, которые явно предвидели подобный исход. Все взгляды переместились на Вику. Один Евлампий не удержался и с гордостью произнес.

- Мужик!

Молодая женщина почувствовала неловкость и потупила глаза. Я ждал. Мы все ждали. Волосок натянулся до предела: еще немного, и я упаду в пропасть.

Ее молчание подобно стилету вонзалось в мое сердце глубже и глубже. Я попытался взять себя в руки и подготовить себя к отказу. Я должен жить ради людей. Мой дар нужен им. Жил без любви до встречи с Викой, буду жить так и дальше. В убеждении не было уверенности.

Я пожирал ее глазами. Не воздействовал на нее, не приказывал, а ждал, как обычный мужчина ждет ответа от любимой женщины. Вот сейчас она поднимет на меня свои шоколадные глаза, и тихо произнесет: «Я Вас совсем не знаю...» Это не отказ, это предложение узнать друг друга поближе, поэтому шанс остается. Страшнее, если она поднимет глаза, усмехнется и скажет: «Вы сошли с ума? С чего вы взяли, что я захочу выйти за Вас замуж? Я люблю другого человека...» А это уже конец...

Вика оторвалась от созерцания стола. Я напрягся. Сейчас она посмотрит на меня, и я все пойму без слов. Она покосилась на мать. Я тоже перевел взгляд на Любовь Трофимовну. Взгляды всех присутствующих переместились на нее.

- Это он? – неожиданно спросила дочь.

- Он! – односложно ответила мать.

Я ничего не понял, но почувствовал, что вместо тоненького волоска меня удерживает над пропастью толстый канат. И стилет из груди исчез, даже не поранив.

- Это... он! – поддержал хозяйку Бобик. Он тоже не разобрался в ситуации, но посчитал своим долгом поддержать кандидатуру другу, который выдвинул себя на роль жениха.

Любовь Трофимовна поспешила объяснить.

- Моя мать выросла в цыганской семье. Так сложились обстоятельства. Она гадала по руке, делала это редко, но талантливо. Все удивлялись, как она может так точно предугадывать судьбу. Мне она никогда не гадала, а Вике всего один раз, перед самой смертью. Викусе было семь лет, когда мамы не стало. Она несколько дней была без сознания, потом вдруг открыла глаза и попросила позвать внучку. Взяла ее ладошку, посмотрела и сказала: «Не выходи замуж рано, дождись суженого. Ваша встреча будет случайной, и он сразу предложит тебе выйти за него замуж. Не отказывай ему. Это судьба». И она описала человека, который ворвется в жизнь Вики, и назвала его редкое имя – Аристарх...

- Судьба, - протянул Бобик, окидывая взглядом собравшихся за столом людей, ожидая подтверждения.

- От судьбы не уйдешь! – отозвалась находчивая Виола.

- Я не хочу от нее уходить, - уверенно произнесла Виктория и подняла на меня свои шоколадные глаза. – Я согласна...

- Любовь Трофимовна, я Вас не узнаю, - запричитал Евлампий, - Вы тамада и молчите! У нас появился повод поднять бокалы...

И мы подняли. А потом пошли с Викой на берег моря слушать музыку волн...

С раннего утра к нам заявила Маргарита. Увидела нашу дружную компанию за завтраком и недовольно произнесла.

- Я, конечно, понимаю, что Ваши мысли, дядя Арик, направлены в другую сторону, но Вы, как мужчина, должны сдержать свое обещание!

- Он не обещал на тебе жениться, когда ты подрастешь! – вмешался Евлампий, чем вызвал еще большее недовольство у Ритки.

- Я, вообще, замуж не выйду! – скривилась она. - От мужчин одни проблемы!

- Думаешь? – поинтересовалась Вика с серьезным видом.

- Тебя я не отговариваю, - успокоила ее девочка, - он, - она кивнула в мою сторону, - твоя судьба...

- Спасибо, - поблагодарила ее моя будущая жена.

- Но судьба судьбою, а обещания надо выполнять! – продолжала гнуть свою линию Маргарита.

- Если ты имеешь в виду поездку в Москву, то она состоится при любом раскладе! – заверил ее Бобик.

- Когда? Вы понимаете, что мы не можем откладывать нашу операцию! Прошло и так слишком много времени, процесс может стать необратимым!

- Где ты нахваталась таких слов? – опешил Евлаша.

- Я умная не по годам, - пожалала плечами Рита.

- Ты не будешь возражать, если я уеду? – обратился я к Виктории.

- Возвращайся скорей. Я буду тебя ждать...

Мы хотели остановиться в гостинице, но Виола настояла, чтобы мы поселились у нее.

- Не волнуйтесь, у нас двухуровневая квартира, Вы нас не стесните.

Мы не стали спорить.

Жить в центре Москвы это своего рода заявление, что твоя жизнь состоялась, что ты успешен и достиг высокого статуса. Но не всегда счастлив. Такие мысли посетили мою голову, когда я ступил в квартиру Захаровых. В ней было все, кроме обычного семейного счастья.

Задерживаться в столице в мои планы не входило, поэтому я сразу перешел к делу.

- Нам нужно выяснить, скрывается ли под маской Ольги Кашкиной Олеся Бондарь. Если это две разные женщины, мы можем спокойно себя обнаруживать и переходить к основной цели нашего визита в Москву.

- Вы можете пойти в банк к Захарову, - предложила Виола. - Не думаю, что журналистка там обосновалась.

- Нет, лучше встретиться с ним в неофициальной обстановке. Например, в его загородном доме. Хотя, нет: присутствие Ольги помешает нашему общению. Лучше, если встреча произойдет у вас, в этой самой квартире.

- У меня? Вы предлагаете мне позвонить Андрею и пригласить его в гости?

- Почему бы нет? Недавно Вы твердили, что готовы на все...

- Я не отказываюсь, - поспешила оправдаться Виола. - Но я сомневаюсь, что он согласится.

- Папе могу позвонить я, мне он точно не откажет. - предложила Рита.

- Ты с отцом виделась, после того, как он ушел? - поинтересовался я.

- Нет, мне мама запретила.

Рита лгала, причем неумело. Для понимания этого не надо обладать никаким даром.

- Виола, можно мне чашку чая? - попросил я. Она догадалась, что я хочу остаться с девочкой наедине. Евлампий не в счет. Мы с ним одно целое.

- Рассказывай, - приказал я, когда хозяйка удалилась.

Марго поняла, что отнекиваться глупо.

- Папа часто забирает меня после уроков. Мы гуляем, обедаем в ресторане, потом он отвозит меня домой.

Я сделал вывод, что Рита ничего не знает о ее настоящем отце. И Захаров, и Виола скрыли от нее правду. И правильно сделали. Андрей, несмотря на разрыв с женой, не забыл о приемной дочери.

Однажды я услышал фразу, которая запомнилась мне: дети нужны мужчине до тех пор, пока он любит их мать. Не знаю, согласен ли я с подобным заявлением, но то, что Захаров продолжает общаться с Маргаритой, говорит о многом.

- Ресторан, как место для познавательной беседы, нам не подходит, - выдал сообразительный Бобик.

- Рита, ты девочка наблюдательная и умная не по годам, поэтому сосредоточься и ответь мне на вопрос, который я задам, только не сочиняй ничего. Собралась? - проникновенным тоном вступил я. Она задумалась, потом кивнула. - Ты почувствовала перемену в отце после того, как он стал жить отдельно?

Марго сложила руки колечком на груди, надула губки и призадумалась. Много времени у нее на это не ушло.

- После того, как он ушел от нас, он всегда немногословен и печален. При встречах я болтаю, а он внимательно слушает, иногда отвечает на мои вопросы, но односложно: да - нет, хорошо - плохо. Или спросит, как дела в школе, а я чувствую, что он хотел задать другой вопрос. Однажды он был очень бледен и постоянно глубоко вздыхал, как люди, которым не хватает кислорода. Я испугалась и начала уговаривать, что он сходил к врачу. А он молчит и ничего не отвечает. А когда в разговоре я упоминаю маму, он так странно на меня смотрит, будто не догадывается о ком идет речь.

- Забыл о существовании Виолы, - изрек Евлампий.

- Кажется, я знаю, как заманить сюда Андрея! - внезапно воскликнул я, отчего мои собеседники вздрогнули.

- У тебя созрел план? - осторожно спросил Бобик.

- Вполне может быть, - так же с осторожностью ответил я, словно этот план был из тонкого стекла и мог разбиться при сотрясании воздуха.

- Так есть или может быть!? - возмутилась пигалица.

- Рита, ты согласна солгать ради правого дела?

- Согласна! - тут же заверила она меня.

- Тогда тебе отводится главная роль!.. Ты звонишь отцу и говоришь, что вы повздорили с матерью, и ты сбежала из поселка Агой. Сосед по даче ехал в Москву и прихватил тебя с собой. Если он спросит, какой сосед, ты ответишь, что он его не знает, тот купил дом совсем недавно. Мама? Мама уже не волнуется, она в курсе, что ты дома. Но в дороге ты почувствовала недомогание и теперь лежишь с высокой температурой. Врач? Врач был, выписал рецепты, но сходить за лекарством некому. Если он скажет, что пришлет секретаршу, ты начнешь рыдать в трубку до тех пор, пока он не согласится бросить все дела и приехать.
- Все так просто, что может выгореть, - удовлетворенно констатировал Евлампий. – Но где в это время будем мы?
- Здесь! – я «обнял» окружающее пространство.
- И как мы объясним свое присутствие?
- Рита почувствовала себя хуже и снова вызвала врача, а заодно и того соседа по даче, который ее привез в Москву.
- А зачем она его вызвала? – не унимался дотошный приятель.
- Испугалась, что отец не приедет, и она останется одна.
- Тогда некому будет сходить за лекарством, - добавила свою лепту в пояснение Марго.
- А зачем, вообще, нужен сосед? Если ты хочешь дать мне эту роль с целью элементарного присутствия в квартире, то мне ничего не стоит удалиться. Я не обижусь.
- Я отвожу тебе другую роль...
- Вы собрались ставить пьесу без моего участия? – обиженным тоном спросила вернувшаяся с подносом Виола.
- Что Вы, что Вы, сударыня! – успокоил я женщину, - Вы также будете задействованы в нашем действе.
- Дело принимает серьезный оборот. – нахмурился Бобик.
- Почему?
- Потому что я ничего не понимаю! – взвился Евлампий. – А когда я чего-то не понимаю, мне хочется рвать и метать! – Он обвел взглядом окружающее пространство в надежде, что под руку подвернется вещь, которая подойдет для этой цели.
- Сейчас я все объясню...
- Не проще для начала убедиться, что Ольга на самом деле Олеся Бондарь и все рассказать Андрею. Открыть ему глаза на его... возлюбленную! - в сердцах заявила Виола, когда я описал присутствующим мизансцену последующего действия.
- Вы уверены, что он нам поверит?
- Когда мы заявим на нее в полицию, и ее осудят за тройное убийство, то поверит, как миленький. – с удовлетворением произнесла она.
- Но где вероятность, что это освободит его от чар этой женщины?
- Вы думаете, что он последует за ней в Сибирь, как жены декабристов? – скривилась Виола.
- Подобное мне в голову не приходило. В одном я уверен - действия Захарова не поддаются здравому смыслу. Его голова заполнена туманом, пока он не рассеется, Андрей не сможет адекватно воспринимать информацию об Ольге или, как там ее зовут на самом деле. Он думает, что она его путеводная звезда, без нее он заблудится.
- Что же делать? Ждать, когда подует ветер и прочистит ему мозги?
- Тут нужен ураган, - вставил реплику Евлампий.
- Нужна встряска! – уверенно сказал я. – Я долго размышлял, почему Андрей не потребовал у Вас развода и сделал вывод: приговор не сработал полностью, оставил нам маленькую лазейку, через которую мы может воздействовать на его мозг.
- Следовательно, у нас есть шанс? – дрогнувшим голосом поинтересовалась Виола.
- Есть! Вырвать его из сетей авантюристки будет легче, чем мы думали. Это я понял только сейчас. И все благодаря Вашей дочери.

- Рите? – удивилась женщина, переводя взгляд на девочку, которая делала мне предостерегающие знаки.
- Виола, Вы должны быть ей благодарны за постоянную связь с отцом.
- Я не хотела сделать Маргариту «яблоком раздора» между нами. Я боялась, что он...
- Я понял, - перебил я испуганную мать. - Поймите и Вы - дочь одинаково любит вас обоих и одинаково осуждает. Отца – за предательство, мать – за нежелание вернуть отца. Девочка уверена, что он по-прежнему ее любит, только живут они порознь. Рита – тонкая связь между отцом и матерью, которые перестали быть одним целым. И она, со свойственной ей недетской мудростью, хорошо это понимает и живет надеждой, что в скором будущем разделенные половинки, как воды одной реки, снова соединятся в общем русле.
- Только необходимо сделать самую малость – убрать препятствие на пути двух течений, которые желают соединиться в одну реку. - вставил Бобик.
- Мои чувства к другу не выразишь словами! После моих не всегда понятных философских рассуждений, он делает вывод из всего вышесказанного, и все лавры достаются ему. Я не обижался: без его заключений мои мысли, высказанные вслух, не имели бы смысла.
- Вот и теперь все взоры дам обратились к Бобику. Они благодарно улыбнулись ему, а он благосклонно склонил голову.
- Думаю, конфликт улажен, - с улыбкой заявил я и перешел к дальнейшему изложению своих мыслей. – Из сказанного Ритой я понял: Захаров пребывает в депрессивном состоянии. Он не может разобраться в себе, не догадывается, что с ним происходит, не поймет, в какую сторону идти.
- Что ж ему не подскажет его путеводная звезда? - разозлилась покинутая супруга.
- Ревность женщины не нуждается в подкидывании дров. И излишние уговоры лишь накаляют страсти. Поэтому я пропустил реплику мимо ушей, чем вызвал у Виолы смущение, и стал излагать свои умозаключения.
- Андрей всегда был здравомыслящим человеком, который не принимает спонтанных решений. Теперешнее поведение не поддается его пониманию. Он задает себе вопрос, почему он ушел из семьи, и не находит ответа. Он не может вернуться к Виоле и не может оставить Ольгу. Мне кажется, журналистка быстро успокоилась, не стала доводить дело до победного конца. Она мечтала поселиться в загородном доме, ее мечта сбылась, форсировать события она не спешит.
- Почему она не настаивает на узаконивании отношений с Захаровым? – спросил Евлампий.
- Думаю, Андрей от нее откупился. Она хотела дом, она его получила. Он передал ей права на него.
- Он подарил ей наш дом? – вскипела Виола.
- Подарил. С одной целью – она не будет помехой в размышлениях.
- Потом она пожелает стать депутатом Государственной Думы и потребует деньги на предвыборную компанию, – хмыкнул Бобик.
- А затем захочет стать президентом, - поддержала его Маргарита. – Или владычицей морской.
- Мы этого не допустим, - пообещал я с улыбкой.
- Вы проветрите его голову и вернете нам? – обрадовалась девочка.
- Вы с мамой все сделаете сами.
- Аристарх, Вы же маг и волшебник, проведите круг над головой Андрея, уберите серый туман, он быстро разберется в ситуации и поймет, куда ему идти: к женщине с меркантильными интересами или к людям, которые его искренне любят.
- В данном случае я не имею права вмешиваться! – резко отрезал я. - Виола, Вы хотите вернуть Захарова?
- Да, я хочу его вернуть, - без раздумий сказала она.

- Не потому, что хотите потешить свое самолюбие?
- Нет, потому что я люблю его.
- Вот это я желал услышать из Ваших уст. Я объясню, почему все взваливаю на Ваши хрупкие плечи. Сейчас к Андрею привязаны две невидимые нити. Конец одной находится в руках Ольги, другой – в руках Виолы. Ни одна из них не тянет за свой конец: Виола из гордости и обиды, Ольга от нежелания, которое объясняется очень просто – она не любит этого мужчину. Виола, напротив, любит, но ждет, когда мужчина сделает шаг в ее сторону. Она расценит этот шаг, как желание помириться, и начнет действовать. Но время играет против нее. Виола должна опередить Ольгу и рвануть нить на себя, иначе та сделает рывок первой, и Захаров окончательно запутается в ее сетях, выбраться из которых ему будет не под силу ни самому, ни с помощью жены. Далее последует развод, Ольга заставит Андрея составить завещание в ее пользу, что произойдет с женщиной после этого, разгадать не сложно, тем более, если Ольга Кашкина на самом деле убийца Олеся Бондарь – женщина с нездоровой психикой. – я высказался уверенно, хотя, сам сомневался, кто есть кто. Но моя уверенность должна заразить Виолу.
- Я понимаю, что Вы говорите иносказательно, - задумалась над моими словами женщина, - а я хочу разобраться, как мне действовать?
- Вы вместе с Ритой должны хорошенько встряхнуть его. Напугать.
- То мозги проветрить, то напугать, - запричитала Маргарита.
- Ты будешь пугать! А твоя мама... действовать по обстоятельствам...

Замок открылся, и в квартиру зашел высокий мужчина. Он аккуратно поставил на тумбу портфель и стал подниматься на второй этаж, где была комната дочери. Захаров замер в дверях в недоумении – увидеть Риту в компании двух мужчин он не ожидал.

- Пап, привет, - поздоровалась Марго хриплым голосом. Она лежала на кровати, натянув на себя одеяло под самый подбородок.

- Здравствуй, моя девочка. – он склонился над ней и прикоснулся губами ко лбу. – Холодный. – без эмоций произнес он. Выпрямился и обратился к нам. – Вы кто?

Евламий сделал шаг вперед, как на плацу.

- Я врач. И должен поговорить с Вами наедине.

Андрей кивнул, и они удалились. Я знал, о чем пойдет речь: я сам написал конспект. Бобик заявит, что у нее вирусный менингит, последствия которого могут быть самыми плачевными. И далее последует описание последствий...

Жестоко? Согласен! Но другого выхода нет.

Я успел рассмотреть мужчину и убедился, что был прав, когда говорил о тумане в голове. Его глаза походили на глаза больного катарактой: он, словно, видит мир сквозь пелену, с трудом различая окружающие предметы и людей. Пока не наступила полная темнота, но она подходит все ближе и ближе, впереди ясно видна одна журналистка, все остальные находятся на втором плане в плену надвигающейся ночи. Для Андрея это общая масса чужих людей. Для него существует только Ольга. Он зависит от нее, от ее желаний. Но у нас есть возможность остановить надвигающуюся ночь, которая окончательно поглотит всех людей. А затем и его самого. Мы должны избавить Захарова от катаракты болезненным хирургическим путем. Да, мы будем резать по живому, без наркоза. Только скальпелем будет служить страх потерять дочь и... внезапно вспыхнувшая ревность. Но второе произойдет несколько позже.

После беседы с «доктором» Андрей Терентьевич вернулся другим человеком, его движения стали скоординированными, исчезла заторможенность и безучастность. Он был нацелен на желание помочь дочери. В глазах была заметна легкая дымка, но она стала менее плотной. За Захаровым следовал «доктор», который едва сдерживался, чтобы не пуститься в пляс.

Молодец, Евлаша, хорошо справился со своей ролью, - мысленно похвалил я друга, а заодно и себя за находчивость и сообразительность.

- Думаю, мою девочку надо поместить в хорошую клинику. Я сейчас позвоню и договорюсь... - озабоченно произнес отец. Снова склонился над «больной», провел рукой по ее щеке и сказал, - не волнуйся, моя прелесть, все будет хорошо.

Но он не успел набрать нужный номер. Хлопнула входная дверь, по лестнице застучали каблучки, в комнату, как ураган, ворвалась Виола. Согласно моей версии, она только что вернулась с морского побережья.

Женщина не удостоила взглядом мужа и бросилась к дочери.

- Ритуля, что ты наделала!? Я чуть с ума не сошла! Как ты могла уехать и ничего не сказать!? Мы искали тебя с Любовью Трофимовной по всему поселку, заявили в полицию. Мы решили, что ты... утонула. – мать прижала к себе дочь и заплакала навзрыд.

Актерское мастерство было на высшем уровне. Мы терпеливо ждали, когда она успокоится.

После истерики последовали объяснение в любви. Краем глаза я наблюдал за Захаровым. Сначала он не мог понять, кто перед ним, затем стал с интересом наблюдать за происходящим, «включился» в сопереживание. В глазах мужчины появилась осмысленность и сосредоточенное внимание. Наконец, женщина «заметила» окружающих. Не взглянув в сторону мужа, который поедал ее глазами, она сосредоточилась на мне.

- Аристарх, ты меня разочаровал. – простонала Виола. - Как ты мог увезти ребенка и ничего мне не сказать!?

- Я думал, ты... разрешила Марго уехать, - нахмурился я.

- Боже мой! – завывала она. – И за этого бессердечного человека я хотела выйти замуж!

- Дорогая, я не виноват... Ритуля попросила меня, я не мог отказать твоей дочери. – я опустился рядом с ней на кровать и обнял за плечи. – Прости, я был неправ. Я люблю тебя... - Я заглянул ей в лицо, - а ты? Ты по-прежнему любишь меня?

Мы непроизвольно посмотрели на Захарова, будто желали получить ответ на поставленный вопрос от него. По лицу мужчины пробежала тень неудовольствия, она сменилась удивлением: он сложил брови «домиком» и вопросительно уставился на жену. Затем вздрогнул, словно его окатили ушатом ледяной воды, поежился и обхватил себя руками. Время шло. Мы молчали. Я предупредил друзей, что нельзя переигрывать. Нельзя взваливать на Андрея слишком много информации. Пусть переварит одно, если его не «проймет» будет выдавать ее дальше. Такими же незначительными порциями.

Я надеялся, что первой порции будет достаточно. Так и получилось.

Захаров расправил плечи, нахмурился, будто осознавал сказанное незнакомым мужчиной, которого жена называла Аристархом, и резко бросил.

- Ты полюбила другого!? Ты хотела выйти замуж за этого человека!? Виля, как ты могла так поступить!?! – в его голосе было столько боли, что мы испугались за последствия.

Виола не спешила отвечать. Она кинула на меня вопросительный взгляд. Было заметно, что она напугана не в меньше, чем муж. Я поднялся. И тем самым освободил место рядом с женщиной. Андрей поспешно его занял.

- Наша девочка нездорова, она нуждается в госпитализации. – трагическим голосом заявил он, надеясь, что «болезнь» дочери соединит их с женой и позволит ей забыть о планах создания новой семьи.

- Я сама разберусь, - отмахнулась от него женщина, не поворачивая головы. Виола была готова броситься в объятия мужа, но выдерживала паузу, хотя, ей это давалось нелегко.

- Виля, это не просто простуда, - доверительно сообщил Андрей, - мы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы ее спасти.

- Неужели тебя беспокоит физическое состояние Риты?

Захаров задумался. Это был переломный момент. Дальше или мир, или окончательный разрыв. Я боялся, что Виола напомнит ему о существовании журналистки – разлучницы, тогда она снова выйдет на первый план, а наша затея «пойдет прахом». Следующей

попытка не будет. Я был готов вмешаться в разговор, мысленно призвал женщину посмотреть в мою сторону, она подняла на меня глаза, я приложил палец к губам, она едва заметно кивнула.

Он должен сказать, должен сказать, - твердил я про себя, как молитву. Рядом нетерпеливо переминался с ноги на ногу Евлампий Бобик.

И Захаров сказал.

- Я всегда беспокоюсь о дочери. И о тебе, Виля. Потому что... я люблю вас обеих и не могу без вас...

Мы с Евлампием ушли в гостиницу, а они остались в своей квартире втроем. Навсегда...

На следующий день Виола заехала за нами, чтобы вместе отправиться в загородный дом.

- Аристарх, Вы оказались, как всегда, правы: Андрей сделал барский жест и подарил дом Ольге.

- Вы хотите его вернуть?

- То, что я хотела, я вернула. Вернее, кого хотела... Я не хочу жить в доме, где хозяйничала другая женщина. Мне страшно подумать, что она еще могла сотворить с моим Захаровым.

Совместное будущее Андрея с Кашкиной мне виделось ясно: после бракосочетания он занеможет, затем покинет этот мир, предварительно составив завещание в пользу новой жены. А богатая вдова проживет обеспеченной счастливой жизнью. Виола из гордости не захочет оспаривать завещание Захарова, хотя, несовершеннолетняя дочь имеет право на часть наследства...

Хорошо то, что хорошо заканчивается, - подумал я. Сердце не согласилось. Чем ближе мы подъезжали, тем отчаяннее оно напоминало об опасности гулками ударами. Я предчувствовал, что сейчас увижу Бондаря...

Автомобиль Виолы уперся в автоматические ворота. Женщина с помощью дистанционного радиоуправления привела автоматику в действие, и ворота отъехали в сторону. Мы пересекли границы чужого владения, которое еще недавно принадлежало семье Захаровых, вышли из машины и без приглашения вошли в дом. Огромное пространство первого этажа было пустым и неприветливым. Виола окинула взглядом помещение и хотела идти на второй этаж, но я ее удержал. Из гостиной был еще один выход. Через огромные окна мы увидели бассейн и прохаживающую возле него женщину в бикини. Вероятно, она не слышала, что в дом вторглись непрошенные гости. Я подошел вплотную к окну, приятель последовал за мной.

- Это же Кашкина! - задохнулся Евлампий, автоматически делая шаг назад.

Женщина резко повернулась в нашу сторону, почувствовав на себе пристальный взгляд. Да, фигура, рост, цвет волос у нее были, как у погибшей виолончелистки.

Я открыл дверь и переступил порог. Постоял, а потом стал двигаться в ее сторону.

Теперь я с уверенностью мог сказать: это была Олеся Бондарь.

Она не испугалась. По крайней мере, я этого не заметил. Мы стояли и смотрели друг на друга.

- Ты не удивлена, что я жив? - не выдержал я и первым нарушил затянувшееся молчание.

- Нет. Я чувствовала, что ты скоро придешь. - безразличным голосом произнесла журналистка. Но безразличие длилось недолго. - Неужели я никогда не освобожусь от тебя!? - сквозь зубы процедила она.

- Это он от тебя скоро освободится, когда тебя упрячут за решетку за все злодеяния! Надеюсь, пожизненно! - накинулся на Олесю Бобик.

- Боже, и этот здесь! Арик, ты не можешь обойтись без своего адъютанта? Знаешь, я всегда ревновала тебя к нему. Это так неприятно - ревновать любимого к другому мужику.

К нам присоединилась Виола.

- О, кого я вижу?! Брошенная жена! Или тебя уже подобрал один из них?

Женщина не удостоила ее ответом.

- Я вас не приглашала! Зачем пришли? – недовольным голосом спросила Бондарь.
- Удостовериться, что ты – это ты, - пояснил Евлампий.
- Удостоверились? Тогда, прошу на выход!

Никто не шелохнулся.

- Собирай вещички, красавица, мы проводим тебя до ближайшего отделения полиции. – ласково произнес Бобик. – Думаю, твой образ запечатлен на всех фотографиях, наклеенных на доске с суровой надписью: Их разыскивает милиция... Или теперь вместо милиции пишут полиция? Не важно. Изображение на них, конечно, не ахти, но мы подтвердим твою личность.

- Пошли вон! – истерически закричала Олеся.

Я повернулся к Виоле и Евлампию.

- Оставьте нас вдвоем.
- Но... как же, - испугался приятель. – Она может повторить попытку и...
- Ничего не случится, - заверил я их. – Ждите меня в машине.
- Что нам делать? – спросила Виола, быстро привыкнув жить по моей указке.

Мне не дал ответить Евлампий.

- Я позвоню «02» и сообщу, где скрывается опасная преступница.

Я лишь кивнул.

Захарова и Бобик, нехотя, удалились. Евлаша все время оглядывался, словно ждал, что я его остановлю.

- Олеся, ты больна. Я хочу помочь тебе. – внушительным тоном начал я и сделал шаг в ее сторону.

Бондарь наклонилась и взяла с шезлонга полотенце.

- Ты мне очень поможешь, если уйдешь. Я не могу тебя видеть! Я тебя не-на-ви- жу! – прошипела она. – Ты испортил мне жизнь! Если бы не ты, моя жизнь сложилась по-другому. Я не превратилась бы...

Договорить у нее не хватило сил.

- Да, я виноват перед тобой и хочу все исправить. – я сделал еще один шаг.
- Стой, где стоял! – зловещим голосом предупредила она. – В ее руке появился пистолет, который до этого был спрятан под полотенцем.
- Не нервничай, давай сядем и поговорим. – тихо сказал я, не сводя взгляда в ее лица. На пистолет я старался не смотреть.
- Раньше надо было разговаривать. Много лет назад, когда еще можно было что-то исправить! Когда я сидела в редакции этой дурацкой газеты и только и делала, что ждала: сейчас откроется дверь, зайдешь ты и признаешься мне в любви. Ты посетуешь, что раньше не разобрался в своих чувствах, что лучше меня нет на свете. Мы возьмемся за руки и пойдем по жизни вместе. – ее губы тронула улыбка, но тотчас исчезла. Олеся посмотрела на меня, как на человека, участь которого предрешена. - Ты не волнуйся, - успокоила она. – Ты не будешь мучиться, как в первый раз. Я научилась хорошо стрелять. И пистолетик настоящий, а не травматический...

- Олеся, - я приблизился еще на шаг.

- Стоять! – приказала Бондарь. – И не заговаривай мне зубы. Ты ничего не сможешь изменить. Твоя жизнь в моих руках, а не наоборот. Теперь все иначе... Понимаешь, я должна тебя убить, - будничным тоном заявила она, словно уговаривала себя и меня. – Я не могу спокойно жить, зная, что ты где-то ходишь по нашему круглому шару. Не могу! Когда Олег выстрелил в тебя, я подумала: Наконец! Свершилось! Я была безмерно счастлива, что освободилась от тебя. Я почувствовала себя совершенно здоровой. Два года, целых два года я пребывала в эйфории, пока однажды не почувствовала, что ты жив. Болезнь, от которой я с трудом избавилась, вдруг вернулась. И началось. Я не спала ночами, на улице вела себя, как шпион, все время оглядывалась и высматривала тебя в толпе. Везде был ты... Ты плавал со мной в бассейне, сидел со мной рядом в офисе

редакции журнала, спал на кровати между мной и Андреем, обедал в кафе за одним со мной столиком, пил по утрам кофе из моей чашки. Я устала быть в твоём обществе. Я хочу остаться одна. Сегодня утром я поняла, что настал мой звездный час: я освобожусь от тебя!

Олеся увлеклась монологом и не заметила, как я приблизился к ней. Так я думал...

Она среагировала быстро и нажала на курок. Я видел все в замедленной съемке: вот пуля летит прямо на меня. Обычный кусок металла с заостренным концом. Она жалит меня в лоб. Холодная сталь оказалась на деле горячей. Она прожгла мою голову насквозь...

Моя голова развалилась на две части. Боль была ужасной и нестерпимой.

Потом боль ушла. Я почувствовал легкость. За моей спиной выросли крылья, я взмахнул крыльями и полетел...

Я стоял на палубе большого лайнера, рядом со мной была Вика. Белый теплоход, синее море, парящие чайки и мы. Райское место для двух влюбленных. Мы любовались окружающими красотами и едва слышно переговаривались.

- Представляешь, - говорила Вика, - я недавно узнала, что была приемной дочерью. Мне мама перед смертью призналась.

- Она взяла тебя из детского дома?

- Нет, она выкрала меня из коляски. Молодая мамочка уснула на скамейке в парке, а она...

- Твою мать звали Любовь Трофимовна? – перебил я жену.

- Нет, - покачала головой Вика, - ее звали Нелли Витковская. Она была воздушной гимнасткой в цирке. Я тоже хотела стать артисткой цирка, но мама настояла, чтобы я пошла в медицинский. Она получила серьезную травму и всю жизнь провела в инвалидном кресле.

Я ничего не понимал. Передо мной была Вика, дочь Любви Трофимовны. Сестру Ксении Белкиной, которая когда-то была Витковской, я нашел. Или я нашел не ту Викторину, не украденную дочь Елены Александровны? И почему моя жена Вика утверждает, что она окончила медицинский институт? Я точно знаю, что она пошла по стопам своей матери Любви Трофимовны и работала бухгалтером на заводе в Туапсе до тех пор, пока не переехала ко мне.

Или это не моя жена? Тогда кто стоит рядом?..

- Это мы, - слышались издалека знакомые голоса.

Послесловие

Аристарх с трудом разомкнул тяжелые веки. У его кровати стояли отец и Евлампий. Чуть в стороне замер доктор, настороженно переводя взгляд с больного на приборы жизнедеятельности, к которым он был подключен.

- Привет! - достаточно звонко и громко поздоровался Арик.

Мужчины в ответ заулыбались, хотели наброситься с вопросами, но доктор их мягко отодвинул.

- Здравствуйте, Дмитрий Русланович, - поприветствовал Ламбровский эскулапа. Тот в свою очередь странно посмотрел на больного.

- Меня зовут Виктор Алексеевич.

- Ваша фамилия Сосновский?

- Березовский.

- Но как же... Вы сами мне представились Сосновским Дмитрием Руслановичем.

- Когда же я успел, если Вы только сейчас пришли в себя, а я всего час, как заступил на дежурство.

Ламбровский пропустил высказывание мимо ушей и обратился к другу.

- Евлаша, а где Ксюша?

- Она... в Австрии, - недоуменно пояснил Бобик.

- К маме поехала, - догадался Аристарх. – И сына, наверное, взяла с собой. – Заметил ошеломленный вид приятеля и поспешил успокоить, - не волнуйся, она вернется. - Перевел взгляд за окно, где буйно зеленели деревья, и тихим голосом спросил, – мне уже исполнилось... сорок два года?

- Почему... сорок два? – разом удивились отец и Бобик.

Василий Федорович взял инициативу в свои руки.

- Тебе сегодня исполняется тридцать восемь лет! Поздравляю, сынок! Будем считать, что твой второй день рождения совпал с первым.

- Как... тридцать восемь? Когда я очнулся после первого покушения, мне исполнилось сорок лет. Через год Бондарь выстрелила в меня, а мне снова тридцать восемь. Я вернулся на три года назад?.. Ничего не понимаю.

- Я тоже ничего не понимаю! – присоединился к сыну отец. – Какое второе покушение? Я знаю только об одном, которое произошло вчера. В тебя стрелял брат Олеси Бондарь, их обоих задержали.

Аристарх перебил отца и повторил историю покушения, о которой ему рассказывали... три года назад.

- Вероятно, ты ее слышал, когда был под наркозом после операции. Это я тебе рассказал. Я уговорил доктора пустить меня к тебе.

- Конечно, так оно и было! – поддержал Василия Федоровича Евлампий. Затем провел рукой по голове, улыбнулся временному перекуру, который взял комбайн, и задумчиво произнес. – А Ксюша еще не вернулась. И сына у нас нет.

В правдивости сказанных слов отцом и Бобиком Аристарха убедила редкая растительность на голове друга.

Ламбровский не знал, радоваться ему, что время стало отсчитывать назад годы, или нет. И что делать с даром? И есть ли он на самом деле? Сосновский уверял, что его может не быть, если снова погрузиться в кому...

Но отец и Евлампий утверждают, что комы не было, он был под наркозом после успешно проведенной операции. Аристарх запутался окончательно.

Тут дверь в палату открылась и... вошла Ксения Белкина. Ламбровский прикрыл глаза, затем снова открыл – видение не исчезло.

- Мое дежурство закончилось, но я решила зайти проверить нашего больного, - сказала она с милой улыбкой.

- Арик, познакомься, это Виктория Димитриевна. Она тебя оперировала и провела у твоей постели всю ночь.

- Это Вас выкрали из коляски в младенческом возрасте? – с серьезным видом поинтересовался Ламбровский.

- Вы все слышали? – не удивилась она. – Мне так хотелось с кем-то поделиться...

Она присела рядом. Их взгляды встретились. Она смотрела на него ласково и внимательно. А он утонул в ее шоколадных глазах.

- Мне кажется или мы на самом деле были женаты? – спросил он у доктора.

- Может, в прошлой жизни, - предположила она с улыбкой.

- А в этой? Вы... ты могла бы выйти замуж за простого скрипача?

- Могла, - не раздумывая, подтвердила она, - если скрипач наберется храбрости и сделает мне предложение.

- Опять, он меня опередил, - раздался возмущенный голос Евлампия.

- Не волнуйся, друг, у твоей суженой есть веская причина вернуться в Россию. Она должна встретиться со своей пропавшей сестрой. Остальное зависит от тебя.

- Я не оплошаю, - заверил меня Евлампий.

Свой дар я с легкостью обменял на любовь женщины. Или дара не было? Неужели мне все привиделось за одну ночь? Наверное, привиделось...

Декабрь 2010 года – январь 2011 года
Отредактировано: ноябрь 2012 года